Государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы»

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Минск
РИВШ
2017

УДК 94(47/49)«18»(082)
ББК 63.3(45)6я43
Д64

Сборник основан в 2017 г.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 5 от 26 октября 2017 г.)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. НАН Беларуси, д-р ист. наук проф. *И. А. Марзалюк* (пред.);
д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р ист. наук проф. *В. А. Космач*;
д-р ист. наук проф. *В. И. Яковчук*;
д-р ист. наук проф. *А. М. Лютый*;
д-р ист. наук проф. *Г. Г. Лазько*;
д-р ист. наук проф. *С. И. Никонова* (РФ, Казань);
д-р ист. наук *О. Мастяница-Станкевич* (Литва, Вильнюс);
канд. ист. наук доц. *В. А. Сосно*;
канд. ист. наук доц. *В. А. Теплова*;
канд. ист. наук доц. *С. Ф. Шимукович*

Д64 «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследование по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. Вып. 1 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2017. – 210 с. ISBN 978-985-586-106-6.

Сборник научных трудов издается в рамках выполнения задания 1.1.03 «История и культура» подзадания 1.1.03.3 «Формирование элит на территории Беларуси в XIX – начале XX века» (номер госрегистрации 20160828) государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг. Содержит научные статьи, в которых ученые-историки Беларуси, России и Литвы рассматривают разные аспекты развития Восточной Европы и территории современной Беларуси в интересный, насыщенный событиями исторический период, обозначенный Э. Хобсбаумом как «долгий XIX век».

Адресован профессиональным и начинающим исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется историей нового времени Беларуси.

УДК 94(47/49)«18»(082)
ББК 63.3(45)6я43

ISBN 978-985-586-106-6

© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2017

Шимукович Сергей

ГУО «Республиканский институт высшей школы», Минск, Беларусь

Shymukovich Serguei

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

УДК 94(476:316.344.42)«18/19»

БЕЛОРУССКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ ПЕРИОДА «ДОЛГОГО XIX ВЕКА» КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ

BELARUSIAN REGIONAL ELITES OF THE PERIOD OF «LONGER XIX CENTURY» AS A SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH: THE SUBSTANTIATION OF THE CONCEPT

В статье обосновывается необходимость применения мультидисциплинарного подхода к анализу истории развития белорусского региона в период «долгого XIX века». Исторический процесс понимается автором как результат деятельности глобальных и региональных элит с учетом специфики нахождения белорусского региона в составе Российской империи. Исследование процесса трансформации белорусских региональных элит на протяжении «долгого XIX века» с помощью известных в социологии методов дает возможность расширить оценки историко-социального процесса в данном регионе в обозначенном историческом периоде.

Ключевые слова: «долгий XIX век»; белорусский регион; региональные элиты; контрэлита; квазиэлита; теории элит; методы исследования элит.

The article substantiates the necessity of applying a multidisciplinary approach to the analysis of the development history of the Belarussian region during the «long XIX century». The historical process is understood by the author as a result of the activity of global and regional elites taking into account the specifics of the location of the Belarussian region within the Russian Empire. The study of the process of transformation of Belarussian regional elites throughout the «long XIX century» with the help of methods known in sociology makes it possible to expand the assessments of the historical social process in this region in the designated historical period.

Keywords: «long XIX century»; the Belorussian region; regional elites; counter-elite; quasi-elites; the theory of elites; methods for studying elites.

На протяжении XIX века белорусы прошли очень долгий, сложный и противоречивый путь развития, который привел их в XX веке к оформлению собственной государственности вопреки беспрецедентному давлению, которое оказывали на формирующуюся нацию соседние государственнические национальные и имперские проекты. С точки зрения этих

проектов белорусская территория и населявшие ее люди рассматривались представителями соответствующих элит в рамках собственных концепций развития, предполагавших как процессы унификации белорусов в рамках существующей российской государственности, так и в попытках возрождения польской государственности, утерянной в последнем десятилетии XVIII века.

История XIX века во всей ее специфике достаточно логично и обоснованно представлена в предложенной Эриком Хобсбаумом концепции «долгого XIX века». В своих обобщающих трудах, посвященных событиям, произошедшим на европейском континенте с момента Великой французской революции и до Первой мировой войны, этот историк-марксист достаточно точно подметил все специфические черты данного периода [1].

В это время происходило становление и окончательное закрепление буржуазного общества с его ценностями и нормами поведения, многократно ускорилась социальная мобилизация, в рамках экономической модернизации победы индустриальные производственные отношения, нормой стала автономия искусств, техническая и интеллектуальная рационализация, инновационное и прогрессистское мышление, оформилась и укрепилась национальная государственность, произошли иные глобальные перемены, которые олицетворяли оформление предпосылок классического модерна [2, с. 322].

«Долгий XIX век» – это еще и время господства в Европе империй, которые диктовали правила в геополитике и реализовывали унификационные проекты государственности на собственной территории. Территория современной Беларуси была включена в состав Российской империи на протяжении нескольких десятилетий второй половины XVIII века, и, таким образом, история белорусских земель в «долгом XIX веке» – это история белорусского региона в составе Российской империи со всеми особенностями статуса данной территории как «внутренней окраины», которую пусть и непоследовательно, но верно продвигали к положению «ядра» империи [3]. Тем не менее, в полном непротиворечии с инструменталистской концепцией Э. Хобсбаума, в которой национализм рассматривается как политический инструмент, белорусские земли, как и многие иные регионы, ранее являвшиеся частями европейских империй, обрели собственную национальную государственность в период краха империй в начале XX века. То, что белорусская государственность смогла утвердиться только в усеченном виде в форме советской республики, в данном случае не представляется принципиально существенным, значение имеет тот факт, что государственность стала реальностью, и это было результатом деятельности определенных социальных сил.

Таким образом, «долгий XIX век» для Восточной Европы начался с разделов Речи Посполитой, и именно эти события более чем на столе-

тие определили условия и параметры существования народов данного суперрегиона в составе «великих европейских империй» – Российской, Австро-Венгерской и Германской (которая возникла благодаря мощному историческому рывку Пруссии в этом же XIX веке). Исследователь, который занимается указанным периодом, на наш взгляд, должен учитывать специфику данных условий. Так, по мнению историка Л. Е. Горизонтова, «имперская проблематика предполагает взгляд не избирательно-этнический, а системно-региональный, ибо континентальные империи представляли собой симбиоз достаточно неоднородных славянских этносов с их еще более неоднородными неславянскими соседями» [4, с. 116]. В этой связи именно региональный характер элит, а не их национальная принадлежность, приобретает первостепенное значение, поскольку данный признак способен максимально полно раскрыть специфику развития региона.

Динамика исторических процессов в период «долгого XIX века» привлекла внимание исследователей к контингентности социальных процессов и привела к появлению на рубеже XIX–XX веков целого ряда фундаментальных трудов, на сегодняшний день являющихся классикой элитологии (Г. Моска, 1896; Р. Михельс, 1911; В. Парето, 1916 и др.). Вильфредо Парето ввел в научный оборот термин «элита», которую он определял как группу лиц, получивших наивысший индекс в своей деятельности, достигших в определенных сферах высшего уровня компетентности, в силу чего они занимали высокое положение в обществе, оказывали политическое, социальное и экономическое влияние на происходившие события, зачастую сами их же иницируя и конструируя. При этом исследователь уделял особое внимание мотивации поступков людей, в данной связи политика выступала у него в качестве функции психологии, а элитарность общества он объяснял в том числе и психологическим неравенством индивидов [5, с. 59–63].

При том, что критика со стороны коллег по ученому цеху как предложенного термина, так и самой концепции элит В. Парето была жесткой, понятие «элиты» прочно вошло в лексикон ученых гуманитарного профиля, а теории элит, новые интерпретации и определения данного термина появляются с завидной регулярностью и в наши дни. Общее представление о состоянии элитологии на сегодняшний момент дают научные публикации Н. С. Бирюковой и А. В. Дука в научных социологических журналах [6; 7].

Анализируя исторические события вне зависимости от их принадлежности к историческому периоду либо географическому региону, полагаю правильным использовать междисциплинарный подход и методологические наработки, принципы и подходы, относящиеся к смежным для истории отраслям знания, прежде всего социальной антропологии, психологии, культурологии, социологии, политологии и т. д. Историю

белорусского региона весьма перспективно рассматривать как историко-социологический процесс во всем его многообразии и специфике. При этом перспективным объектом изучения становятся региональные элиты, которые занимали активную социальную позицию и пытались реализовать проекты самого разного характера и значения на обозначенной территории.

К настоящему времени в социологии сформировалось два основных подхода к определению элит, которые можно обозначить как 1) альтиметрический, стратификационный или функциональный и 2) ценностный, аксиологический либо меритократический. Первым оформился альтиметрический подход, в рамках которого элиты представлялись чаще всего как закрытые социальные группы, при этом основным критерием их выделения являлось обладание ими властью. Данный подход зачастую продолжает главенствовать в политической философии и истории в силу простоты выявления групп, обладающих властными полномочиями, и их описания с использованием традиционных критериев. Белорусская историческая научная традиция также ориентируется на понимание элит как групп, обладавших властью, т. е. рассматривает их как представителей институтов официальной власти – чиновников, военных, полицейских и т. д.

Однако второй подход к определению элит позволяет отойти от политологического детерминизма и использовать в качестве критериев определения и описания элит аксиологические параметры. Этот подход более сложен в части выявления элит как социальных групп, поскольку не апеллирует к очевидным параметрам и критериям, а отсылает к трудно фиксируемым и просчитываемым признакам и описаниям. Понимание элиты как энергичной части общества, а представителя элиты как человека энергии (Х. Ортега-и-Гассет), способного решать проблемы и побуждать к действию [6, с. 4], при этом не обязательно обладающего формальными властными полномочиями в рамках действующих официальных институтов, усложняет процесс идентификации, но предоставляет широкие возможности для исследователя. Именно второй подход наиболее приемлем (но и трудозатратен) при изучении белорусских региональных элит на протяжении «долгого XIX века».

Идентификация и анализ элит как части общества, находящейся на вершине власти, тривиален, как отмечает А. В. Дука, поскольку все общества и все организации имеют управленцев и высших должностных лиц и анализ их структуры ничего нам не говорит о сути происходящих социальных процессов [7, с. 8]. При анализе исторических событий, определявших повестку развития белорусского региона в составе Российской империи, полагаем важным не только выявить формальные элиты, обладавшие властными полномочиями, т. е. представителей чиновничества, церковной иерархии, иных представителей имперских властных институтов, но и идентифицировать и изучить представителей иных социаль-

ных групп, отстраненных от власти, но занимавших весьма активную позицию по многим важным вопросам политического, социального, экономического, культурного развития белорусского региона и активно продвигавших соответствующие региональные проекты как через легальные институты и механизмы, так и посредством запрещенных в Российской империи форм и методов деятельности.

В рамках функционального подхода Сьюзан Келлер ввела понятие «стратегических» элит, в дополнение к нему был предложен термин «суперэлита», или элита в системе элит. Это объяснялось тем, что не все элиты были одинаково влиятельны, таким образом, менее влиятельный уровень элит предлагалось обозначить как «субэлиты», «региональные элиты» и т. д. В самой политической элите было предложено различать правящую элиту и оппозиционную, или «контрэлиту» [6, с. 9, 11]. Данные наработки позволяют нам вполне обоснованно использовать термин «региональные элиты», когда мы говорим о белорусском регионе и идентифицируем социально активные группы на его территории в период «долгого XIX века».

Как отмечает российский социолог А. В. Дука, «...исследование элит начинается с простой процедуры их идентификации <...> другими словами – где и как ее искать? Эта начальная процедура осуществляется или на основе определенной теории, или на основе научного или обыденного здравого смысла. Второе среди исследователей доминирует» [7, с. 9]. Полагаем, что для идентификации белорусских региональных элит наиболее правильным будет использовать сочетание как положения теорий элитологии, так и научный здравый смысл, с помощью которого можно предложить решение проблем, касающихся объяснения белорусской специфики и не находящих решения в рамках предшествующих элитологических концепций, разработанных в иных исторических и социальных условиях. Не всегда данные теории оказываются валидными при проверке в других национальных условиях.

На сегодняшний момент в социологии существует значительное число научных методов идентификации групп элит, но чаще всего применяют четыре основных метода, которые используют наработки как функционального, так и меритократического подхода к пониманию данного социального явления. Эти методы подходят как для теоретических, так и для эмпирических исследований. Они называются в соответствии с тем, что является предметом анализа исследователя: позиционный или институциональный, формальный метод; метод репутационного анализа; проблемный метод, или метод анализа принятия решения; рекрутационный метод.

Метод позиционно анализа получил широкое распространение в силу того, что элиты более полно могут быть представлены в формальных государственных институтах. Как отмечает А. В. Дука, «здесь мы имеем

два видения элиты: то, что можно назвать чисто функциональным подходом и позиционно-потенциальным подходом» [7, с. 11]. В рамках данного метода анализу подлежат политические элиты, встроенные в имеющиеся властные институты в соответствии с существующей организационной структурой органов управления. Преимущество данного метода заключается в его простоте и доступности для исследователей, поскольку для выявления элит могут использоваться списки политиков, чиновников и иных лиц, облеченных властными полномочиями, а в соответствии с организационной структурой органов управления данные элиты могут быть проранжированы по степени своего влияния.

В XIX веке в Российской империи уже достаточно полно публиковались списки чиновников разного уровня как центральных, так и местных органов власти, так что в наличии источников для анализа недостатка нет. Однако данный метод имеет существенный недостаток, поскольку к элитам могут быть причислены лица, обладающие властью лишь по формальному признаку. В то же время на общественно-политические события могли оказывать существенное влияние лица, не занимающие официальных должностей, однако оказывающие влияние на лиц, облеченных формальной властью. Таким образом, реальные носители власти могут оказаться за пределами внимания исследователя.

Специфика управленческой традиции белорусского региона в период «долгого XIX века» также нивелирует основные достоинства данного метода, поскольку официальные органы губернского и уездного управления комплектовались преимущественно чиновниками из центральных российских губерний, в то время как лояльные центральной власти представители местного сообщества привлекались на рядовые должности исполнителей или низовые руководящие должности. В отличие от еще одного региона империи – Финляндии, также находившегося в зоне фронтиров (противостояние России со Швецией), где еще в начале XIX века был оформлен автономный статус и появилась возможность формирования собственной управленческой элиты на всех уровнях регионального управления [8, с. 73–76], в белорусском регионе такая возможность не была реализована (план Огинского 1811 года о придании автономного статуса Великому Княжеству Литовскому был отвергнут Александром I).

Правительство Российской империи не доверяло местному привилегированному сообществу (т. е. региональным элитам), поскольку оно неоднократно показывало свою нелояльность и даже враждебность центральной власти (в частности, поддержка Наполеона, неоднократные восстания и деятельность антиправительственных организаций). Таким образом, метод позиционного анализа позволяет в первую очередь выявить представительство глобальных имперских элит в белорусском регионе, в то же время местные региональные элиты чаще всего остаются за границами анализа в рамках этого подхода. Тем не менее, данный ме-

тод вполне применим для выявления и оценки процессов трансформации местных элит, поскольку позволяет показать изменение количественного и качественного представительства местных уроженцев в имперских институтах власти, что может говорить об изменении отношения местных региональных элит к имперской форме государственности от ее преимущественного неприятия и противостояния ей в начале рассматриваемого нами исторического периода до принятия текущей ситуации и установления определенных форм лояльности по отношению к официальной власти к началу XX века.

Ряд недостатков позиционного метода позволяет преодолеть метод репутационного анализа элит, основанный на выявлении значимых и важных фигур в общественной жизни определенного сообщества, которые, не обладая формальной властью, способны оказывать влияние на принимаемые решения в силу своей репутации в обществе. Разработчиком данного метода является американский социолог Флойд Хантер, исследовавший во второй половине XX века структуры власти в Атланти (США).

Исследование в рамках репутационного анализа элит применялось для выявления элит в режиме реального времени, поскольку процесс включает несколько действий, в ходе которых выявляется перечень общественных «лидеров» региона, среди которых могут быть влиятельные бизнесмены, издатели, адвокаты, врачи, другие лица, пользующиеся авторитетом как у общества, так и у представителей власти. Одновременно с учетом половозрастных и этнических и иных схожих характеристик выявляются «эксперты», которые представляют различные деловые, профессиональные сферы деятельности. В свою очередь «эксперты» отбирают из первого списка так называемых «настоящих лидеров», при этом отнесение каждого конкретного индивида основано на наличии определенной репутации у «экспертов». В дальнейшем работа проводится с отобранными лицами на предмет уточнения списка влиятельных лиц, степени их знакомства между собой и т. д. Эта процедура не совсем применима в полном объеме в отношении выявления и анализа элит, действовавших в прошедшие исторические периоды, не все этапы указанного метода возможно реализовать. А. В. Дука отмечает, что в элитологии встречаются и другие варианты репутационного анализа, в частности, основанные на идентификации авторитета конкретной личности [7, с. 17].

В этой связи выявление списка авторитетных неформальных «лидеров» белорусского региона периода «долгого XIX века» провести вполне возможно, а роль «экспертов» могут выполнить современные исследователи. При этом источниковой базой в рамках репутационного метода могут быть публикации регионалистов в центральных и местных периодических изданиях, обширная мемуарная литература, переписка известных лиц, многочисленные экспертные и аналитические записки и т. д. В бе-

лорусском регионе Российской империи с появлением выборных органов местного управления, с началом элекционных процессов, связанных с выборами в Государственную думу, в начале XX века список документальных материалов, применимых для анализа в рамках данного метода, значительно возрастает. Усложняет использование репутационного метода выявления и исследования элит возможность субъективного отношения современного исследователя в отношении конкретных исторических личностей и объективная трудность обработки масштабного массива разнообразной источниковой базы.

Проблемный метод, или метод анализа принятия решения, считается наиболее точным в определении элит. Он сложен при эмпирических исследованиях, поскольку основан на необходимости проведения масштабного анализа обширного комплекса документов (прежде всего официального делопроизводства) с целью выявления лиц, причастных к принятию решений вне зависимости от их формального статуса. Проблемный метод допускает, что лица, причастные к принятию решений, к влиянию на развитие общественных и иных процессов, могут занимать и официальные должности, и (или) быть причастными к контролю критически важных ресурсов, могут обладать исключительной компетентностью либо авторитетом, либо находиться в центре неких неформальных «сетей» [7, с. 18]. Интерес для исследователя представляет как локализация центра принятия решений, так и предметная область их реализации. В силу данного обстоятельства на практике исследователь в состоянии проанализировать ограниченное число решений, а результаты исследования зачастую зависят от выбора предметной области рассматриваемых проблем. Таким образом, при анализе узкой группы управленческих решений можно идентифицировать только узкоспециализированный слой элиты.

Белорусская региональная специфика «долгого XIX века» предоставляет широкие возможности для проведения исторических исследований по выявлению, классификации и изучению региональных элит на основе данного метода в отношении разных этапов обозначенного хронологического периода. Такая возможность появляется благодаря широкому кругу исторических источников, представленных в первую очередь документами официального делопроизводства, а также всевозможными «мнениями», экспертными и аналитическими материалами, проектами и т. д., в которых возможно проследить как авторство, так и успешность реализации предложенного проекта.

Четвертый метод репутационного анализа, по мнению А. В. Дука, «весьма точно схватывает взаимоотношения разных социальных групп, отношение социальной структуры и элит» [7, с. 10]. Его использование должно способствовать поиску ответа на вопрос, откуда берутся элиты, как они возобновляются. Данный метод весьма актуален для историков, которые изучают процессы трансформации региональных элит в

белорусском регионе в период «долгого XIX века», поскольку в рамках возможностей, которые он представляет, можно проанализировать как происходившие изменения в механизмах рекрутинга представителей региональных элит в состав имперских элитарных сообществ, так и трансформацию механизмов поддержания региональных элит, не желавших консолидироваться с имперскими институтами и предлагавших альтернативные проекты развития региона.

Сочетание перечисленных социологических методов выявления и изучения региональных элит с основными универсальными методами исторической науки дает возможность историку раскрыть поставленные перед исследованием задачи по атрибуции и изучению региональных элит на территории Беларуси в период «долгого XIX века» и достичь запланированной цели научной работы. Круг имеющихся в распоряжении историка в первую очередь опубликованных, а также неопубликованных, введенных в научный оборот и еще неизвестных, но потенциально важных исторических источников, позволяет использовать преимущества каждого из четырех рассмотренных социологических методов исследования элит и преодолеть их недостатки за счет сильных сторон каждого из методов, а также за счет дополнительного использования методов исторической науки в совокупности с методами смежных наук (социальной антропологии, психологии, политологии и т. д.). В данной связи региональные элиты представляются весьма перспективным объектом исторического исследования, которое значительно обогащается при использовании методов смежных гуманитарных наук.

Список использованных источников

1. *Хобсбаум, Э.* Век революций: 1789–1848 / Э. Хобсбаум; пер. с англ. Л. Д. Якуниной. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. – 480 с.; *Хобсбаум, Э.* Век капитала: 1848–1875 / Э. Хобсбаум; пер. с англ. Т. Горяиновой, В. Белоножко. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. – 480 с.; *Хобсбаум, Э.* Век империй: 1875–1914 / Э. Хобсбаум; пер. с англ. Е. С. Юрченко, В. П. Белоножко. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. – 512 с.
2. *Ананьева, А.* «Долгий XVIII век»: характерные черты периодизации вне календарной хронологии и применение концепта к российской истории / А. Ананьева // Изобретение века: проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. – М.: Новое лит. обозрение, 2013. – 368 с.
3. *Шимукович, С. Ф.* Методологические подходы к исследованию политики имперской унификации в отношении белорусского региона в XIX – начале XX века / С. Ф. Шимукович // Духовная жизнь российских региональных сообществ: история, традиции, современность: сб. ст. IV Междунар. науч. конф. – Казань: Изд-во Казан. гос. архитектур.-строит. ун-та, 2015. – С. 197–205.
4. *Горизонтов, Л. Е.* Славянские народы и империи в долгом XIX веке. Размышления о векторах исследований / Л. Е. Горизонтов // Российское славя-

новедение в начале XXI века: задачи и перспективы развития: сб. материалов Всерос. совещания славистов, Москва, Ин-т славяноведения РАН, 23–24 окт. 2003 г. / отв. ред. В. К. Волков. – М.: Стратегия, 2005. – С. 116–130.

5. *Парето, В.* Компендиум по общей социологии / В. Парето // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М., 1997. – Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX в. – С. 59–67.

6. *Бирюкова, Н. С.* Социально-философский анализ концепта «элита» в классических и постклассических теориях элитообразования / Н. С. Бирюкова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) [Электронный ресурс]. – 2012. – № 4(12). – Режим доступа: www.sisr.pkas.ru. – Дата доступа: 25.10.2017.

7. *Дука, А. В.* Вариантность социологии элит / А. В. Дука // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т. XVIII, № 4(81). – С. 5–23.

8. *Мейнандэр, Х.* Гісторыя Фінлянды: лініі, структуры, пераломныя моманты / Х. Мейнандэр; пер. са швед. В. Рызмаковай. – Мінск: Маст. літ., 2017. – 198 с.

Загорнов Александр

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
Брест, Беларусь

Zagornov Alexander

Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus

УДК 340.1(476)

ВОЛОСТНОЕ ПРАВОСУДИЕ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОРГАНИЗАЦИОННО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

VOLOST JUSTICE IN THE BELARUS PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: THE ORGANIZATIONAL-LEGAL ASPECT

В статье анализируется тема учреждения и правового закрепления волостного правосудия на белорусской территории. Рассмотрены вопросы организационного и правового обеспечения деятельности волостных судов. Отмечено, что крестьянская система правосудия в целом положительно влияла на изменение статуса крестьян и способствовала складыванию единого правового пространства.

Ключевые слова: правосудие; волостной суд; крестьяне; юстиция.

The article analyzes the theme of establishment and legal consolidation of volost justice in the Belarusian territory. The questions of organizational and legal support

of volost courts are considered. It is noted that the peasant justice system, on the whole, positively influenced on the change of the status of peasants and contributed to the formation of a single legal field.

Keywords: justice; volost court; peasants; justice.

XIX век в полной мере заслужил право считаться одним из самых важных периодов отечественной истории. Многие процессы общественного и государственного характера, появившись и оформившись в данное время, повлияли на содержание развития следующего столетия. Это относится и к масштабным структурным реформам второй половины XIX века, призванным разрешить сложные социально-экономические и политические проблемы.

Преобразования указанного времени внесли глубокие изменения в функционирование государства. Глубокая трансформация государственных и общественных институтов, последовавшая за отменой крепостного права, потребовала изменения правосудия в соответствии с уже складывающимися новыми условиями.

В соответствии с положениями реформы 1861 года предусматривалось, что частновладельческое крестьянство, в том числе и на белорусской территории, обретало в полной мере статус граждан. В юридическом смысле это означало, что теперь конфликтные ситуации между ними должны были в обязательном порядке разрешаться в судебных учреждениях. Основным таким органом стал суд, который создавался на волостном уровне и имел сословный характер: судьи, выбиравшиеся из крестьян, рассматривали споры крестьян. Следует отметить, что в компетенцию такого суда входили только мелкие уголовные и гражданские дела. Данный суд представлял собой первую возможность получить правовую защиту для сельского населения империи.

Ликвидация крепостных отношений и оформление правовой защищенности крестьян, конечно, сразу не включили их в общегражданский строй, но создали предпосылки для движения в данном направлении.

Таким образом, без понимания организации правосудия на этом уровне невозможно создание целостной картины развития как судебной системы, так и крестьянского самоуправления.

В современной белорусской историографии отсутствуют крупные работы по указанной теме, вместе с тем ее актуальность, как представляется, возрастает, так как рассмотрение исторических аспектов организации и деятельности местных судов позволяет определить пути совершенствования современного правосудия и повышения уровня правовой культуры.

Вместе с тем рассмотрение указанной проблемы может быть дополнением в историю правопорядка в Беларуси, что, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию сложностей становления правового государства в современных условиях.

В широком смысле изучение крестьянского судоустройства и его очень непростого пути развития во второй половине XIX века позволит полнее определить причины революционных потрясений начала XX века, одной из которых, на наш взгляд, стало непонимание многими представителями государственной власти собственного народа и отсутствие институционально закрепленных каналов обратной связи.

Организация общего для всего населения правового поля и обеспечение единства права на всей территории страны представляла для сторонников реформ, получивших государственные полномочия, серьезную проблему. Важно было приблизить крестьян, ранее юридически изолированных, к общегосударственному праву.

Для выполнения такой задачи создавались волостные суды – отдельная судебная система, предназначенная специально для крестьян. В данной судебной инстанции, которая стала частью крестьянского самоуправления, можно было разрешать незначительные споры.

Формально крестьянский волостной суд был образован в 1861 году, но он основывался на имеющемся опыте организации правосудия для государственных крестьян, накопленном еще в первой половине XIX века.

Организация волостного правосудия была зафиксирована в 18-ти статьях «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», опубликованного 19 февраля 1861 года вместе с Манифестом об отмене крепостного права и другими положениями (ст. 93–110) [1, с. 57–60].

Волостной сход каждый год избирал судей в волостной суд (в количестве от 4 до 12). На судебном заседании обязательно должны были присутствовать три и более судей (ст. 93).

Крестьяне каждого селения самостоятельно выдвигали кандидатов на судебные должности. Староста или старшина готовили списки и передавали их волостному сходу. Судьями должны были быть преимущественно крестьяне-домохозяева (ст. 114). После избрания волостные судьи приносили присягу и приступали к выполнению своих обязанностей.

Исследователь правосудия белорусских крестьян Н. С. Тесленко писал, что и в белорусских губерниях волостных судей выбирали на волостных сходах. И добавлял, что при определении судей на заседание присутствует стремление избежать того, чтобы судья и стороны конфликта относились к одному сельскому обществу. Так, «если одна из сторон живет в той же деревне, в которой и судья, последний всегда считает это обстоятельство вполне достаточным поводом для устранения себя от разбора дела» [2, с. 83].

Принцип избрания судей создавал возможность качественного кадрового роста волостной юстиции. По свидетельству бобруйского уездного предводителя дворянства К. К. Стефановича, при выборах волостных су-

дей крестьяне «все больше и больше приходят к сознанию о важности этой должности, ведающей часто весьма близкие и дорогие для них интересы, особенно по поземельным делам». Поэтому, отмечал он, «состав их естественно все более улучшается» [3, с. 19].

Уже на волостном уровне наблюдалось отделение судебной власти от административной. Так, по ст. 104 «Общего положения» сельский староста и волостной старшина не имели права вмешиваться в деятельность волостного суда. Однако, как обращал внимание Н. С. Тесленко, староста в белорусских землях оказывал значительное влияние на волостные суды, так как пользовался авторитетом, вызывал доверие, а его показания в определенных категориях дел, например о поправах, имели решающее значение [2, с. 78–79].

Волостные суды учреждались для всех категорий крестьян. Основная цель судебного разбирательства в них – примирение сторон, что учитывало не только правовые, но и моральные нормы. Это соответствовало крестьянскому представлению о справедливости и обеспечивало окончательное решение конфликта.

Волостному суду разрешалось рассматривать гражданские дела, исходя из «местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту» (ст. 107).

В основных правовых актах судебной реформы 1864 года признавалось существование традиционной юстиции. Так, в одном из судебных уставов – «Учреждение судебных установлений» – волостные суды сохранялись вне созданной судебной системы, предусмотренной для лиц всех сословий. В примечании к ст. 2 данного устава говорилось, что «судебная власть (...) крестьянских судов определяется особыми о них постановлениями» [4, с. 32].

Волостной суд рассматривал различные крестьянские конфликты, связанные с переделом собственности, трудовыми отношениями, унижением личного достоинства. Это свидетельствовало о постепенном росте правового сознания.

Порядок рассмотрения дел в волостном суде имел свои особенности, связанные с крестьянским мировосприятием и сельской жизнью, и при этом, в целом, находился в русле официальных юридических процедур.

Если мировое соглашение не могло быть достигнуто, дело решалось на основании имеющихся в волостном правлении сведений о соответствующих сделках и обязательствах, а при их отсутствии – «на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту» (ст. 107). Тем самым еще раз подчеркивалось, что обычаи закреплялись как основа для решений внутренних проблем сельской жизни.

Существовала, конечно, проблема соотношения писанного и обычного права. «Идеал права, – писал исследователь обычного права И. Г. Оршанский, – по понятиям нашего простолюдина, заключается не в последовательном применении одинаковых норм к одинаковым случаям,

а в достижении естественной справедливости по конкретным условиям каждого дела. Решать не только “по делу”, но и “по человеку” и стараться не о том, чтобы каждый получил безусловно все, что ему принадлежит, но чтобы каждому не было обидно – вот характеристическая особенность нашего обычного права сравнительно с другими правовыми системами» (цит. по [5, с. 23]).

Но постепенно традиционная юстиция эволюционировала в сторону единой государственной посредством использования сходных правил и процедур, что, конечно, способствовало сокращению правовых отличий между крестьянами и другими категориями населения.

Документальное оформление было частью судебного процесса для крестьян. Они вызывались в волостной суд повестками, скрепляли своими подписями показания и решения или же за них это делал председательствующий судья. Ход рассмотрения дела волостной писарь фиксировал в специальной книге.

Судебный процесс в волостном суде включал в себя «представление жалобы, удостоверение личности свидетелей, составление дубликатов судебных повесток, размещение судей за накрытым зеленой скатертью столом, упорядоченную схему дознания и обсуждения, запись и зачтение приговора» [6, с. 279].

Таким образом, процедуры и регламент волостного правосудия способствовали постепенной интеграции крестьян в формирующееся общее правовое пространство.

Воспитание уважения к суду представляется длительным процессом, где, применительно к нашему сюжету, огромную роль играло существование наиболее близкого к народу элемента судебной системы, который, несмотря на все сложности, был более понятен крестьянам, чем суды общей юрисдикции, и соответствовал их представлению о справедливости.

Волостной суд обеспечивал оперативность и, что очень важно, понятность судебных решений. Это было необходимо для разрешения мелких крестьянских дел. Крестьянин оказывался участником судебного процесса, что, конечно, изменяло его понимание общегосударственных правил.

Волостной суд способствовал развитию правовой культуры среди крестьян и складыванию единого правового пространства.

Такие суды одновременно укрепляли и собственное достоинство человека, и государственную власть, связывая их в единый процесс общественного развития [6, с. 298].

Как представляется, волостное правосудие, со всеми его сложностями и недостатками, обеспечивало постепенное включение крестьян в общее гражданское поле и положительно влияло на реализацию принципа равенства всех перед законом.

Список использованных источников

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – М.: Юрид. лит., 1989. – Т. 7. Документы крестьянской реформы. – 431 с.
2. Тесленко, Н. С. О судоустройстве по обычному праву белорусов / Н. С. Тесленко // Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке – начале XX века. – М., 2003. – С. 78–91.
3. Стефанович, К. К. О сельском и волостном управлении в Западном крае / К. К. Стефанович. – СПб.: Тип. Глазунова, 1895. – 97 с.
4. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – М.: Юрид. лит., 1991. – Т. 8. Судебная реформа. – 496 с.
5. Земцов, Л. И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья) / Л. И. Земцов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 448 с.
6. Американская русистика: веги историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2000. – 332 с.

(Дата поступления: 30.09.2017)

Сыцько Кірыл

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

Sytsko Kiryl

Institute of History NAS of Belarus, Minsk, Belarus

УДК 930.2:27

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ЖЫЦЦЯ КАТАЛІЦКІХ ПАРАФІЙ БЕЛАРУСІ НАПРЫКАНЦЫ XVIII – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

SOURCES ON THE HISTORY OF LIFE OF THE CATHOLIC PARISHES OF BELARUS IN LATE XVIII – EARLY XX CENTURIES

Рымска-каталіцкія парафії ў Беларусі захоўваюць каштоўныя матэрыялы па гісторыі «доўгага XIX стагоддзя». Шэраг з іх, маючы дублетную прыроду і існуючы ў кансісторскіх і дэканальных копіях, прадстаўлены ў дзяржаўных архівах, таму добра даследаваны айчыннымі гісторыкам. Многія дакументы маюць унікальны характар, таму доступ да іх абмежаваны. У артыкуле прапануецца аналіз інфарматыўнай змястоўнасці некаторых матэрыялаў з парафіяльных архіваў беларускіх касцёлаў, наказваецца ўзвясці кожную гістарычную крыніцу, якая захоўваецца ў парафії, з іншымі дакументамі і матэрыяламі, створанымі пробашчамі.

Ключавыя словы: крыніцазнаўства; рыма-каталіцызм; парафіяльнае жыццё; штодзённасць; хронікі; намінатыўныя крыніцы.

Roman Catholic parishes in Belarus store valuable materials on the history of «Long XIX century». Some of parochial sources has been already well researched by local historians due to their wide representation in consistory and deanery copies in the public archives. Other documents are unique and access to them is limited. This article presents an analysis of informative senses of certain materials from the archives of the parish churches of Belarus, as well as the interrelationships of each historical source stored in the parish with other documents and materials created by the priests.

Keywords: source criticism; Roman Catholicism; Parish life; Daily life; Chronicles; Nominative sources.

На сённяшні момант парафіі Рымска-каталіцкага касцёла ў Беларусі назапасілі дастаткова буйны масіў крыніц па гісторыі XVII – XX стагоддзяў, які ў большасці выпадкаў нявывучаны айчыннымі даследчыкамі. У артыкуле прапануецца агляд шэрагу малавядомых дакументаў, якія храналагічна ахопліваюць перыяд «доўгага XIX стагоддзя» і знаходзяцца ў розных парафіях. Усе матэрыялы, прадстаўленыя ў артыкуле, сабраныя ў выглядзе электронных копіяў падчас археаграфічных экспедыцый і перададзеныя на апрацоўку ў Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Парафіяльным архівам паводле Кодэкса Кананічнага права, зацверджанага ў апостальскай канстытуцыі Іаана Паўла II «*Sacrae disciplinae leges*» у 1983 годзе, называецца комплекс матэрыялаў, які знаходзіцца на захаванні пры адным асобна ўжытым касцёле і датычны гісторыі і сацыяльных аспектаў пэўнай парафіі, у якім выдзяляюцца гістарычная (якая страціла практычную значнасць, але важная як пэўная «рэліквія») і бягучая (якая выкарыстоўваецца ў практычных і сацыяльных мэтах) часткі [1, с. 218, 238, 471].

Усе гэтыя матэрыялы аб'ядноўваюцца адной агульнай рысай – удзелам святароў у працэсах справаводства, наступствам чаго з'яўляецца адлюстраванне фактаў і падзей з пункта гледжання рэлігійнай установы.

Як вынік, спецыфіка жыцця насельніцтва парафіі ў яго гістарычным зрэзе адлюстроўваецца ў цеснай сувязі з такой традыцыяналісцкай інстытуцыяй, як хрысціянская царква, што выражаецца ў існаванні пэўных трывалых традыцый, заповоленасці, размеранасці і апрыёрнай адсутнасці рэзкіх сацыяльных узрушэнняў. Сялянская паўсядзённасць у дадзеным выпадку літаральна пранізваецца хрысціянскай верай [2, с. 187].

Трэба адзначыць, што тэма паўсядзённасці і мікрагістарычных канструктаў развіваецца ў гістарыяграфіі Беларусі дастаткова актыўна, а многія матэрыялы даследаваны і апісаны ў буйных навуковых працах. У прыватнасці, інвентары і візіты, святарскія дзённікі і г. д. як крыніцы

па гісторыі штодзённасці грунтоўна даследуе Д. В. Лісейчыкаў [3]. В. В. Урублеўскі разглядае метрычныя кнігі, эпістальярый [4, с. 39–50, 107–110] і г. д.

У артыкуле разглядаецца фарміраванне праекцыі, якая называецца парафіяльным жыццём.

Парафіяльнае жыццё напрыканцы XVIII – пачатку XX стагоддзя лепш за ўсё адлюстроўваецца ў такім каштоўным відзе гістарычных крыніц, як парафіяльныя (гл. напр., [5; 6]) і кляштарныя хронікі (апошнія як культурны феномен грунтоўна даследавала Г. Паўлоўская) [7]. Традыцыя весці хронікі касцёльнага жыцця, у адрозненне ад іншых летапісных традыцый, не згасла ў XIX стагоддзі, і працягвалася ў некаторых касцёлах да 1939 года ўключна. У прыватнасці, яшчэ ў 1904 годзе ў часопісе «Гамілетыка» быў надрукаваны артыкул з прапановай у якасці большай колькасці месцаў працягваць касцёльныя летапісныя традыцыі [8, с. 65].

Па-сутнасці, памянёныя гістарычныя крыніцы з’яўляюцца кампільчымі фактаў з іншых матэрыялаў парафіяльных архіваў, таму заўжды пераклікаюцца з інвентарамі, візітамі, метрычнымі кнігамі і г. д. Аб злучэнні дадзеных матэрыялаў у адзін звод гавораць, у прыватнасці, такія фігуры мовы, як «...старыя парафіяльныя дакументы сведчаць...» [5, арк. 2], «...у метрыцы парафіяльнай запісана...» [6, арк. 211], «...аб гэтым распавядаецца ў інвентару касцёльным...» [6, арк. 214], «...прысутнічае ўзгадка ў метрыцы...» [6, арк. 326] і г. д.

Такім чынам, касцёльная хроніка з’яўляецца асноўным відам крыніц па гісторыі штодзённасці, а іншыя дакументы могуць існаваць у цеснай сувязі з ёй. З мэтай паказаць гэтыя сувязі характарыстыка гістарычных крыніц у дадзеным артыкуле падаецца ў інтэртэкставым выглядзе.

Мясцовае святарства вельмі падрабязна занатоўвала нават самыя, на першы погляд, нязначныя факты, якія адбываліся ў дадзенай мясцовасці. Такая стараннасць апісання падзей, як вынік, дае даследчыкам магчымасць убачыць дастаткова поўную карціну сацыяльнай рэальнасці памянёнага перыяду. Як можна вызначыць з дадзеных хронік, мясцовае насельніцтва стагоддзямі не мяняла ладу жыцця і сферы дзейнасці. Напрыклад, у парафіяльным мястэчку Ішчална традыцыйна з XVII стагоддзя займаліся вобжыгам цэгля і гашэннем вапны [5, арк. 3], іншая вытворчасць адсутнічала да 1930-х гадоў, калі тут з’явіліся заводскія школы (аналагі сучасных тэхнічных каледжаў) [9, с. 91] і першыя малочныя кааператывы побач з Кермянамі [5, арк. 4].

Размернасці і няспешнасці жыцця, адлюстраванай у хроніках, спрыяла нізкая сацыяльная мабільнасць (як гарызантальная, так і вертыкальная), якая добра адлюстроўваецца праз іншыя гістарычныя крыніцы, якія масава захаваліся ў парафіяльных архівах: пагадовыя спісы насельніцтва, кнігі ахвяраванняў; спісы асоб мужчынскага полу, народжаных у парафіі, і інш.

Пры параўнанні любога дакумента з дадзеных груп з яму падобным становіцца бачным, што пэўныя змены і зрушэнні адбываліся ў адзінкавых выпадках, найбольш частымі з якіх былі міжканфесійныя пераходы. У прыватнасці, падобныя выпадкі гарызантальнай мабільнасці добра адсочваюцца праз такі від гістарычных крыніц, уведзены ў касцёльнае справаводства пасля Указа аб верацярпімасці 17 красавіка 1905 года, як кнігі канверсіі (*Liber Conversorum*) [10], у якія занатоўваліся ўсе пераходы асобы паміж канфесіямі – у пераважнай большасці выпадкаў – прыняцце ў рыма-каталіцызм. Пазней, у першыя гады «кароткага XX стагоддзя», кнігі канверсіі як след зацвярджэння ў 1917 годзе першай рэдакцыі Кодэкса кананічнага права былі дапоўненыя трафарэтнымі заявамі (rodanie) на пераход у іншую канфесію [11; 12].

Наогул, гістарычныя крыніцы намінаўнага характару (г. зн. тыя, у якіх называецца асоба альбо група асоб, аднак не даецца ёй развернутай характарыстыкі) з'яўляюцца найбольш буйной групай матэрыялаў любога парафіяльнага архіва. Так, тыя ж метрычныя кнігі заводзіліся ў чатырох асобніках – бруліёне, парафіяльным, дэканальным і кансісторскім. Пазней да іх мог дадавацца яшчэ адзін падвід метрык, маладаследаваны айчыннымі гісторыкамі, – алфавітныя рэестры ўсіх асоб, народжаных у парафіі за працяглы перыяд. Напрыклад, рэестры парафіі Воўпа [13] з'яўляюцца перапрацоўкай усіх метрычных кніг за 1764–1849 гады з указаннем прозвішча і імя асобы, колькасці год на момант яе ўнясення ў спіс, а таксама спасылкі на кнігу метрыкі, у якой дадзены чалавек су-стракаецца.

Гэта значыць, можна казаць аб тым, што інфармацыя аб кожным асобна ўзятым індывідзе дублявалася шмат разоў – у кожнай з метрык, алфавітных рэестрах, усемажлівых спісах і г. д., што падкрэслівала значнасць і неабходнасць уліку кожнага асобнага прадстаўніка пэўнай парафіі.

Палажэнне рэчаў, пры якім нават звесткі аб адной маленькай асобе становіліся нечым значным, прыводзіла да таго, што эпідэміі хваробаў, надзвычайныя здарэнні, пажары ўспрымаліся як нешта экстраардынарнае і занатоўваліся ў парафіяльных дакументах досыць падрабязна. Напрыклад, шчучынскі храніст веў падрабязны лік ахвяр эпідэміі тыфу і дызентэрыі (ад якіх ў 1833 годзе памерла 120 парафіян) [6, арк. 219], а таксама склаў спісы ўсіх пашкоджаных будынкаў пасля пажару 1888 года [6, арк. 255].

Сапраўдным святам і важнай падзеяй у жыцці парафіян выглядалі наведванні касцёлаў дзяццзільнымі біскупамі, што вельмі падрабязна занатоўвалася, у прыватнасці звесткі аб тым, калі і які біскуп наведаў касцёл з дакладнасцю да дня давалі хронікі Ішчалны, Шчучына, Каліша і інш. Пры параўнанні запісаў аб гэтай падзеі з актамі візітацый становіцца бачным, што дадзеныя аб прыездах біскупа браліся менавіта

адтуль. Так, ужо згаданая вышэй Ішчалнская хроніка прыводзіла наступныя звесткі: 14 верасня 1801 года парафію наведаў біскуп Ян Няпомуцэн Корвін Касакоўскі, 15 верасня 1854 года – Вацлаў Жылінскі, 22 чэрвеня 1861 года – Адам Станіслаў Красінскі і г. д. (звесткі даюцца да 1928 года, калі Ішчалну візітаваў Рамуальд Ялбжыкоўскі) [5, арк. 4 адв]. Падобную інфармацыю ўтрымліваюць выніковыя запісы актаў візітацый Ішчалнскага касцёла Найсвяцейшай Тройцы. Напрыклад, у інвентары да генеральнай візітацыі ад 14 верасня 1801 года маюцца звесткі аб прысутнасці біскупа Віленскага Яна Няпомуцэна Корвіна Касакоўскага падчас апісання маёмасці [14, арк. 8] і г. д.

Немалаважная роля ў касцёльных хроніках надавалася таксама апісанню жыцця і дзейнасці парафіяльных святароў. Пры гэтым у гістарычных крыніцах апісваліся абсалютна ўсе святары, якія з’яўляліся пробашчамі, і раздзел называўся «Жыццяр’ысамі пробашч’аў» [5, арк. 15–20], ці «Духавенства» [6, арк. 272–303]. У некаторых кляштарных хроніках (у прыватнасці, у «Храналогіі» Т. Дыгоня) у раздзел уносіліся толькі самыя значныя святары, і дадзеная частка называлася «Памяць аб высакародных айцах, пахаваных у гэтай царкве» (*Memoria patrum vita celebrium in hac ecclesia sepultorum*) [7, с. 159].

Короткія біяграфіі, складзеныя ў некалькі апакрыфічным стылі, калі асабліва адзначалася сацыяльнае служэнне і дзейнасць па ўпарадкаванні мясцовага касцёла пры поўнай адсутнасці апісання негатыўных рыс, паказвалі святарства як пэўны абсалют сацыяльнага жыцця, які з’яўляўся неад’емным сімвалам, своеасаблівым транзітывым знакам мясцовасці.

Так, партрэт святара з Ішчалнскай і Шчучынскай хронік апісваўся з дапамогай наступных катэгорый: дадзеныя аб нараджэнні, адукацыі, схільнасці да навукі і дабрачыннасці, звесткі аб асноўных напрамках працы па добраўладкаванні касцёльнай маёмасці. У часы паўстанняў 1830–1831 і 1863–1864 гадоў абавязковымі былі звесткі аб патрыятычнай дзейнасці.

Апроч занатавання біяграфіі святароў у адмысловы раздзел парафіяльнай хронікі, у ордэнскіх парафіях існавала традыцыя весці алфавітныя спісы памерлых братоў ордэна (гл., напрыклад, [15; 16]). Дадзеныя гістарычныя крыніцы ўяўляюць сабой намінатыўныя дакументы, у якіх пазначаецца імя спачылага, а таксама парафія, з якой ён паходзіў, і дата смерці.

Нарэшце, значная колькасць месца ў парафіяльных хроніках адводзілася апісанню непасрэдна самога касцёла – абразоў, фігур, тынкоўкі, званоў і г. д., што гаворыць аб фактычнай непадзельнасці ва ўяўленні святарства, якое натавала падзеі цывільнага і рэлігійнага жыцця, а таксама аб прадстаўленні парафіяльнага касцёла як цэнтра асаблівага мікракосма.

У падтрымку гэтай думкі гаворыць і тое, што апісанні мясцовасцей рабіліся менавіта з прывязкай да культавага будынку. Так, перад самым пачаткам «доўгага XIX стагоддзя», у 1784 г., былі зроблены вопісы парафій Лідскага дэканата, апрацаваныя ў наш час А. Рыбаком. У дадзенай працы ў якасці меры вылічэння адлегласці была прапанавана колькасць міляў і крокаў ад парафіяльнага касцёла. Напрыклад, двор Асочнікі «...яснавляможнага пана Сцыпіёна...» Дэмбраўскай парафії знаходзіўся на адлегласці тысячы крокаў ад касцёльнага будынку [17, с. 25], фальварак Бастуны «...яснавляможнай пані Ёдкавай...» Гародзенскай парафії (цэнтр якой знаходзіўся ў Осава) – «...на летні ўсход ад касцёла палова малой мілі...» [17, с. 28], фальварак Лапацішкі, які належаў лідскім піярам, – на летні ўсход ад касцёла на палову мілі [17, с. 29] і г. д.

Такая непадзельнасць сфер жыццядзейнасці напрыканцы XVIII – пачатку XX стагоддзя, як паказваюць матэрыялы парафіяльных архіваў, у шмат якіх месцах, дзе існавалі касцёлы і кляштары, дапаўняла штодзённасць катэгорыяй хрысціянскага цуду (пад якім у дадзеным выпадку разумеецца звышнатуральная падзея, якая прама парушае «законы прыроды», не паддаецца рацыянальнаму тлумачэнню і здзяйснення Gratiarum Dei). Цудадзейным абразам і фігурам пакланяліся, іх лічылі апекунамі мясцовасці, але яны настолькі актыўна ўваходзілі ў паўсядзённасць, што станавіліся неад’емнай часткай жыцця кожнага парафіяніна. Дадзеныя цуды, як вынік, старанна натаваліся шэрагам парафіяльных святароў у адмысловыя кнігі цудаў (якія таксама маглі называцца кнігамі ласк). У некаторых рымска-каталіцкіх парафіях колькасць такіх цудадзейных выпадкаў, пацверджаная адмысловай дзяцэзіяльнай камісіяй, магла быць дастаткова вялікай, у некаторых выпадках – ледзь не штотыднёвай з’явай, у іншых – абвяргалася дадзенай камісіяй, аднак не губляла сваёй значнасці ў вачах мясцовага насельніцтва і станавілася часткай народных паданняў і вусных гістарычных аповедаў. Напрыклад, цуды, якія здзяйсняліся з пачатку XVII стагоддзя да канца 30-х гадоў XX стагоддзя пад Цвермскім крыжом, не былі пацверджаныя Рымска-каталіцкім касцёлам [18, арк. 15–15 адв.], аднак мясцовае насельніцтва настолькі верыла ў яго цудатворнасць, што традыцыя вешаць рушнікі для атрымання «ласк», якая з’явілася ў XIX стагоддзі, захавалася да сённяшняга дня [19, с. 47–48].

Цікавым таксама з’яўляецца прыклад ушанавання фігуры Езуса Журботнага ў Санктуарыі ў Росі. Так, за тры стагоддзі з пачатку ўшанавання дадзенай скульптуры занатавана некалькі сотняў цудаў, большасць з якіх – вылечванні хворых. У знак падзякі, паводле кнігі цудаў, вернікі завялі традыцыю прыносіць як ахвяру воты (votivus) [20]. Пры гэтым варта адзначыць, што ў шэрагу гадоў колькасць цудаў была настолькі вялікай, што ў кнігу рэгістрацыі запісвалася не апісанне сакральнага дзе-

яння, а толькі асоба і дата, у якую гэтая асоба прынесла воту да фігуры, г. зн. гістарычная крыніца трансфармавалася ў спіс ахвяраванняў.

Ахвяраванні – яшчэ адзін аспект парафіяльнага жыцця, які нельга пакінуць без увагі. Ахвяра на карысць касцёла з’яўлялася важным аспектам сацыяльнага ўзаемадзеяння ў сістэме «асоба – рэлігійная ўстанова». Масавасць і папулярнасць фундавання добра адлюстроўваюцца ў такіх шырокавядомых і даследаваных матэрыялах, як кнігі ўліку фондушоў і прыходаў, візіты, інвентары і г. д. Асобнымі відамі матэрыялаў з’яўляюцца разнастайныя віды кніг, у якія ўносіліся ахвяры: агульная кніга ахвяр (прыходу), а таксама ахвяра на званы.

Найбольш цікавымі ў гэтым кантэксце з’яўляюцца такія крыніцы, як рэгістры сакрыстыі ордэна францішкан [21], у якія ўносіліся імёны ўсіх фундатараў, гадзіна, у якую па іх спраўлялася набажэнства, а таксама імя брата ордэна, які павінны быў гэтае набажэнства спраўляць. Цікавым з’яўляецца той факт, што ў дадзеную крыніцу ўносіліся толькі найбольш значныя асобы, таму колькасць тых, за каго спраўлялі малітву, была адносна невялікай – па 1–2 чалавекі за раз. Асобная малітва спраўлялася за Віленскі капітул (калегія высокапастаўленых святароў пры біскупе Віленскага дзяццэзу). Расклады і спісы складаліся на год наперад і дзяліліся па месяцах, тыднях і днях. Пры гэтым варта адзначыць, што, па ўсёй бачнасці, набажэнства магло праводзіцца па-за межамі кляштара, у якім захоўвалася кніга. Так, у кнізе сакрыстыі Гродзенскага францішканскага кляштара цягам некалькіх месяцаў значыўся айцец Стэфан Каменьскі, які з’яўляўся пробашчам парафіі ў Драгічыне, дзе і памёр 13 красавіка 1800 года [16, арк. 19]. Дадзеныя крыніцы, перадусім, цікавыя па шэрагу прычын: па-першае, яны даюць уяўленне аб спісах найбольш значных фундатараў, па-другое, у кампаратыве са спісамі францішкан, а таксама са спісамі памерлых францішкан дазваляюць адсачыць мабільнасць ордэнскіх святароў у межах дзяццэзу.

Прысутнасць цудаў у жыцці, пастаянная ўвага біскупа, дзейнасць святарства ў беларускай парафіі канца XVIII – пачатку XX стагоддзя, г. зн. усё тое, што можна назваць вялікай прысутнасцю рэлігійнага фактара, прыводзіла да фактычнай сакраменталізацыі штодзённага жыцця парафіян. Апроч фундавання і ахвяр на карысць парафіі, цывільныя вернікі давалі клятвы і зарокі, падобныя на манаскія, не сыходзячы, у сваю чаргу, з цывільнага жыцця ў манаства. У перыяд «доўгага XIX стагоддзя» (і як лагічны працяг – за часамі «кароткага XX стагоддзя» ў П Рэчы Паспалітай), які, апроч іншага, можна ахарактарызаваць і рэзкім павелічэннем колькасці дакументаабароту шмат якіх устаноў, падобная сакраменталізацыя атрымала сваё замацаванне на паперы. Так, кармеліцкія скапуляры, францішканскія і дамініканскія тэрцыяры, усемагчымыя брацтвы і сястрыцтвы (Скапуляры у Ішчалне [22], Брацтва ў гонар Святой Тройцы кс. А. Фалькоўскага, Святога Ружанца [5,

арк. 3 адв.]; Скапулярый Найсвяцейшай Марыі Панны ў Селіванаўцах [23]) і іншыя падрабязна занатоўвалі звесткі аб сябрах арганізацыі ў адмысловыя кнігі.

Адным з найбольш важных аспектаў сацыяльнай дзейнасці парафіяльнага святарства з'яўлялася адукацыя мясцовых дзяцей і моладзі. Вядома, што пасля паўстання 1863–1864 гадоў многія парафіяльныя школы былі зачынены і перайшлі на нелегальнае становішча [24, с. 21], аднак дзейнасць па адукацыі працягвала занатоўвацца ў адмысловыя школьныя журналы, канспекты (compendium) і інш. На жаль, у дзяржаўных архівах дадзеныя гістарычныя крыніцы не захаваліся шмат у чым з-за антырэлігійных кампаній савецкай улады, але ў касцёльных архівах шэрагу населеных пунктаў яны прысутнічаюць у вялікай колькасці, што дае магчымасць рэканструяваць ход заняткаў, колькасць наведвальнікаў лекцый і г. д. Напрыклад, вядома аб існаванні буйной парафіяльнай школы пры Жырмунскім касцёле Адшукання Святога Крыжа, якая дзейнічала да 1939 года [25]. Дзённікі і журналы парафіяльнай школы даюць магчымасць казаць аб тым, што сярэдняя колькасць дзяцей у класах была каля 30 чалавек, іх катэхізавалі, вучылі чыстапісанню і чытанню.

Падобныя школы існавалі, напрыклад, у францішканскіх парафіях г. Гродна. У прыватнасці, ксёндз-канонік, настояцель Гродзенскага францішканскага кляштара Гіпаліт Баярунец, адзначаў у сваіх мемуарах, што па прыездзе ў Гродна ў 1910 годзе пачаў масава арганізоўваць школы, у якіх займаўся катэхізацыяй моладзі [18].

Усе пералічаныя вышэй матэрыялы, у злучэнні з добра вядомымі крыніцамі па гісторыі сялянскай і святарскай штодзённасці, даюць дастаткова поўную карціну гістарычнай рэальнасці эпохі (у кантэксце тэрыторыі Беларусі), якую Э. Хобсбаум назваў «доўгім XIX стагоддзем».

Такім чынам, большасць крыніц, якія захоўваюцца ў архівах парафій Рымска-каталіцкага касцёла ў Беларусі, уяўляюць сабой мікрагістарычныя дакументы, у якіх штодзённае жыццё насельніцтва тэрыторыі, якую займае тая ці іншая парафія, неад'емна звязана з сакраментальным полем. Такія гістарычныя крыніцы, як парафіяльныя хронікі, кнігі канверсіў, кнігі цудаў, рэгістры сакрыстый, ахвяры на званы, кнігі брацтваў, дзённікі і журналы парафіяльных школ, мемуары святароў і г. д., паказваюць выключную ролю касцёла ў жыцці рымска-каталіцкага насельніцтва Беларусі ў перыяд «доўгага XIX стагоддзя».

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Кодекс канонического права: утв. в апостольской конституции Иоана Павла II «*Sacrae disciplinae leges*» в 1983 г. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 624 с.

2. *Безгин, В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В. Б. Безгин. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. – 304 с.

3. *Лісейчыкаў, Д. В.* Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720–1839 гг. / Д. В. Лісейчыкаў. – Мінск: Медысонт, 2011. – 198 с.

4. *Урублеўскі, В. В.* Крыніцы па гісторыі штодзённасці Беларускага сялянства ў XVIII ст.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.09 / В. В. Урублеўскі. – Мінск, 2014. – 138 с.

5. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАНБ). – Фонд 3С. – Воп. 2. – Спр. 1.

6. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 3. – Спр. 1.

7. *Paulouskaya, H.* Grodzieńskie kroniki klasztorne XVII i XVIII wieku. Formy gatunkowe i aspekty komunikacyjne: rozprawa doktorska: 07.00.09 / H. Paulouskaya. – Warszawa, 2013. – 237 s.

8. *Walczak-Niewiadomska, A.* Kronika kościelna Kalisza jako źródło do badań nad dziejami miasta / A. Walczak-Niewiadomska // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Librorum. – 2007. – № 14. – S. 65–72.

9. *Bojarska, S.* Szkoła zawodowa żeńska w Iszczolnie / S. Bojarska // Ziemia Lidzka. – 1937. – № 8. – S. 91.

10. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 1. – Спр. 11.

11. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 7. – Спр. 5.

12. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 6. – Спр. 10.

13. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 8. – Спр. 8.

14. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 2. – Спр. 7.

15. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 3. – Спр. 2.

16. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 1. – Спр. 12.

17. *Рыбак, А.* Вопісы парафій Лідскага дэканату ў 1784 г. / А. Рыбак // Лідскі летапісец. – 2012. – № 4(60). – С. 25–31.

18. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 4. – Спр. 10.

19. *Суднік, С.* Цвермская капліца / С. Суднік // Лідскі летапісец. – 2011. – № 1 (53). – С. 33–48.

20. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 5. – Спр. 4.

21. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 1. – Спр. 8.

22. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 2. – Спр. 31.

23. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 11. – Спр. 10.

24. *Сыцько, К. В.* Сацыяльна-палітычныя становішча Рымска-каталіцкага касцёла ў Лідскім дэканате ў канцы XIX – пачатку XX ст. / К. В. Сыцько // Лідскі летапісец. – 2014. – № 2(66). – С. 19–24.

25. ЦНА НАНБ. – Фонд 3С. – Воп. 6. – Спр. 13.

(Дата паступлення: 11.09.2017)

Киселёв Александр

УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», Минск, Беларусь

Kiselev Alexander

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Belarus

УДК 94(476):351.744+316.344.42

**СТАТУС ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ В СОСТАВЕ
БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

**THE STATUS OF THE GENERAL POLICE AS PART OF
BUREAUCRATIC ELITE OF THE BELARUSIAN PROVINCES
(LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)**

Общая полиция в белорусских губерниях не являлась привилегированной группой в составе местной административной элиты. Главным признаком привилегированного положения считается размер материального вознаграждения. Несмотря на то, что общая полиция была важным элементом в системе местного управления, уровень жалования сотрудников полиции был невысоким.

Ключевые слова: полиция; элита; белорусские губернии; жалование; статус.

The general police in the Belarusian provinces were not a privileged group within the local administrative elite. The main attribute of a privileged position is the amount of material compensation. Despite the fact that the general police was an important element in the local government system, the level of salaries of police officers was low.

Keywords: police; elite; Belorussian provinces; salary; status

В листовке «Три конституции и три порядка государственного устройства» (1905 год) лидер фракции большевиков В. И. Ленин утверждал, что больше всего в поддержке неограниченного самодержавия в России заинтересованы придворные, чиновники и полиция, «чтобы всего лучше жилось» [1]. Однако вопрос о том, насколько хорошо жилось полиции при самодержавии, остается дискуссионным, поскольку достаточно спорным является сам тезис о прямой материальной заинтересованности полиции в деле защиты монархии, которая согласно ленинской логике якобы обеспечивала привилегированное положение для своей политической опоры. Можно предположить, что размер денежного содержания является одним из главных индикаторов привилегированного статуса профессиональной группы в составе административной элиты. В случае общей полиции, которая не только обеспечивала

личную и общественную безопасность подданных империи, являлась одним из ключевых элементов в системе местной исполнительной власти, но и символизировала политическую власть императора, принадлежность этого института и его сотрудников к административной элите представляется очевидной.

Вместе с тем, вопреки словам В. И. Ленина, растиражированным партийной пропагандой в период революции 1905–1907 годов, полиция вовсе не являлась высокооплачиваемой профессиональной группой чиновничества. В частности, изучавший общую полицию Тобольской губернии историк П. А. Сунгуров отметил, что «наиболее частой причиной добровольного оставления службы являлось именно низкое жалование. Полицейские шли на любую другую работу, где можно было получить больший доход. Установленные в 1867 году оклады правоохранителей к 1917 году или незначительно увеличились (до 5–15 %), или остались на прежнем уровне» [2, с. 22]. В своем исследовании, посвященном анализу структур Министерства внутренних дел в Рязанской губернии, И. Ю. Синельников писал о «мизерном жаловании» полицейского чиновничества [3, с. 20]. В диссертации А. В. Кокшарова о полицейских учреждениях Владимирской губернии отмечалось, что жалование полицейским чиновникам в начале XX века «с учетом условий работы и при сравнении с зарплатой других категорий государственных служащих оставалось на низком уровне. Оплата нижних чинов полиции была меньше заработков рабочего средней квалификации, а исполнительные чиновники полиции получали меньше любого служащего средней руки солидной торговой или промышленной фирмы» [4]. Похожее наблюдение сделала историк С. Н. Главинская, когда писала об уровне вознаграждения городских в Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях. Согласно ее данным, министерство «рассчитывало оклады полицейским по нормам второй половины XIX века, размер которых был не более заработка среднего рабочего. Повышенное содержание в начале XX века практически не изменяло их положения, так как уже сложились новые условия жизни, особенно в периоды экономических кризисов и Первой мировой войны, а некоторое материальное улучшение служащих в 1916 году не спасло ситуацию» [5].

Приведенные выше оценки, отражающие положение общей полиции во внутренних губерниях империи, не противоречат данным о материальном обеспечении полицейских в белорусских губерниях. Так, привычным делом было оставление службы городовыми или чинами уездной стражи, которые предпочитали более оплачиваемые рабочие специальности. Интересно, что привлекательными оказывались даже заработки неквалифицированных рабочих. Например, начальник Двинского Городского полицейского управления (далее ГПУ. – А. К.) Витебской губернии отмечал, что «нижние чины полиции получают настоль-

ко незначительное жалование (младший 19 рублей 91 коп., а старший 24 руб. 91 коп. в месяц), что часто меняют полицейскую службу на частную; чернорабочий в летнее время зарабатывает до 35 рублей в месяц» [6, л. 89]. Велижский исправник также указал на то, что стражники или городовые получали «меньше заработка чернорабочих». Это вынуждало нижние чины «отказываться от службы и отправляться в отхожие промыслы или поступать в среду рабочих, лучше их обеспеченных своим заработком» [6, л. 63]. В итоге, по мнению дриссенского исправника, «с полицейской службы уходят более лучшие люди и остаются лишь те, которые не видят в перспективе другого выхода» [6, л. 116]. В своем отношении на имя министра внутренних дел от 1 июня 1897 года минский губернатор кн. Н. Н. Трубецкой, настаивая на увеличении жалования чиновникам Минского ГПУ, писал, что «губернская администрация поставлена в крайне затруднительное положение в деле приискания лиц, желающих и вполне достойных занять полицейские должности, так как чины городской полиции, кроме скудности получаемого содержания, в виду малочисленности их, обязаны нести и совершенно непосильный труд, а поэтому большинство лиц, поступающих на службу в минскую городскую полицию, смотрят на эту службу, как на временное занятие, впредь до приискания должности, более обеспеченной в материальном отношении» [7, л. 6]. Для сравнения можно привести оклады чинов Министерства путей сообщения (далее МПС. – *А. К.*), служивших в Управлении Либаво-Роменской железной дороги в 1896 году. Если минский полицеймейстер получал 1500 руб. (жалование и столовые), то только заведующему отделом статистики управления казенных железных дорог полагалось 1800 руб., делопроизводителю – от 1200 до 1500 руб. Начальникам участков пути, инженерам выплачивалось более 1800 руб., помимо разъездных денег, казенных служебных квартир [8, с. 509–511]. Такие полицейские офицеры, как приставы, их помощники Минского ГПУ с окладами в 600 и 400 руб. в год соответственно, могли лишь заводить денежному содержанию чинов МПС. Служившему по ведомству Министерства народного просвещения директору минской гимназии Н. А. Адо в 1905 году полагалась казенная квартира и 3560 руб., из которых, правда, 960 руб. приходилось на пенсию [9, с. 931]. Директору Несвижской учительской семинарии выплачивалось содержание в 2000 руб. при казенной квартире [9, с. 939].

Тяжелое материальное положение полиции отмечалось и современниками. В частности, достаточно высоко оценивавший полицию империи минский губернатор В. А. Друцкой-Соколинский считал, что «главным недостатком русской полицейской организации как таковой была полная материальная необеспеченность ее агентов. От низших чинов и до ответственных начальников полиции включительно все получали совершенно нищенское вознаграждение, не дававшее им малейшей возможности к су-

ществованию» [10, с. 37]. Губернатору оставалось риторически спросить: «Можно ли было даже в прежние времена прожить на 17 рублей в месяц? А это оклад нижнего чина городской полиции... А если была семья, дети? Нельзя же требовать от чинов полиции обета безбрачия и иноческого вознаграждения?!» [10, с. 37]. Последний министр иностранных дел Российской империи Н. Н. Покровский, характеризуя общую полицию Ковенской губернии, писал о том, что «пристав и исправник, которые не брали взяток, считались каким-то восьмым чудом света». Однако он отметил, что «в оправдание чинов полиции приходится сказать, что при совершенно ничтожном содержании и дороговизне они, так сказать, были вынуждены брать взятки» [11, с. 33].

Невысокое жалование чиновников общей полиции не было тайной и для правительства. Так, в официальном ведомственном журнале «Вестник полиции» говорилось, что «действующие ныне оклады чинов общей полиции исключают всякую возможность не только достаточной, но даже минимальной обеспеченности этих должностных лиц» [12, с. 8]. Однако необходимость повышения жалования для полицейских чинов фактически не получила должной реализации, поскольку новые полицейские штаты и оклады были утверждены только в конце 1916 года, не учитывали экономических реалий в стране-участнице Первой мировой войны, ориентируясь на цены довоенного времени, и не успели дать каких-либо результатов в силу начавшейся революции, ликвидировавшей институт имперской общей полиции.

Таким образом, в начале XX века общая полиция в белорусских губерниях по уровню оплаты не принадлежала к привилегированной части административной элиты. Жалование местных полицейских чинов Министерства внутренних дел ничем принципиально не отличалось от содержания чиновников общей полиции, служивших во внутренних губерниях Российской империи. Социалистическая пропаганда, направленная против полиции, искажала реальный социальный статус стражей порядка. Материальное положение нижних чинов полиции по меньшей мере не отличалось от уровня рабочих. Чиновники полиции по размеру оплаты не принадлежали к верхушке местного чиновничества и в большинстве случаев получали жалование меньше, чем классные чины других ведомств. Вместе с тем социалисты были правы в одном: общая полиция наряду с армейскими подразделениями была единственной силовой опорой властей в период политического кризиса 1905–1907 годов. Однако привилегированной группой корпус чинов общей полиции, несмотря на такое важное значение для политической безопасности самодержавия, не являлся.

Список использованных источников

1. *Ленин, В. И.* Три конституции и три порядка государственного устройства [Электронный ресурс] / В. И. Ленин // Библиотека Нестор. – Режим доступа: <http://libelli.ru/works/10-23.htm>. – Дата доступа: 14.09.2017.
2. *Сунгуров, П. А.* Полиция Тобольской губернии в 1867–1917 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / П. А. Сунгуров. – Тюмень, 2014. – 30 с.
3. *Синельников, И. Ю.* Учреждения и чиновники Министерства внутренних дел в российской провинции 1861–1917 гг.: на материалах Рязанской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. Ю. Синельников. – Владимир, 2012. – 22 с.
4. *Кокшаров, А. В.* Полицейские органы Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 [Электронный ресурс] / А. В. Кокшаров // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – Режим доступа: <http://www.disser-cat.com/content/politseiskie-organy-vladimirskoi-gubernii-vo-vto-roi-polovine-xix-nachale-xx-vv>. – Дата доступа: 02.09.2017.
5. *Главинская, С. Н.* Организация и деятельность полиции Черноземного центра России в 1901–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 [Электронный ресурс] / С. Н. Главинская // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/organizatsiya-i-deyatelnost-politsii-chnozemno-go-tsentra-rossii-v-1901-1917-gg>. – Дата доступа: 02.09.2017.
6. Дело по отношению Департамента полиции от 24 декабря о доставлении статистических сведений (по вопросу об увеличении содержания чинам полиции) // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 24282.
7. Проект и обоснование штата минского городского управления // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 300. – Оп. 1. – Д. 78.
8. Список личного состава Министерства путей сообщения на 1896 г. – СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1896. – 1504 с.
9. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1905. – СПб.: Сенат. тип., 1905. – 1208 с.
10. *Друцкой-Соколинский, В. А.* На службе Отечеству: записки русского губернатора, 1914–1918 / В. А. Друцкой-Соколинский. – М.: Рус. путь, 2010. – 320 с.
11. *Покровский, Н. Н.* Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел / Н. Н. Покровский; сост., вступ. ст. С. В. Куликова, подгот. текста Д. Н. Шилова при участии С. В. Куликова, коммент. С. В. Куликова. – М.: Новое лит. обозрение, 2015. – 488 с.
12. Проект об организации сыскной части // Вестник полиции. – 1908. – № 8. – С. 8–10.

(Дата поступления: 04.10.2017).

Мацюш Павел

УА «Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка»,
Мінск, Беларусь

Matsiush Pavel

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk,
Belarus

УДК 94(476)«18/19»:658

МАДЭРНИЗАЦЫЙНЫЯ ПРАЦЭСЫ Ў ПРАМЫСЛОВАСЦІ БЕЛАРУСІ Ў XIX – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ І ІХ УПЛЫЎ НА ФАРМИРАВАННЕ ІНДУСТРЫЯЛЬНАГА ГРАМАДСТВА

MODERNIZATION PROCESSES IN THE INDUSTRY OF BELARUS IN THE XIX – EARLY OF XX CENTURY AND THEIR INFLUENCE ON FORMATION OF INDUSTRIAL SOCIETY

У артыкуле разгледжаны асобныя пытанні фарміравання індустрыяльнага грамадства ў Беларусі на фоне мадэрнізацыі айчынай прамысловасці ў XIX – пачатку XX стагоддзя. Паказана асаблівае роля прамысловасці ў гаспадарчым жыцці і трансфармацыі сацыяльнай структуры беларускага грамадства ў акрэслены перыяд.

Ключавыя словы: мадэрнізацыя; спецыялізацыя; індустрыяльнае грамадства; аграрнае (традыцыйнае) грамадства; прамысловасць; прамысловы пераварот; фабрычная вытворчасць; эканоміка.

The article deals with particular issues of formation of industrial society in Belarus on the background of the domestic industry modernization in the XIX – early XX century. The author shows the special role of industry in economic life and the transformation of the social structure of the Belarusian society in the certain period.

Keywords: modernization; specialization; industrial society; agricultural (traditional) society; industry; the industrial revolution; factory production; economy.

Вывучэнне пытанняў мадэрнізацыі прамысловасці Беларусі ў XIX – пачатку XX стагоддзя займае важнае месца ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі. У акрэслены перыяд адбываецца станаўленне і развіццё індустрыяльнага грамадства, якое паступова прыйшло на змену аграрнаму (традыцыйнаму). Такая трансфармацыя садзейнічала не толькі ажыўленню эканомікі рэгіёна, але і прывяла да істотных змен у сацыяльнай структуры, спрыяла абуджэнню культурнага жыцця і нацыянальнага пытання.

Розныя аспекты названай праблемы разгледжаны ў даследаваннях М. В. Біча, М. Ф. Болбаса, З. Я. Абезгаўза, А. М. Лютага, К. І. Шабуні,

С. М. Самбук і інш. У меншай ступені распрацаваны такія пытанні мадэрнізацыі беларускага грамадства ў XIX – пачатку XX стагоддзя, як сацыяльная стратыфікацыя насельніцтва, яго мабільнасць, асаблівасці функцыянавання саслоўных інстытутаў, змены ў менталітэце людзей, станаўленне элементаў грамадзянскай супольнасці, узаемасувязі этнакультурных і палітычных кампанентаў.

Працэс мадэрнізацыі прамысловасці ў Беларусі тэхналагічна быў звязаны з пераходам да фабрычна-заводскай індустрыі. Дасягнуты яшчэ ў першай палове XIX стагоддзя ўзровень мануфактурнай вытворчасці, падзел і спецыялізацыя працы стваралі матэрыяльныя перадумовы для пачатку трэцяй, фабрычнай, стадыі развіцця прамысловасці [1, с. 75].

Паступова пад уплывам тэхнічнага перавароту цалкам змянілася аблічча беларускай прамысловасці. XIX стагоддзе пачалося як «стагоддзе пара», а заканчвалася як «стагоддзе электрычнасці». Пры гэтым з’яўленню на сваёй зямлі і першых паравых рухавікоў, і першай электрастанцыі Беларусь абавязана менавіта прыватнай ініцыятыве і намаганням айчынных прадпрымальнікаў. Першыя фабрыкі з паравымі рухавікамі ў беларускіх мястэчках Хомск і Косава належалі слонімскаму памешчыку і прамыслоўцу В. Пуслоўскаму. У 1824 годзе прайшлі паспяховыя выпрабаванні на Сожы першага беларускай парахода, пабудаванага англічанінам-механікам Адамам Смітам па распараджэнні ўладальніка Гомельскага маёнтка графа Мікалая Румянцава. А ў 1889 годзе дала ток электрастанцыя ў Добрушы, якая паклала пачатак беларускай электрыфікацыі [2].

Варта адзначыць, што яшчэ да скасавання прыгону ў Беларусі даволі актыўна пачала прымяняцца машынная праца і, звычайна, на прадпрыемствах, заснаваных дваранамі-памешчыкамі. Але гэта не было сведчаннем таго, што прамысловы пераварот пачаўся з сярэдзіны 20-х гадоў XIX стагоддзя. Без наяўнасці свабоднай прафесійнай рабочай сілы гаварыць аб ім было немагчыма. З’яўленне паравога рухавіка стала перадумовай прамысловага перавароту, а не самім пераваротам. Такім чынам, у першай палове XIX стагоддзя мы можам гаварыць не пра пачатак індустрыялізацыі, а толькі аб перадумовах і першых кроках да яе [3].

Прамысловы пераварот – гэта доўгачасовы працэс. Паказчыкам яго завяршэння ў той ці іншай краіне з’яўляецца дасягненне ўзроўню, калі ў галоўных галінах прамысловасці большасць прадукцыі вырабляецца прадпрыемствамі, абсталяванымі машынамі, якія працуюць на паравой або электрычнай цязе. Невыпадкова, што індустрыялізацыя заўсёды суправаджаецца ўкараненнем машын у шырокім спектры вытворчасцей, а таксама структурнымі пераўтварэнні ў прамысловасці.

У розных рэгіёнах і галінах мадэрнізацыя прамысловасці Беларусі адбывалася нераўнамерна. У баваўнянай галіне прамысловы пераварот

пачаўся раней і хутчэй скончыўся. А ў цэлым у краіне машынная вытворчасць заняла пануючыя пазіцыі ў канцы XIX стагоддзя. Гэта было звязана з прамысловым уздымам 1890-х гадоў.

Тэхнічны бок прамысловага перавароту, які характарызаваўся дамінаваннем буйной машынай вытворчасці, садзейнічаў істотнаму павелічэнню прадукцыйнасці працы. Развіццё буйной машынай індустрыі спрыяла далейшаму росту грамадскага падзелу працы, з'яўленню новых галін вытворчасці (машынабудаўнічая, хімічная і інш.), хуткаму росту гарадоў і прамысловых цэнтраў, будаўніцтву чыгунак. Прамысловы пераварот прывёў да карэнных змяненняў у сістэме транспартных камунікацый. Чыгуначны рух садзейнічаў уздыму гарадоў і мястэчак, пра якія раней было мала што вядома. Увогуле буйнамаштабнае чыгуначнае будаўніцтва ў другой палове XIX стагоддзя стала найважнейшым фактарам, які фарсіраваў прамысловы пераварот і працэс фарміравання індустрыяльнага грамадства [4, с. 269].

Разгорнутае чыгуначнае і прамысловае будаўніцтва садзейнічала імкліваму развіццю галін прамысловасці, якія арыентаваліся на вытворчасць сродкаў вытворчасці. Калі агульны аб'ём прамысловай прадукцыі Беларусі ўзрос у 6,8 раза, то ў цяжкай прамысловасці гэты паказчык быў вышэй у 12 разоў. Найбольш вялікія фабрыкі і заводы размяшчаліся ў гарадах. Тым не менш, больш за 60 % фабрык і заводаў Беларусі і каля паловы занятых на іх рабочых знаходзіліся ў сельскай мясцовасці. Гэта ў значнай ступені было абумоўлена спецыялізацыяй беларускай прамысловасці.

Паступова ўся гаспадарка Расійскай імперыі, у тым ліку і Беларусі, пераходзіла на індустрыяльныя рэйкі. У 80–90-я гады XIX стагоддзя адкрываюцца машынабудаўнічыя і іншыя металаапрацоўчыя заводы, якія сталі арыентавацца на імпартную сыравіну. У цэлым ва ўсёй металаапрацоўчай прамысловасці Беларусі колькасць заводаў з 1860 па 1900 год узрасла ў 13 разоў.

У тэкстыльнай прамысловасці большасць фабрык складалі суконныя. Апрацоўкай лёну займалася ільнопрадзільная фабрыка «Дзвіна» ў Віцебску.

У паслярэформенны перыяд хутка расла колькасць фабрык у дрэваапрацоўчай і асабліва лесапільнай прамысловасці. Гэтаму спрыяла будаўніцтва чыгунак, побач з якімі з'явілася шмат лесапільняў. У канцы XIX стагоддзя ў Беларусі паравыя лесапільні складалі 45 % ад усіх лесапільняў. Яны аб'ядноўвалі 46 % усіх лесапільшчыкаў і выраблялі 52 % валавой прадукцыі ў галіне лесапілавання. З лесапілаваннем цесна была звязана вытворчасць фанеры. Такіх фабрык у 1900 годзе налічвалася 17. Дрэваапрацоўчая галіна стымулявала развіццё і запалкавай вытворчасці. Усяго ў дрэваапрацоўчай прамысловасці Беларусі ў канцы XIX стагоддзя, па падліках З. Я. Абезгаўза, налічвалася

90 фабрык, на якіх працавалі 3064 рабочыя і выпускалася прадукцыя на 3,6 млн руб. [5, с. 53].

Колькасць фабрык і заводаў у Беларусі за 1860–1890-я гады павялічылася ў 15 разоў і склала да канца стагоддзя 1137. Аб'ём вытворчасці на іх узрос у 37 разоў. Сродкі вытворчасці ў гэты перыяд склалі 32 % ад усёй прамысловай прадукцыі Беларусі. Гэты паказчык быў некалькі ніжэй, чым сярэдні па Расійскай імперыі (40 %), але варта ўлічваць традыцыйную спецыялізацыю прамысловасці Беларусі па перапрацоўцы мясцовай сельскагаспадарчай, лясной і мінеральнай сыравіны [6].

У 90-я гады XIX стагоддзя Расія ажыццявіла імклівы рух наперад у індустрыяльным развіцці. За дзесяцігоддзе прамысловая вытворчасць у краіне ўзрасла ў два разы. Пры гэтым прадукцыя цяжкай прамысловасці павялічылася ў 2,8 раза, а прадукцыя лёгкай – у 1,6, у выніку чаго доля галін, якія займаюцца вытворчасцю сродкаў вытворчасці, у агульным аб'ёме прамысловай прадукцыі дасягнула 1/3 [7, с. 9]. Беларусь знаходзілася ў рэчышчы гэтай тэндэнцыі, што прывяло да ўзрастання ўдзельнай вагі прамысловага сектара ў валавым нацыянальным прадукце ў акрэслены перыяд, і Беларусь паступова ператваралася з краіны аграрнай у індустрыяльна-аграрную.

Нягледзячы на тое, што большасць прадпрыемстваў у разглядаемы перыяд, як і раней, належала дваранам, купецкае прадрымальніцтва адыгрывала прыкметную ролю ў сацыяльнай структуры беларускага грамадства. Так, у 80–90-я гады XX стагоддзя фабрык і заводаў, уласнікамі якіх былі купцы, налічвалася ўжо 88 з 484 існуючых. На іх працавала 10,4 % рабочых. У парэформенны перыяд усе рабочыя сталі вольнанаёмнымі, хаця па-ранейшаму пераважная большасць з іх была выхадцамі з сялянства.

Па нацыянальным складзе як уласнікі, так і рабочыя падзяляліся ў залежнасці ад лакалізацыі фабрык і заводаў. У гарадах большасць уласнікаў і рабочых былі яўрэямі, у сельскай мясцовасці працавалі ў асноўным сяляне. Сярод уласнікаў у заходняй частцы пераважалі палікі і беларусы, ва ўсходняй – беларусы, рускія і палякі [8].

Такім чынам, мадэрнізацыя прамысловасці Беларусі ў разглядаемы перыяд праходзіла нераўнамерна. Калі ў 1860–1870-х гадах кардынальных змен не адбывалася, то пачынаючы з 1880-х гадоў яны становяцца больш істотнымі. Асабліва глыбокія пераўтварэнні адбываюцца ў канцы XIX і ў пачатку XX стагоддзя. На тэрыторыі Беларусі назіраліся прыкметныя тэрытарыяльныя адрозненні, якія наклалі адбітак на ўвесь комплекс мадэрнізацыйных працэсаў. Фабрычна-заводская прамысловасць развівалася ў асноўным у галінах, якія спецыялізаваліся на перапрацоўцы мясцовай сыравіны, а размяшчаліся гэтыя прадпрыемствы пераважна ў сельскай мясцовасці. Тым не менш роля

прамысловасці ў мадэрнізацыйных працэсах у эканамічнай сферы Беларусі была істотнай. Яе развіццё вызначала характар сацыяльных працэсаў у рэгіёне. Пад уплывам эканамічных пераўтварэнняў мянялася і сацыяльная структура насельніцтва Беларусі. Адбывалася яго маёмаснае і сацыяльнае раслаенне. Фабрычна-заводская вытворчасць выцясняла старую феадальную сацыяльна-эканамічную сістэму і стварала ўмовы для ўсталявання новага тыпу адносін, характэрных для індустрыяльнага грамадства.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Болбас, М. Ф.* Промышленность Белоруссии. 1860–1900 / М. Ф. Болбас. – Минск: Изд-во БГУ, 1978. – 312 с.
2. *Киштымов, А.* Вопросы экономического развития Беларуси и белорусская национальная идея в начале XX в. [Электронный ресурс] / А. Киштымов. – Режим доступа: <http://pdf.kamunikat.org/2181-6.pdf>. – Дата доступа: 14.09.2017.
3. *Жытко, А. П.* Метадалогія і некаторыя аспекты гісторыі Беларусі перыяду капіталізму [Электронны рэсурс] / А. П. Жытко. – Рэжым доступу: <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/2441/1/артыкул%20Жытко%20Наша%20н%20ва.pdf>. – Дата доступу: 14.09.2017.
4. *Соловьева, А. М.* Промышленная революция в России в XIX в. / А. М. Соловьева. – М.: Наука, 1990. – 272 с.
5. *Абезгауз, З. Е.* Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX века / З. Е. Абезгауз. – Минск: Наука и техника, 1971. – 179 с.
6. *Кохановский, А. Г.* На пути становления индустриального общества: модернизационные процессы в Беларуси (60-е гг. XIX – начало XX в.) / А. Г. Кохановский // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2008. – Вып. 3. – С. 31–46.
7. *Бовыкин, В. И.* Индустриальное развитие России до 1917 г. / В. И. Бовыкин. – М.: Наука, 1970. – 14 с.
8. *Пракаповіч, Л. Э.* Уплыў фабрычна-заводскай прамысловасці на сацыяльныя працэсы ў XIX ст. / Л. Э. Пракаповіч // Вес. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2006. – № 2. – С. 33–35.

(Дата паступлення: 22.09.2017)

Мяньчэня Сяргеј

УА «Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт», Мінск,
Беларусь

Myanchenya Syargej

Belarusian state agrarian technical university, Minsk, Belarus

УДК 94(476)«1897/1914»

ПІЦЕЙНЫ ГАНДАЛЬ І СПАЖЫВАННЕ АЛКАГОЛЮ Ў МІНСКАЙ ГУБЕРНІ Ў ГАДЫ «ВІННАЙ МАНАПОЛІІ» (1897–1914 ГАДЫ)

DRINKING TRADE AND CONSUMPTION OF ALCOHOL IN THE MINSK GUBERNIA DURING «WINE MONOPOLY» (1897–1914)

У артыкуле разглядаецца сістэма гандлю алкагольнымі напоямі, якая была ўведзена ў выніку рэформы па рэалізацыі «віннай манополіі». На прыкладзе Мінскай губерні паказана, што першасныя ідэі рэформы – барацьба з п'янствам, абмежаванне прыватнага сектара – былі адхілены на карысць фіскальных інтарэсаў, што прывяло да росту колькасці кропак продажу і спажывання алкаголю.

Ключавыя словы: вінная манополія; антыалкагольная палітыка; спажыванне алкаголю; казённыя вінныя крамы; корчмы

The article is devoted to the system of trade of alcoholic beverages, which has been introduced as a result of the of the «wine monopoly» reform. On the example of Minsk gubernia the author argues, that the primary idea of reform – the struggle against alcoholism, the limitation of the private sector, were rejected in favor of fiscal interests, what led to an increase in the number of points of sale and consumption of alcohol.

Keywords: wine monopoly; alcohol policy; alcohol consumption; state-owned liquor stores; tavern

З 1894 года ў Расійскай імперыі пачалася маштабная рэформа па рэалізацыі дзяржаўнай «віннай манополіі». Афіцыйнымі мэтамі рэформы былі барацьба з п'янствам, упарадкаванне продажу і выдаленне прыватных асоб ад гандлю спіртнымі напоямі, паляпшэнне іх якасці, ліквідацыя распівачнага продажу моцных напояў. У той жа час дзяржава атрымала магчымасць кантролю над рынкам моцных напояў і прыбыткамі ад яго. Для рэалізацыі дадзенай праграмы пры Міністэрстве фінансаў ствараліся Галоўнае ўпраўленне Неакладных збораў і казённага продажу піцей і Папачыцельствы аб народнай цвярозасці. У 1897 годзе манополія была ўведзена на тэрыторыі сямі заходніх губерняў – Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Ковенскай, Мінскай, Магілёўскай і Смаленскай.

Адным з кірункаў рэформы стала рэктыфікацыя спірту і з'яўленне новай гарэлкі – «казённага віна». «Казённае віно» існавала ў некалькіх варыянтах – віно звычайнае і віно сталовае (двайной ачысткі) моцнасцю ў 40°. У Паўднёвых, Паўднёва-заходніх, Паўночна-заходніх (беларускалітоўскіх) і Прывіслінскіх губернях выраблялася «казённае віно» моцнасцю 57° [1, с. 36]. Разліў гарэлкі прадугледжваўся ў бутэлькі аб'ёмам 1/4, 1/20, 1/40, 1/100 і 1/200 вядра (1 вядро ≈ 12,3 л.). З улікам распаўсюджвання вынаснага гандлю асаблівай папулярнасцю карысталіся бутэлькі ў 1/100 («соткі» – 123 г) і 1/200 («кручкі» – 60 г) вядра. «Казённае віно» было лепшым па якасці ў параўнанні з папярэднікамі, якія ўтрымлівалі сівушныя масла і мала адрозніваліся паміж сабой, але мелі паэтычныя, спакуслівыя назвы – «Райская влага», «Прилепе язык», «Сиротские слёзы» [2, с. 88]. Новая назва разам з дзяржаўным гербам на этыкетцы была сваеасаблівай гарантыяй якасці, а адсутнасць іншых назваў была дастаткова чэсным крокам перад спажывцом і пазбаўляла насельніцтва жадання пакаштаваць нешта новае.

Міністэрства фінансаў падтрымлівала тэзіс, што ўзровень спажывання алкаголю не залежыць ад колькасці кропак продажу, у выніку чаго была створана шырокая сетка крам і ўстаноў, іх колькасць вызначалася трохгадовым планам, які прымаўся Галоўным упраўленне Неакладных збораў і казённага продажу піцей пасля ўзгаднення з Папярэцельствам аб народнай цвярозасці. Замест ліквідаваных корчмаў ствараліся казённыя вінныя крамы, ці манаполькі, якія прадавалі гарэлку толькі на вынас. Час продажу «казённага віна» жорстка рэгламентаваўся. У гарадах манаполькі працавалі з 7 да 22 гадзін, у сельскай мясцовасці ў перыяд з красавіка па жнівень да 22 гадзін, у астатні час – да 20. У нядзелю і іншыя святочныя дні продаж ажыццяўляўся толькі пасля завяршэння літургіі да 20, а ў зімовы час да – 18 гадзін. Цалкам забараняўся продаж у пяток Страснога тыдня, першы дзень Вялікадня і Нараджэння Хрыстова, на час валасных сходаў і судоў, мабілізацыі, калі крама знаходзілася паблізу прызыўнога ўчастка, у выпадку смерці сідзельца ці члена яго сям'і, калі тыя жылі ў памяшканні, звязаным з крамай, да моманту вынасу цела, заразнай хваробы адзначаных асоб да моманту дэзынфекцыі памяшкання [1, с. 46–47]. Продаж ажыццяўляўся толькі за грошы, браць за гарэлку рэчы, прадукты, прадаваць у доўг забаранялася. Для забеспячэння манаполек у паветах ствараліся вінныя склады. Колькасць манаполек у губерні зацвярджалася міністрам фінансаў і вызначалася памерам насельніцтва і значэннем населенага пункта. Манаполькі адчыняліся ў гарадах, мястэчках, паселішчах, якія мелі прамысловое і гандлёвае значэнне. У сельскай мясцовасці ў малых населеных пунктах за жыхарамі заставалася магчымасць складання грамадскіх прысудаў на зачыненне манаполек і прыватных устаноў, якія знаходзіліся на зямлі грамады і спрыялі пашырэнню п'янства, але ў выпадку выяўлення ў мясцовасці нелегальнага гандлю яны скасоўваліся.

У цэлым жа бюракратычная машына рабіла рэалізацыю такіх прысудаў фактычна немагчымай.

Адказна падыходзілі і да асоб сідзельцаў манаполек – гандляроў, якія павінны былі быць «цвярозымі і ва ўсіх адносінах добранадзейнымі» [1, с. 39]. Былыя ўладальнікі корчмаў да гэтай працы не дапускаліся, лепшымі кандыдатамі лічыліся жанчыны. Жанчына разглядалася як асноўны вораг п'янства, а сама сістэма вынаснага гандлю была звязана з надзеяй на тое, што спажыванне алкаголю набудзе хатні характар і прыродзе пад кантроль сям'і, дзе жонкі ці маці не дазваляць мужыкам піць празмерна, але гэтыя надзеі не спраўдзіліся – п'янства выйшла на вуліцы.

Цалкам ліквідаваць прыватныя ўстановы задача не ставілася. Захаванне асобнай колькасці корчмаў было неабходна для арганізацыі харчавання і начлегу грамадзян. За прыватным сектарам заставаўся і гандаль напоямі, на якія не распаўсюджвалася манаполія – у першую чаргу півам, мёдам, вінаградным віном. Для арганізацыі прыватных кропак продажу ўводзілася патэнтная сістэма. Патэнт выдаваўся Міністэрствам фінансаў пасля разгляду заяў упраўляючым Акцызнымі зборамі і губернатарам. У выпадку, калі заяўкі былі раўназначныя, выбар рабіўся на карысць больш добранадзейнай асобы. З 1900 года, каб пазбавіцца ад падстаўных асоб, патэнты сталі насіць імяны характар.

Пасля адстаўкі з пасады міністра фінансаў С. Ю. Вітэ (1892–1903) і прызначэння У. М. Какаўцова (1904–1905, 1906–1914) характар правядзення рэформы і адносіны да прыватнага сектара змяніліся. У гэты час скарачаецца фінансаванне Папячыцельстваў аб народнай цвярозасці, а прыбыткі ад манаполіі ідуць на «латанне» бюджэта (пачынаецца час так званага «п'янага бюджэта»). З мэтай павышэння прыбыткаў ад выдачы патэнтаў колькасць запланаваных прыватных устаноў значна павялічылася. Такім чынам, на першае месца замест дэклараванай барацьбы з п'янствам выходзяць фіскальныя інтарэсы.

З дапамогай статыстычных і архіўных крыніц можна прасачыць змены ў рэалізацыі палітыкі «віннай манаполіі» і яе эфектыўнасці на прыкладзе Мінскай губерні. Першыя вынікі былі дастаткова супярэчлівыя, што бачна са справаздач павятовых прадаваўцаў дваранства, якія з'яўляліся старшынямі мясцовых Папячыцельстваў аб народнай цвярозасці, і службовых асоб. У 1898 годзе аб паспяховасці рэформы і змяншэнні п'янства дакладвалі з Рэчыцкага і Барысаўскага павеатаў [3, арк. 26, 27]. Прадаваўца дваранства Мазырскага павеата звязваў некааторае змяншэнне п'янства толькі з павышэннем кошту на гарэлку [3, арк. 6]. З Слуцкага павеата паведамлялі, што тут асаблівага п'янства не назіралася і да манаполіі, але, па водгуках святароў, насельніцтва стала піць менш і больш наведваць царкву [3, арк. 5]. У Пінскім павеце за год існавання манаполіі п'янства зменшылася, але насельніцтва пачало піць на вуліцы, а вось у самім Пінску сітуацыя не змянілася з прычыны значнай колькасці

манаполек і корчмаў [3, арк. 3–4]. У Навагрудскім павеце п’янства не толькі не зменшылася, але і пашырылася [3, арк. 30]. З Мінска і Мінскага павета прыйшлі тры розныя справаздачы. Наглядчык Мінскага акцызнага праўлення паведамляў, што ў павеце п’янства значна зменшылася, а мінскі павятовы прадвадзіцель дваранства дакладаў, што змяншэнне п’янства адбылося толькі за першую палову года ад увядзення манаполіі, а потым зноў пачаўся рост. У Мінску, згодна з рапартам паліцмейсцера, эффект ад манаполіі быў незаўважным [3, арк. 15, 10, 11].

Дзякуючы змястоўным статыстычным аглядам, якія друкаваліся ў «Памятных кніжках...», можна прасачыць дынаміку колькасці кропак продажу і спажывання алкаголю (табліцы 1, 2) [4, с. 6; 5, с. 119; 6, с. 90–91; 7, с. 106; 8, с. 120; 9, с. 136–137; 10, с. 88; 11, с. 103; 12, с. 91; 13, с. 65; 14, с. 85; 15, с. 93; 16, с. 102; 17, с. 76]. З разглядаемага перыяду адсутнічаюць толькі дадзеныя за 1901 год. У агульную колькасць кропак продажу піцей уключаны часовыя аб’екты, буфеты, казённыя вінныя склады, паграбы рускіх вінаградных він, установы па вырабу воцату, але асобна яны не разглядаюцца з прычыны адсутнасці канкрэтных лічбаў па гадах ці нязначнай колькасці. У катэгорыю «корчмы», у сваю чаргу, уключаны рэстараны ўсіх разрадаў, пастаяльныя двары і гасцініцы з правам продажу моцных напояў.

Табліца 1

Дынаміка колькасці кропак продажу піцей па Мінскай губерні за 1898–1913 гады

Год	Колькасць кропак гандлю піцямі	Казённыя вінныя крамы	Піўныя крамы	Корчмы	Рэнскія паграбы
1898	992	няма дадзеных	н.д.	н.д.	н.д.
1899	1173	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
1900	1020	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
1902	808	432	106	65	59
1903	1078	563	200	60	62
1904	1188	556	283	70	65
1905	1144	556	261	73	63
1906	1150	550	262	65	64
1907	1353	548	389	98	79
1908	1501	549	457	154	80
1909	1712	595	595	140	110

Заканчэнне табліцы 1

Год	Колькасць кропак гандлю піціямі	Казённыя вінныя крамы	Піўныя крамы	Корчмы	Рэнскія паграбы
1910	1649	546	557	149	90
1911	1709	546	620	137	98
1912	1727	546	660	119	107
1913	1927	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.

Аналізуючы дынаміку колькасці кропак продажу алкагольных напояў (табліца 1), можна адзначыць рост іх колькасці, асабліва пасля 1903 года, за кошт устаноў прыватнага сектара. У той час як агульная колькасць кропак продажу з 1898 па 1913 год павялічылася на 194 %, колькасць казённых вінных крам павялічылася з 1902 па 1903 год на 125 %, а напрацягу 1903–1912 гадоў скарацілася на 3 % (з 563 да 546), колькасць піўных павялічылася за адпаведны перыяд з 106 да 660 (+622 %), корчмаў – з 65 да 119 (+183 %), рэнскіх паграбоў – з 59 да 107 (+181 %).

Прадаж моцных напояў заставаўся ў кампетэнцыі дзяржавы. Так, згодна з планам на размеркаванне кропак продажу піцей на 1910–1912 гады ў Мінскім павеце дзейнічала 69 манаполек (з іх 20 у Мінску), і 22 карчмы (11 у Мінску, пры наяўнасці яшчэ трох пагентаў, двух у Ракаве, па адной у Астрашыцкім Гарадку, Койданаве, Негарэлым, Заслаўі, Івянцы і Самахвалавічах) [18, арк. 3–4]. Захоўвалася тэндэнцыя і на падтрыманне вынаснага гандлю. Сельская мясцовасць была цалкам пазбаўлена корчмаў, што, у сваю чаргу, вяло да зменаў у культуры спажывання алкаголю (вулічнае п'янства) і спрыяла развіццю арганізацыі таемных корчмаў з прычыны адсутнасці легальных месцаў адпачынку і харчавання.

Распаўсюджванне піўных як аб'ектаў прыватнага сектара было звязана з праектам па змене структуры спажывання алкаголю і замене гарэлкі півам. Садзейнічаў гэтаму прыняты 22 красавіка 1906 года закон, які значна спрашчаў працэдуру адкрыцця піўных [19, с. 101].

Статыстыка рэалізацыі ў межах губерні спірта і алкагольных прадуктаў (табліца 2) уключае тры пазіцыі – спірт, піва і мёд. Дадзеныя па іншых напоях у статыстычных аглядах адсутнічаюць. Пры разглядзе статыстыкі спажывання спірту трэба звярнуць увагу на сістэму вымярэння. Калі па піву і мёдзе дадзеныя падаюцца ў вёдрах, то для спірту – у градусах. Дзеля атрымання лічбы ў вёдзернай сістэме колькасць градусаў трэба падзяліць на моцнасць алкаголю. Так, узровень спажытага ў Мінскай губерні ў 1913 годзе спірту (62966644°) будзе адпавядаць 1574166,1 вядру 40° гарэлкі ці 1104678 вёдрам 57°, але, улічваючы розную моцнасць гарэлкі (40° і 57°) і спірту (90° і 95°), дадзеныя лічбы не будуць дакладнымі.

Табліца 2

**Спажыванне спірту і алкагольных напояў па Мінскай губерні
за 1898–1913 гады**

Год	Спажыванне спірту (у градусах абсалютнага спірту)	Спажыванне піва (у вёдрах)	Спажыванне мёду (у вёдрах)
1898	40244695°	256 515	6840
1899	42937648°	265 794	6987
1900	56081094,7°	216 017	5726
1902	36116880°	290 819	9470
1903	37514905°	160 089	9749
1904	49261000°	179 042	10 731
1905	46893307°	303 352	12 681
1906	59349580°	283 595	13 979
1907	59071332°	378 600	14 117
1908	53082860°	436 378	12 759
1909	55153712°	406 094	12 034
1910	50593254°	381 401	22 134
1911	56386551°	445 057	24 616
1912	н.д.	н.д.	н.д.
1913	62966644°	492 324	24 102

Спыніць рост спажывання спіртных напояў палітыка «віннай манополіі» здолела толькі на пачатковым этапе, але з 1904 года пачынаецца імклівы рост па ўсіх пазіцыях. На практыцы пацвердзіўся тэзіс аб тым, што спажыванне алкаголю не залежыць ад колькасці кропак продажу, але толькі ў дачыненні да спірту і гарэлкі, на якія распаўсюджвалася манополія. Пры дастаткова стабільнай колькасці кропак продажу рост спажывання спірту па губерні склаў +156 %. Адметна, што прасочваецца ўзаема сувязь паміж спажываннем спірту і піва. Так, калі ў 1907 годзе насельніцтва Мінскай губерні спажыло менш спірту ў параўнанні з папярэднім годам (-278248°), гэта кампенсавалася ростам спажывання піва (+95005 вёдзер). Аналагічнае павышэнне спажывання спіртных напояў у 1908 годзе суправаджалася змяншэннем спажывання піва.

У рацыён жыхароў Мінскай губерні ўвайшло піва – рост спажывання склаў амаль +194 %, але ва ўмовах адсутнасці распівачных ужывалі яго пераважна ці на вуліцах, ці дома, ці ў таемных корчмах. Але пры агульным разглядзе бачна, што за гады «віннай манополіі» структура спажы-

вання алкагольных напояў змянілася нязначна. Так, у перакладзе на 57° гарэлку ў 1898 годзе на 1 вядро піва прыходзілася 2,75 вядра гарэлкі, а ў 1913 годзе – 2,24.

Асобна стаіць спажыванне мёду. За гады манаполіі яго рост склаў +352 %. Мёд спажываўся як асобны алкагольны напой, так і ў сумясі з іншымі. Вядомы выпадкі, калі ім разводзілі гарэлку для атрымання больш моцнага эфекту. Але больш вядомы ён быў як кампанент для пераварвання дэнатуратнага спірту. Магчыма, менавіта са зніжэннем у 1909 годзе акцыза на дэнатуратны спірт звязаны той імклівы рост (+184 %), які паказаў продаж мёду ў 1910 годзе.

Рост спажывання алкагольных напояў да 1913 года, разам з ростам колькасці кропак продажу, сведчыць аб неэфектыўнасці палітыкі «віннай манаполіі» і неадпаведнасці яе дэклараваным прынцыпам. Рост спажывання меў агульнадзяржаўны характар, аб чым сведчаць даныя, якія прыводзіць у сваёй манаграфіі Т. С. Процька [20, с. 21] (табліца 3):

Табліца 3

Спажыванне алкагольных напояў на душу насельніцтва (у вёдрах)

	1907	1911	1912	1913
Мінская губерня	1,98	2,02	2,12	2,21
Сярэдняя па Расійскай імперыі	3,1	2,76	2,85	3,25

Неабходнасць перагляду палітыкі была відавочная, і ў студзені 1914 года перад новым міністрам фінансаў П. Л. Баркам Мікалай II паставіў задачу па выпраўленні існуючай сістэмы і адмовы ад практыкі «п'янага бюджэту»: «Нельзя ставіць в залежнасць благасостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества Моих верноподданных...» [21, с. 136].

Такім чынам, на тэрыторыі Мінскай губерні за гады існавання «віннай манаполіі», насуперак абвешчанай палітыкі барацьбы з п'янствам, назіраўся рост як колькасці кропак продажу алкагольных напояў, так і ўзроўню іх спажывання. Адхіленне ад першасных мэтаў рэформы прывяло да росту ўзроўню спажывання і колькасці кропак продажу прыватнага сектара, што праявілася ў значным павелічэнні колькасці піўных і корчмаў, а вынасная сістэма гандлю выклікала змены ў культуры спажывання алкаголю (вулічнае п'янства, адсутнасць закускі). Неэфектыўнасць такой палітыкі прымусіла ўлады ў 1914 годзе паставіць барацьбу з п'янствам вышэй за фіскальныя інтарэсы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Казённая продажа вина / издание Главного Управления Неокладных сборов и казённой продажи питей. – СПб., 1900. – 228, [252] с.
2. Памяти великого борца за народную трезвость Михаила Дмитриевича Чельшева. – Петроград, 1916. – 109, [3] с.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (НГАБ). – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 6495.
4. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1901 год / издание Минского губернского статистического комитета; [составлена под редакцией А. Н. Замятина]. – Минск: Губерн. тип., 1900. – 224, 111, 22, 35, 49, [9] с.
5. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1902 год / издание Минского губернского статистического комитета; [составитель В. С. Ярмолевич]. – Минск: Паровая типо-литография В. С. Соломонова, 1901. – 218, 212, [7] с.
6. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1904 год / издание Минского губернского статистического комитета; [составитель В. С. Ярмолевич]. – Минск: Паровая типо-литография В. С. Соломонова, 1903. – 221, 157, [3], 68, [6] с.
7. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1905 год / издание Минского губернского статистического комитета; [составитель В. С. Ярмолевич]. – Минск: Паровая типо-литография В. С. Соломонова, 1904. – [5], 201, 200, [6] с.
8. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1906 год / издание Минского губернского статистического комитета; [составитель В. С. Ярмолевич]. – Минск: Губерн. тип., 1905. – [5], 211, 193, [4] с.
9. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1907 год / издание Минского губернского статистического комитета; [составитель В. С. Ярмолевич]. – Минск: Губерн. тип., 1906. – [5], 200, 207, [15] с.
10. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1908 год / издание Минского губернского статистического комитета; [составитель В. С. Ярмолевич]. – Минск: Тип. С. А. Некрасова, 1907. – [8], 200, 163, [15] с.
11. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1909 год / издание Минского губернского статистического комитета; [составитель В. С. Ярмолевич]. – Минск: Тип. С. А. Некрасова, 1908. – [10], 208, 189, [3] с.
12. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1910 год / издание Минского губернского статистического комитета; [составитель В. С. Ярмолевич]. – Минск: Губерн. тип., 1909. – 192, 187, III, [2] с.
13. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1911 год / издание Минского губернского статистического комитета; [составитель В. С. Ярмолевич]. – Минск: Губерн. тип., 1910. – 224, 188, II с.
14. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1912 год / издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губерн. тип., 1911. – 224, 211, III, [5] с.
15. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1913 год / издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губерн. тип., 1912. – 2, 197, III, [2] с.

16. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1914 год / издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губерн. тип., 1913. – [36] 240, 189, III, [1] с.

17. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1915 год / издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губерн. тип., 1914. – 232, 185, III, [26] с.

18. НГАБ. – Фонд 132. – Воп. 1. – Спр. 55.

19. *Митрофан, епископ* В борьбе за трезвость / Епископ Митрофан. – Минск: Мин. Правосл. Свято-Николаев. нар. Братство, 1913 – 190 с.

20. *Протько, Т. С.* В борьбе за трезвость / Т. С. Протько; под ред. М. О. Бича. – Минск: Наука и техника, 1988. – 162 с.

21. *Мяньчэня, С. В.* Сістэма абмежаванняў продажу і ўжывання спіртных напояў на прыфрантавай тэрыторыі беларускіх губерняў і звязаныя з ёй правапарушэнні (1914–1915 гг.) / С. В. Мяньчэня // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам междунар. конф., Пинск 21–22 окт. 2016 г. / Полес. гос. ун-т; под ред. Р. Б. Га-гуа. – Пинск, 2016. – С. 136–142.

(Дата паступлення: 30.10.2017).

Шевкун Павел

УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск, Беларусь

Shevkun Pavel

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/19»

ОТ ТРАДИЦИИ К МОДЕРНУ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

FROM TRADITION TO ART NOUVEAU: COMMUNICATIVE ASPECT OF HISTORY OF THE ORTHODOX CHURCH IN THE RUSSIAN EMPIRE (XIX – EARLY XX CENT.)

В статье затрагиваются проблемы трансформации российского общества в период XIX – начала XX века. Показана коммуникативная роль православной церкви империи, ее значение как фактора стабилизации социальных отношений. Выделены церковно-коммуникативные парадигмы, в рамках которых проходила адаптация конфессиональных структур к современным процессам. Отмечены трудности, возникшие на этом пути. Сделан вывод о конфессио-

нальном факторе социальной катастрофы, постигшей народы Российской империи в 1917 году.

Ключевые слова: православная церковь; коммуникация; информация; церковно-коммуникативная парадигма; социальные отношения.

The problems of the Russian society transformation in the XIX – early XX centuries are touched upon in the article. The communicative role of the Orthodox Church, its significance as a factor of stabilization of social relations is stated. Church and communicative paradigms, in terms of which there has been adaptation of confessional structures to modern processes, have been singled out. Difficulties arising on the way have been marked. The conclusion about the confessional factor of social catastrophe conceiving the nation of the Russian Empire in 1917 has been made at the end.

Keywords: the Orthodox Church, communication, information, church and communicative paradigms, social relations.

В этом году отмечается столетие Российской революции 1917 года. Одним из актуальных вопросов ее истории является вопрос: почему религиозное общество в течение считанных лет провозгласило атеистические лозунги, попыталось отказаться от своей конфессиональной идентичности? Результатом этого стали поломанные судьбы десятков тысяч человек, уничтожение части культурного наследия народов империи, разрушение религиозных общин. Данная статья является попыткой приблизиться к решению проблемы.

Внимание к православной церкви обусловлено ее высоким социальным статусом в Российской империи, возможностью влияния на государственные решения и количеством последователей. По данным первой всероссийской переписи 1897 года, православие исповедовало около 70 % населения государства [1]. В силу этого закономерен исследовательский интерес именно к истории православной церкви в поиске ответов на вопросы общеимперской значимости.

В контексте рассматриваемой проблематики необходимо отметить, что церковь является коммуникативной структурой, в рамках которой производится, генерируется, кодируется и транслируется социально значимая информация. Именно церковь формировала (при отсутствии иных источников стандартизированной информации) и, отчасти, формирует причастность человека к социальному целому, «воображаемому сообществу», используя терминологию Б. Андерсена, реальность которого индивид не может непосредственно воспринять, утверждала стандарты и нормы желательных общественных отношений, формулы их легитимности (например: богу богово, а кесарю кесарева; не судите, да не судимы будете и т. д.). В силу этого от церкви во многом зависела и успешность трансформации социальных отношений, проходившая в XIX – начале XX века в империи. Иначе говоря, конфессиональная адаптация к новым

реалиям была если не ключевым, то крайне значимым фактором стабильности общества, повышения уровня легитимности изменившихся социальных отношений.

Понятием, характеризующим коммуникативную роль церкви в обществе, является церковно-коммуникативная парадигма – набор социальных ценностей, формул легитимности, поведенческих моделей, содержащихся в информации, передаваемой посредством церкви, а также средств и путей трансляции данной информации, направленной на сохранение, развитие религиозной общины, актуализацию ее роли в социальной системе.

Сегодня парадигма носит корпоративно-индивидуализированный характер, то есть ориентирована на поддержание целостности церковной общины и соответствующую корректировку поведения верующих в условиях господства секулярной доктрины прав человека, национальных форм самоопределения, демократических институтов представительства, частной собственности и инновационных форм сотрудничества. В роли основного источника информации о жизни общества, легитимации социальных отношений, механизма коммуникации выступают средства массовой информации (СМИ). Важнейшими характеристиками такой информации являются: высокая степень интенсивности, инновационность, плюрализм и открытость, пластичность (способность сочетаться и встраиваться в представления индивидуума), формирование индивидуализированных линий поведения.

В такой ситуации церковь формирует представления, согласно которым человек по индивидуальному выбору сохраняет религиозный, альтернативный секуляризованному, взгляд на социум. Духовные встречи, проповеди, катехизация нужны для его актуализации и привязки к той информации, которая идёт через СМИ и с которой сталкиваются в жизни члены общины. С этой же целью церковь активно пользуется новыми каналами коммуникации. При этом многообразии подходов в трактовке различных событий, непоследовательность и туманность взглядов самого верующего на выходе должны иметь вполне стандартизированные действия. Вся религиозная коммуникация направлена на то, чтобы из отмеченного многообразия родилось предопределенное единство. Важнейшая задача: сделать религиозную информацию через индивидуальный выбор вновь социально актуальной.

Становление данной парадигмы на территории Российской империи проходило в конце XVIII – начале XX века. Она шла на смену средневековому традиционализму, в котором церковь играла ключевую роль, являясь своего рода массмедиа средневекового общества. Тиражирование информации носило хоть и не печатный, тем не менее, через доступность храмов, массовый характер. Особый взгляд на священника, посредством которого в культовом действе выхолащивались инди-

видуальные черты, совершающего его человека, придавал религиозной информации максимально обезличенный, стандартизированный характер. Со СМИ ее роднит деперсонифицированный характер, доступность и регулярность. Через священника и визуальные формы демонстрации прихожанин на регулярной основе получал знание об обществе, точнее, принципах его организации, мог соотнести свою деятельность, жизнь знакомых, которая менялась и наполнялась новым содержанием, с этими принципами, иметь легитимную возможность предъявлять требования к поведению других лиц.

Характерными чертами информации, предоставляемой церковью в рамках традиционалистской парадигмы, были: сакральность, константность, коллективность и цельность. Сакральность подразумевает, что действительный источник информации об обществе находится в божественном; константность – постоянство форм ее предоставления, сюжетов; коллективность – ориентация не столько на индивидуальное восприятие, сколько на ответственность общины, социального целого, за ее усвоение и адаптацию; цельность – невозможность восприятия информации частями, отсутствие гибкости и перспектив сращивания с другими информационными потоками (например в рамках иных религиозных доктрин). Такие составляющие позволяли ей быть самодостаточной и уникальной. В связи с этим от духовенства требовалось знание обряда и необходимый для этого уровень образования. Социальные отношения, в которые была вставлена община, производили впечатление неизменных благодаря сакрализации, индивиду лишь требовалось приобщаться к ним посредством культовых действий. Для спасения достаточно было довериться священнику и тем обрядам, которые он выполняет. Знать их религиозный смысл и тем более теологическую проблематику было излишним. Не требовалось этого и для регулирования социальных отношений внутри общины, поскольку они, в основном, соответствовали религиозным нормам и поддерживались традицией.

Очевидно, удовлетворить ум человека и его стремление к пониманию окружающего мира таким минимальным интеллектуальным набором было невозможно. Поэтому разрыв между индивидуальным и коллективным заполнялся квазирелигиозными сюжетами. Весь окружающий мир представлял мозаикой соответствующих знаков и символов, которые адаптировали явления природы, быта человека к религиозному сознанию, позволяли узнавать волю Бога либо каким-то личным образом влиять на сакральное, дополняя действия церкви. Этот уровень был крайне важен, поскольку позволял перенести религиозный язык на язык повседневности и таким образом придать сакральный смысл всем привычным для человека явлениям, заполнить вакуум, который образовался между коллективистским характером религиозной информации и ее индивидуальным восприятием членами общины.

У Н. С. Лескова есть рассказ «Пугало» (1885), который начинается тем, что восьмилетнему городскому мальчику в деревне старик мельник «...открывал... полный таинственной прелести мир» окружающих явлений. «От Ильи (так звали старика. – *Ш. П.*) я узнал и про домового, который спал на катке, и про водяного, который имел прекрасное и важное помещение под колесами, и про кикимору, которая была так застенчива и непостоянна, что пряталась от всякого нескромного взгляда в разных пыльных заметах – то в риге, то в овине, то на толчее, где осенью толкли замашки. Меньше всего дедушка знал про лешего, потому что этот жил где-то далеко...». В итоге ребенок «... начал бояться не только ночью, когда все домовые, лешие и кикиморы становятся очень дерзновенны и наглы, но даже стал бояться и днем». В этом рассказе хорошо видна разница современного и сельского традиционалистского восприятия, показано очарование настоящего, которое вот-вот должно стать прошлым: «Я хорошо знал и любил Священную историю, – и я до сих пор готов ее перечитывать, а все-таки ребячий милый мир тех сказочных существ, о которых говорил мне дедушка Илья, казался мне необходимым. Лесные родники осиротели бы, если бы от них были отрешены гении, представленные к ним народной фантазией» [2, с. 346–348]. То, что автору представлялось художественным вымыслом, для народных традиционалистских представлений было наполнено смыслом. Именно этот многовековой пласт и предстояло трансформировать в индивидуализированное поведение на основании религиозных канонов, сделать устойчивым перед потоками разнообразных знаний.

Во-первых, потому, что он был индифферентен к конфессиональному и вообще незащищен перед какой-либо около или же антирелигиозной информацией, поскольку не подразумевал самоопределения. Во-вторых, «суверия» (за народными представлениями в рассматриваемое время закрепился такой дискриминирующий термин) были привязаны к определенному географическому пространству, конкретной общине и вне ее рамок существовать не могли. Разрушение этих границ, как физических, так и информационных, влекло религиозный вакуум, который мог быть заполнен какими угодно идеями

Процесс перехода от коллективного характера религиозной информации, свойственной традиционным отношениям, к индивидуализированной (модерной) был сложным, поскольку два вида конфликтовали между собой. В первом случае религиозная информация являлась как данность, независимая от конкретного человека. Второй вид информации подразумевал осознанное отношение к предлагаемому определенной конфессией пути спасения, выбора, осуществляемого индивидом. При этом выбора не просто между «добром» и «злом», что свойственно любой религиозной информации, а выбора между альтернативными путями спасения и, шире, между религиозным и секулярным путями, в котором «добро»

и «зло» не имеют сакрального измерения, выбора, который надо было осуществлять постоянно.

В силу этого перед духовенством стояла цель своеобразной перекодировки религиозных символов. В них должна была содержаться не столько обезличенная магическая информация, которую для необходимого результата надо было лишь воспроизвести, сколько информация, предполагавшая индивидуальный выбор в соответствии с религиозным идеалом, позволявшая рассматривать православие как форму личного религиозного самоопределения. В достижении этой цели можно выделить несколько задач: катехизация и конфессионализация населения; деполитизация; использование новых средств коммуникации.

На протяжении всего XIX века следовали инициативы по катехизации населения, предоставлению начального образования. К ним наблюдалось повышенное внимание государственного и церковного руководства. Особое значение приобрела проповедь. К духовенству предъявлялись требования быть ближе к народу.

Важнейшей составляющей процесса индивидуализации религиозной информации являлось освобождение ее от социально-государственного контекста (деполитизация). Именно это позволяло ей стать «пластичной», способной срастаться в сознании верующего с различными реалиями. Тесная взаимосвязь религиозного и социально-государственного в прошлом была вызвана ролью церкви в качестве важнейшего института легитимации социальных отношений. Отсылка к религиозному авторитету вводила социальное явление в контекст воспроизводства традиции. Она, в свою очередь, могла основываться только на коллективных формах организации, поскольку в этом случае индивид принимал для себя в качестве обязательных существующие независимо от него во времени и пространстве формы взаимодействия. Община строилась на уважении к коллективу, а не индивидууму, отдавала предпочтение интересам большинства перед интересами меньшинства и отдельных лиц [3, с. 447].

В условиях модернизации общественных отношений и индивидуализации религиозной информации освобождение от социально-государственного контекста, который не позволял ей перейти на индивидуальный уровень, шло по ряду направлений. Во-первых, социальные нормы, содержащиеся в религиозных текстах, начинают рассматриваться скорее как прообраз духовного мира верующего и того индивидуального пространства, которое он выстраивает. Для этого, например, использовалось противопоставление духовных ценностей христианства буржуазным, трактуемым как заповеди антихриста, выдвигающие на первое место личное обогащение [4, с. 73]. Во-вторых, путем отказа на институциональном уровне от участия, с одной стороны, в политической жизни, с другой – в организации различных общественных инициатив,

которые позволяли верующим сохранить максимально комфортное для себя социальное пространство.

Отчасти это было по необходимости, в связи с введением демократических процедур в империю. Так, в речи к избранию городского главы г. Велижа священник М. Красовицкий говорил о том, как должны подходить к выборам горожане, какие качества важны в кандидате, поскольку от этого зависит «ваше благо» [5]. Здесь видно, что церковь уже не прямо, а опосредованно участвовала в легитимации социальных отношений. Следующий шаг заключался в осознании невозможности и излишества даже подобных действий, поскольку мир конкуренции и политической борьбы не регулируется нравственно-этическими нормами. Однако именно этот шаг церковь так и не смогла сделать в начале XX века.

Сакральная фигура православного монарха, не упускавшего бразды правления и после созыва Государственной думы, втягивала церковь в политику. Так, в первом номере Гродненских епархиальных ведомостей за 1906 год в статье, посвященной выборам, отмечалось: «Все необъятные массы Русского народа приступят к выборам как к делу совершенно для них новому, непонятному. Они будут нуждаться в руководительных советах как в том, чтобы разобраться в дебрях нового избирательного закона, так и в том, чтобы не ошибиться в выборе тех людей, которых от них ожидает Русский Царь для Своей Государственной Думы» [6]. Несложно предположить, что на этом пути духовенство ожидала лишь дискредитация. Церковь превращалась в заложника политических манипуляций. Для православных общин белорусско-литовских губерний это было тем более актуально, что здесь конфессиональная конкуренция очень тесно переплеталась с национально-политической. В результате была довольно благодатная почва для распространения в религиозном оформлении взглядов, пропитанных ксенофобией.

Многие выступления на политическую тематику звучали крайне архаично. Так, Могилевский епископ Константин (Булычев), говоря по поводу начала Первой мировой войны, отмечал: «Славянство, волею Божиею, вступило в борьбу за освобождение своих угнетенных братьев, за священные заветы Христовы, за освобождение мира от власти плоти над духом, за победу добра над злом...» [7]. Для сравнения: в 1915 году в Англии было основано движение «Борьба за права», которое видело в мировой войне попытку «сохранить права человека для следующих поколений» [8, с. 24].

Постепенный отказ от привязки к социальному, означавший также и снятие контроля над религиозностью со стороны государства, требовал интенсификации коммуникации внутри прихода. Она шла посредством не только актуализации привычных средств: храма и священника, но и через использование новых технологий. В рассматриваемое время – это печать. На общецерковном уровне роль официального издания принадлежала до 1888 года «Церковному вестнику», потом – «Церковным ведомостям».

Кроме того, выходили: «Вера и церковь», «Православный собеседник», «Церковно-приходская школа», «Приходская жизнь», «Христианское чтение», «Богословский вестник», «Кормчий», «Воскресение», «Воскресный день», «Духовная беседа», «Странник», «Доброе слово» «Миссионерский сборник», «Православный путеводитель», «Миссионер», «Вера и разум», «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», «Православное обозрение», «Душеполезное чтение», «Монастырь», «Русский паломник», «Вестник военного духовенства» и некоторые другие средства массовой информации религиозной направленности [4, с. 11].

Особенно интересным был проект епархиальных ведомостей, который должен был повысить уровень региональной коммуникации в рамках православных общин. На страницах церковной печати пропагандировалась активная деятельность духовенства в приходах, открытость в отношении верующих [4, с. 39–58]. В статье «Должен ли пастырь искать взаимной любви у своих прихожан» говорилось, что «без взаимной любви жизнь каждого человека была бы безотрадною, тем более может быть безотрадною жизнь священника, если не будет взаимной любви между им и паствою его; без этой любви самое служение пастыря не будет иметь успеха» [4, с. 69]. В Полоцких епархиальных ведомостях сообщалось решение консистории штрафовать 10 рублями, если священник в год не произнес ни одной проповеди. Желательно же было, чтобы духовенство «приучалось к устной проповеди» [9].

Важнейшим и очевидным средством контроля и интенсификации религиозности верующего являлась религиозная обрядность. «Неприлично и грешно нам, православным христианам, пренебрегать уставами своей церкви. От того и не уважают нашей веры сограждане наши – католики, немцы и евреи, что мы сами не показываем уважения к ней. Пора позаботиться о себе, восстать от сна греховного и идти с усердием на зов церкви» [10].

Храм превращался не просто в атрибут общины, а в ее действительный центр. «Храм Божий является для нас местом прибежища для удовлетворения всех наших духовных потребностей, местом религиозно-нравственного утешения в скорбях и бедах... Храм есть ничто иное для нас, как лестница, ведущая на небо: это наша святыня и наше училище истинной веры и благочестия» – говорилось в одном из номеров Минских епархиальных ведомостей [11]. Проблема формирования индивидуально окрашенного отношения к определенной конфессии была первостепенной задачей. Своего рода институциональным итогом процесса сплочения религиозной общины стали проводимые с 1905 года совместные съезды епархиального духовенства и мирян [11].

Вместе с тем и рассматриваемый коммуникативный процесс шел крайне медленно. Церковь не стремилась отказываться от своего исключительного государственного статуса, а монархия, цеплявшаяся и после

реформ 1905–1907 годов за свое право определять нормы социальных отношений, нуждалась в церкви для его легитимации. На практике это проявлялось не только в материальной поддержке и тесной связи церковной и государственной администраций, но и в сохранении роли конфессий в категоризации населения, прежде всего через регистрацию рождения, брака и смерти. Результатом этого было то, что все подданные обязаны были принадлежать к определенной конфессии и вести предписываемый ею образ жизни. Поэтому инициативы, направленные на формирование индивидуализированной религиозной коммуникативной парадигмы, оказывались половинчатыми и не завершенными. Духовенство, а следом и население не видело принципиальной необходимости в деятельности на этом пути. Усилия священников-энтузиастов, разумеется, не могли решить проблем системного уровня.

В силу этого верующие в своей основной массе были не достаточно подготовленными (по крайней мере, с конфессиональной точки зрения) к ускоряющемуся процессу модернизации и распаду традиционных, общинных социальных отношений, тем более на фоне такого глобального потрясения, каким стала Первая мировая война. Сознание миллионов мобилизованных, вооруженных мужчин, беженцев, оторванных от своих общин и привычных мест, оказалось в ситуации, когда условия, в которых действовала религиозная корпоративно-традиционалистская коммуникативная парадигма, были разрушены, а индивидуализированная не выработана. Привычный сакральный мир остался где-то далеко и утратил свое влияние. В такой ситуации легко воспринимались революционные атеистические лозунги. Наряду с верой в бога несложно было и отказаться от освящаемых ею ценностей: жизни, семьи, собственности, следующих из них социальных отношений.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно предположить, что незавершенность процесса модернизации конфессионального пространства империи явилась одним из ключевых факторов, обусловивших социальную катастрофу, постигшую народы Российской империи в начале XX века.

Список использованных источников

1. Перепись населения Российской империи (1897) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 08.09.2017.
2. *Лесков, Н. С.* Собрание сочинений: в 6 т. / Н. С. Лесков. – М.: АО «Экран», 1993. – Т 6. – С. 344–388.
3. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Д. Буланин, 1999. – Т 1. – 547 с.
4. *Шимолин, В. И.* У истоков белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. / В. И. Шимолин. – Минск: БГУ, 2010. – 199 с.

5. Речь к избранию городского главы г. Велижа // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1874. – № 2. – С. 63–67.

6. Что может сделать Православное Русское духовенство на предстоящих народных выборах Представителей в Государственную Думу // Гродненские епархиальные ведомости. – 1906. – №1. – С. 11–12.

7. Предложение преосвященного Константина духовенству епархии на собеседованиях в храмах и школах осведомлять местное население с ходом важнейших событий переживаемого военного времени // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – С. 288.

8. *Клэпгэм, Э.* Правы чалавека: вельмі кароткія ўводзіны / Э. Клэпгэм. – Мінск: Тэхналогія, 2013. – 193 с.

9. Распоряжение консистории о произнесении проповедей // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1874. – № 24. – С. 867.

10. Поучение на праздник Благовещения Пресвятыя Богородицы // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1874. – № 6. – С. 214–215.

11. Слово в день освящения Минского привозкального храма // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 24. – С. 519–520.

(Дата поступления: 25.10.2017).

Мастяниця-Станкевич Ольга

Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва

Mastianica-Stankevič Olga

The Lithuanian Institute of History, Vilnius, Lietuva

УДК 94(474.5:316.343.652)«18/19»

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»: НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИТВЕ

INTELLIGENCE «LONG FOR THE XIX CENTURY»: NEW THEORETICAL AND METHODOLOGICAL DIRECTIONS OF RESEARCH IN LITHUANIA

В статье особое внимание уделяется дискурсу как новому теоретическому и методологическому направлению исследования коллективной идентичности интеллигенции на протяжении «долгого XIX века».

Ключевые слова: интеллигенция; «долгий XIX век»; дискурс; идентичность.

The article pays special attention to discourse as a new theoretical and methodological direction of the research of the collective identity of the intelligentsia during the «long XIX century».

Keywords: intelligence; «Long XIX century»; discourse; identity.

На протяжении «долгого XIX века» изменялась структура модернизирующегося общества, формировались новые социальные группы, членов которых между собой связывала профессиональная квалификация, общие источники материального достатка, схожие ценностные установки. Новой социальной группой являлась интеллигенция. В отличие от других социальных групп, интеллигенция как группа не была связана законодательным правом. Она была новой социальной группой не столько по формальным признакам, сколько по своему культурному и политическому значению в модернизирующемся обществе. По крайней мере, на землях бывшего Великого Княжества Литовского интеллигенция не может быть восприняема без учета ее влияния в общественных и национальных движениях. Именно национальные движения четко определили национальные и идеологические различия внутри интеллигенции, не позволив ей стать единой социальной группой, члены которой связаны между собой лишь профессиональными и корпорационными интересами.

В Литве, как и в других странах Восточной Европы, ведутся исследования в области интеллигенции. В литовской историографии есть попытки установить социальные, экономические, культурные и идеологические предпосылки возникновения интеллигенции как отдельной общественной группы, определена социальная и профессиональная структура интеллигенции в XIX веке, установлено, каков вклад в развитие литовской политической мысли и государственности Литвы внесла интеллигенция [1; 2]. В данной статье особое внимание уделяется дискуссии как новому теоретическому и методологическому направлению исследования коллективной идентичности интеллигенции на протяжении «долгого XIX века».

Следует заметить, что дискурс – уже не новое, а, пожалуй, распространенное понятие. Под дискурсом понимают совокупность (письменных и устных) текстов, которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках – организационной деятельности, области социального взаимодействия. Дискурс становится самостоятельным смысловым полем – некой реальностью, которая развивается по соответствующим символическим законам. Именно дискурс является одним из самых важных элементов в процессе формирования групповой идентичности. Поскольку группы социально не пре-детерминированы (заранее не заданы), особенно интеллигенция, то они не существуют, пока не конструированы в дискурсе. Социальная группа также приобретает свою идентичность посредством репрезентации в дискурсе. Дискурс – это форма социальной практики, которая и конструирует социальный мир, и конструируется в других социальных практиках. Поэтому дискурс участвует в формировании социальной идентичности, социальных отношений, системы знаний и значений. Посредством использования дискурсивных практик на протяжении «долгого XIX века» интеллигенция также опре-

деляла себя как отдельную социальную группу, устанавливала свое отношение к другим социальным группам, определяла свое место и значение в модернизирующемся обществе.

Как интеллигенция формировала свою коллективную идентичность? На этот вопрос мы хотели бы ответить, используя анализ литовского национального дискурса конца XIX – первых десятилетий XX века. Как известно, первые литовские нелегальные печатные издания появились в 1883 году. В данной статье каждый речевой случай об интеллигенции, зафиксированный в литовском национальном дискурсе, мы представляем как коммуникативное событие, содержащие три измерения – текст (речь, письмо, визуальный образ или их сочетание), дискурсивную практику, которая включает производство и потребление текстов, и социальную практику.

Как и интеллигенция в Восточной Европе, литовская интеллигенция представляла себя носителем новых ценностных установок модернизирующегося общества. Именно интеллигенция считала, что она в силах модернизировать общество и, соответственно, «сотворить» это общество более совершенным. Поэтому интеллигенция считала, что именно она ответственная за формирование новых ценностных установок, новых моделей социального и культурного поведения. Конечно, мессианистические черты коллективной идентичности характерны для интеллигенции Восточной Европы. Однако литовская интеллигенция этим чертам придала особенное значение – ответственность за модернизирующееся общество она приравнивала к ответственности за формирование литовской современной нации, а точнее – национального литовского общества.

Именно поэтому уже в последних десятилетиях XIX века литовская интеллигенция призывала отказаться от термина «интеллигенция» (как заимствование из русского и польского языков), а использовать литовский эквивалент в соответствии с правилами развития литовского литературного языка [3, р. 1]. Кроме того, уже в 1898 году лидер литовского национального движения Йонас Басанавичюс сформировал определение литовской интеллигенции: «Всех литовских интеллигентов очень просто узнать: они говорят по-литовски, они пропагандируют литовские национальные идеи» [4, р. 39].

В том же направлении формировать коллективную идентичность литовской интеллигенции предлагал и будущий президент Литовской Республики Антанас Сметона. В 1909 году в одном из литовских легальных периодических изданий он сожалел, что литовская интеллигенция, в отличие от польской и еврейской, не руководствуется национальными началами, которые должны определять коллективную идентичность литовской интеллигенции [5, р. 3]. А. Сметона, так же как и другие представители литовской интеллигенции, предлагал интеллигенции в первую очередь руководствоваться и представлять интересы литовского крестьянства, которые, по его мнению, являлись основными носителями литовской нацио-

нальной культуры и национальной идентичности. Как в 1905 году очень точно определил Петрас Леонас, представитель от литовских политических структур во Второй Государственной думе Российской империи, «литовская интеллигенция – это выходцы из крестьян, и поэтому в первую очередь она обязана учитывать интересы крестьянства и бороться за лучшие способы экономического и социального благосостояния этой общественной группы» [6, р. 3].

В конце XIX – первых десятилетиях XX века литовская интеллигенция, наряду с миссией развивать литовскую национальную идентичность, особое внимание также уделяла другому рода вопросу – как разрешить проблему «утраченной интеллигенции». Дело в том, что во второй половине XIX века большей части образованного литовского населения пришлось искать место работы во внутренних губерниях Российской империи. Ограничительная политика российских властей по отношению к образованию: несогласие открыть высшее учебное заведение, национальные преграды получить место в административном аппарате, – ограничивали возможность литовского общества вырастить необходимое количество квалифицированных специалистов. Поэтому профессиональная структура литовской интеллигенции развивалась довольно односторонне и намного медленнее, нежели этого требовало модернизирующееся общество. Исследования литовского историка Римантаса Вебры показали, что в конце XIX – первых десятилетиях XX века основной профессиональной группой литовской интеллигенции было духовенство. Другая часть литовской интеллигенции работала в основном в сферах медицины и права [2, р. 182].

Проблема «утраченной интеллигенции» была диагностируема в литовском национальном дискурсе конца XIX – начала XX века. Как литовская интеллигенция пыталась решить эту проблему?

В первую очередь, особое внимание уделялось формированию национальной сознательности среди молодого поколения. Уже после отмены запрета на литовскую печать латиницей литовская интеллигенция стала активно выпускать периодические издания, предназначенные для учеников и студентов, призывая активно включиться в ряды литовской интеллигенции. В 1910 году литовская писательница Габриеле Петкевичайте-Бите так обращалась к молодежи: «Молодежь! Ведь вы птицы весны! Где вы, нам не хватает рук, чтобы литовскую нацию связать в один могущественный узел» [7, р. 2]. Следует заметить, что призывы литовской интеллигенции были выслушаны – например, в 1910 году литовская молодежь, которая училась в московских учебных заведениях, стала сама выпускать периодическое издание под символическим названием «Aušrinė» («Зорька»).

В конце XIX – начале XX века литовская интеллигенция также довольно серьезно говорила о создании литовских национальных семей

как одной из форм формирования и укрепления литовской национальной интеллигенции. Литовский историк Даля Марцинкевичене, которая исследовала структуру литовской семьи в «долгом XIX веке», заметила, что литовская интеллигенция рассматривала две стратегии формирования брачных узов [7, р. 93]. Одна часть литовской интеллигенции придерживалась «дворянской» стратегии, другая – «радикальной». Приверженцы «радикальной» стратегии считали, что литовский интеллигент, во имя сохранения литовской национальной идентичности, был обязан жениться лишь на девушке крестьянского происхождения и говорившей на литовском языке, вне зависимости от того, что многие из девушек получили лишь начальное образование. В то же время приверженцы «дворянской» стратегии утверждали, что интеллигенту просто необходимо иметь жену, равную по своему образовательному цензу. Поэтому они отдавали приоритет смешанным бракам с представительницами из дворянского сословия, большая часть которых говорила на польском языке, но нередко имела среднее образование.

В начале XX века большая часть литовской интеллигенции также считала необходимым все больше внимания уделять возможности сплотить говорящую на литовском языке интеллигенцию по своей профессиональной деятельности. В то время на литовском языке также появляются первые профессиональные периодические издания, например, «Mokytojas» (Учитель), «Gydytojas» (Врач), «Vargoninkas» (Органист), «Vaistininkas» (Аптекарь). «Здесь мы видим не только возможность удовлетворить профессиональные интересы, но и возможность создать новую интеллигенцию», – утверждал в 1909 году корреспондент одного из ведущих литовских периодических изданий «Вести Литвы» («Lietuvos žinios») [9, р. 2]. Кроме того, уже в начале XX века литовская интеллигенция призывала создавать отдельные клубы для интеллигенции на примере в то время действовавшего в Вильне Виленского городского клуба для лиц интеллигентных профессий. Этот клуб, который действовал в Вильне с 1908 года, объединял врачей, адвокатов, говоривших на русском, польском, литовском, идиш и белорусском языках. Клуб имел свою библиотеку, организовывал различного рода лекции, предлагал различные формы проведения свободного времени.

В конце XIX – первых десятилетиях XX века вместе с вопросом создания и консолидации литовской интеллигенции литовская интеллигенция стала заниматься и самокритикой. В 1910 году литовская писательница София Кимантайте-Чюрлюнене написала отдельную работу «Критический взгляд на интеллигенцию Литвы» («Lietuvoje: (kritikos žvilgsnis į Lietuvos inteligentiją»). В ней она упрекала литовскую интеллигенцию в том, что та отходит от простого народа, из которого, по сути, интеллигенция и вышла. Кроме того, Кимантайте-Чюрлюнене считала, что интеллигенция даже в частной жизни обязана вести себя подобающе. Литовская интеллиген-

ция упрекалась в том, что не умеет найти соответствующие формы проведения свободного времени. Чаще всего она играет в карты, а хуже всего то, что «интеллигенция, которая больше и вкуснее ест, больше спит и более изысканно играет в карты», дает несоответствующий пример простому народу [10, р. 22]. Иначе говоря, Кимантайте-Чюрлюнене считала, что миссия интеллигенции – формировать национальную идентичность литовского общества – обязует саму интеллигенцию вести себя соответствующе и в частной среде.

Таким образом, уже в первых десятилетиях XX века литовская интеллигенция вместе со своей главной целью – формировать и развивать литовскую национальную идентичность – особое внимание уделяла вопросам формирования своей коллективной идентичности. То есть посредством использования дискурсивных практик литовская интеллигенция занималась самовоспитанием – устанавливала само понятие литовской интеллигенции и предлагала соответствующие формы поведения для интеллигенции.

Список использованных источников

1. *Bairašauskaitė, T.* Inteligentijos gimimas / T. Bairašauskaitė // Lietuvos istorija. I. IX: XIX amžius. – Vilnius: Baltos lankos. – 485 p.
2. *Vėbra, R.* Lietuvių visuomenė XIX a. antrojoje pusėje / R. Vėbra. – Vilnius: Mokslas, 1990. – 267 p.
3. Mokslo skyrius. Kalbos dalykai (Rašomosios kalbos kritikai) // Varpas. – 1904. – № 1. – P. 1.
4. *Basanavičius, J.* Iš šiaurių padangės / J. Basanavičius // Varpas. – 1898. – № 3. – P. 39.
5. *Smetona, A.* Skaudusis musu klausimas / A. Smetona // Viltis. – 1909. – № 144. – P. 3.
6. *Leonas, P.* Laiškas iš svetur / P. Leonas // Vilniaus žinios. – 1905. – № 145. – P. 3.
7. *Petkevičaitė-Bitė, G.* Žodis mūsų jaunuomenei / G. Petkevičaitė-Bitė // Lietuvos žinios. – 1910. – № 75. – P. 2.
8. *Marcinkevičienė, D.* Vedusiųjų visuomenė: santuoka ir skyrybos Lietuvoje XIX amžiuje – XX amžiaus pradžioje / D. Marcinkevičienė. – Vilnius: Vaga, 1999. – 221 p.
9. 1909 // Lietuvos žinios. – 1909. – № 59. – P. 2.
10. *Kymantaitė-Čiurlionienė, S.* Lietuvoje: kritikos žvilgsnis į Lietuvos inteligentią / S. Kymantaitė-Čiurlionienė. – Vilnius: Juozapo Zavadztkio leidykla, 1910. – 83 p.

(Дата поступления: 22.09.2017)

Арпентьева Мариям

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского,
г. Калуга, Россия

Arpentieva Mariam

Kaluga K. E. Tsiolkovsky state University, Kaluga, Russia

УДК 398(476)

БЕЛОРУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

BELARUS FOLKLORE IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE

В статье освещаются проблемы изучения исторической памяти в исследованиях фольклора, раскрываются основные аспекты и возможности исследования исторической памяти, сохранения и передачи культурных, в том числе нравственных, смыслов. Фольклор рассматривается как компонент повседневности, воспитания и передачи опыта, структурирования времени и налаживания отношений, компонент культуры, ее истории и будущего, отражающий концепции человека и мироздания. При его изучении нужна саморефлексия как понимание своего вклада в фольклор. Кроме того, важно изучение в сравнении: фольклора и иных текстов и культурных артефактов. Историческая память – важная часть жизни гармоничного сообщества: в той мере, в какой она не утрачена, сообщество способно не повторять ошибок и трагедий прошлого.

Ключевые слова: фольклор; историческая память; филология.

The article highlights problems in the study of historical memory in folklore studies, describes the main aspects and possibilities in the study of historical memory, preservation and transmission of cultural, including moral meanings. Folklore is considered as a component of everyday life, education and transfer of experience, the structuring of time and establishing relationships, a component of culture, its history and future, reflecting the concepts of man and the universe. When you study it, you need self-reflection as an understanding of your contribution to folklore. In addition, it is important to study in comparison: folklore and other texts and cultural artifacts. Historical memory is an important part of the life of a harmonious community: to the extent that it is not lost, the community is able not to repeat the mistakes and tragedies of the past.

Keywords: folklore; historical memory; philology.

Белорусский фольклор – богатейший источник исторических и культурных знаний, система исторической памяти белорусского народа. Он включает в себя почти все жанры устного народного творчества и жанры, связанные с этим творчеством: календарную и семейно-обрядовую поэзию, сказки, предания и легенды, пословицы и поговорки, загадки,

заговоры, народный театр в разных его видах, социально-бытовую лирику и анекдоты и т. д. Вместе с тем в белорусском фольклоре как таковом нет отдельных, которых не было бы у иных славян, произведений типа былины или думы, но есть свой, весьма разнообразный героический и исторический эпос, зафиксировавший все важнейшие моменты героического прошлого белорусов, их страдания и успехи. Фольклор белорусской культуры – основа творчества его поэтов и писателей: В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богусевича, Я. Лучины, А. Гуриновича, М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа. Неразрывная связь народного и авторского творчества отражает внимание народа к сохранению и передаче исторической памяти.

Историческая память – совокупность транслируемых из поколения в поколение исторических данных и мифов, осмысленных народом и его отдельными представителями и выраженных в фольклорных и иных произведениях и памятниках культуры рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении народа. Иногда историческая память может быть рассмотрена как компонент коллективной (или социальной) или культурной памяти народа. Под нею понимается совокупность основных представлений народа о своем прошлом, закрепленных в памятниках культуры, традициях, произведениях и иных продуктах деятельности народа, его представителей. Источники формирования исторической памяти многообразны – тексты и гипертексты, включающие огромное число нарративных источников, коммеморации (праздники, посвященные историческим событиям, дни памяти и т. п.).

Историческая память в современной науке есть область междисциплинарных исследований. Исследованиями исторической памяти занимаются историки, социологи, этнографы и философы. В течение «долгого XIX века» историческая память белорусов только начинала, благодаря фольклористам и другим исследователя культуры, истории белорусов, становиться предметом исследований. Однако, в целом, сама по себе историческая память белорусов весьма «цепка», народ бережно хранит и передает знания и умения из поколения в поколение, чем обеспечивает себе долгую и счастливую жизнь, выживание даже в самые трудные периоды и дружбу с другими народами.

Решением этих проблем занимается не так много ученых по всему миру. В Беларуси одним из известных исследователей был Н. Я. Никифоровский, работавший на стыке XIX–XX веков, сотрудничавший с П. В. Шейном и Е. Ф. Карским [1; 3; 4; 20] и другими известными фольклористами. Он занимался сбором самого разного этнографического материала, прежде всего его интересы касались духовной культуры белорусов, их мифов и поверий, ритуалов и сказаний [1; 3; 4; 9; 12]. Н. Я. Никифоровский полагал, что в современной фольклористике

нужно развивать идеи В. Я. Проппа [13–15], используя феноменологический подход к изучению народных (фольклорных) текстов (легенд и сказаний, причитаний и других фольклорных композиций), в том числе народных классических и современных утопий и антиутопий («преодоления рабства», выхода из кризисов и т. д.) [16–18]. Если сравнить работы В. Я. Проппа с работами Н. Я. Никифоровского и его коллег [10; 12; 20], можно увидеть те же попытки: описать состояние народа после отмены крепостничества, переживание народом значимых событий, представление о прошлом и будущем, ритуалы, направленные на гармонизацию отношений человека с пространством и временем его жизни [1; 8; 9; 12].

Н. Я. Никифоровский отметил важность понимания духовных и «псевдодуховных» («потусторонних») оснований жизнедеятельности человека, описывая «нечисть» как невидимых врагов человека, которые, в отличие от видимых (нашествия завоевателей, голод, эпидемии), окружают его от рождения и до смерти и являются более грозными, чем реальные [8; 9]. Он отмечал, что «нечисть» и иные потусторонние силы властвуют над умами людей, передаваясь из поколения в поколение как беспрекословное правило жизни, которому надо следовать безо всяких сомнений и оговорок или защищаться ритуалами и иными способами. В любом случае, важным моментом жизни человека становится внимание к «знакам», зафиксированным в исторической памяти людей как предвестники или сопровождающие события, угрожающие или желанные для человека, феномены [10–12].

Анализируя их и связанные с ними поверья, Н. Я. Никифоровский стремился осуществить их классификацию по категориям, отражающим современное ему представление о фольклорных жанрах, главным критерием выделения которых является «соответствие реальной действительности» [6; 11]. Так, приметы определяются им как «суеверное толкование и взгляд на действия и явления, существующие на самом деле», а поверья – как «превратное верование в действительные предметы, или же верования в предметы, действия и явления, созданные вымыслом» [11, с. 1]. Далее он предложил рассматривать «всю область суеверно-предрассудочных положений» «без различия между приметами и поверьями», хотя и, со ссылкой на В. И. Даля, ввел еще один критерий «достоверности»: «языческий характер текстов». Такие тексты, по его мнению, при их «освещении лучом христианства», верой в Бога оказываются «нелепыми, бессмысленными сказаниями» [11, с. 2].

Языческим текстам противостоят «напоминающие» или «на самом деле» являющиеся «поучительными примерами (притчами), которыми окольно, иносказательно слушатель поучается тому, чего нельзя было сказать ему прямо». Есть и «заведомо» иносказательные верования, которые «могут быть приравнены то к загадкам, то к пословицам и поговоркам». Он исследовал и сравнивал научную и ненаучную, непохо-

жую на фольклорно-собираТЕЛЬскую «народную терминологию»: «приемы и поверья», «суеверные обряды и обычаи», а также «легендарные сказания» «известны в народе под общим простонародным названием “бабских забобонов”», что отражает как скептическое отношение к суевериям, так и определенный страх перед ними и женщинами как носительницами исторической памяти в целом. В этом смысле интересна идея сравнить народную и научную фольклористику, различия ее взглядов на мир и предназначение фольклора: в первом случае фольклор есть компонент повседневности, воспитания и передачи опыта, структурирования времени и налаживания отношений, во втором – компонент культуры, ее истории и будущего, отражающий концепции человека и мироздания. Н. Я. Никифоровский также рассматривал прагматический аспект бытования текстов (выделяя «сказания», которые для своей выгоды могут быть использованы «проходимцами», а также «памятники верования», которым «кроме мошеннических мероприятий нет иного имени» [11, с. 2]. Другой рамочной конструкцией служил жизненный цикл человека, представленный исследованием «дитя “од спычатку” до конца “блазноцтвы”», молодежи обоего пола, брака, зрелости и болезней, старости и недомоганий, кончины человека. В сферу его интересов также входили будничная и святочная жизнь дома и вне его (повседневность и праздничность, начало и завершение жизни), явления природы и духа (в том числе «нечистого»), календарные, природные циклы, предвестники будущего и «исторические предания» [6; 11].

Как известно, в современной фольклористике фольклорные тексты рассматриваются как языковые структуры, функционирующие в народном быту, их изучение связано как с филологией, так и с этнографией и историей [14]. Опираясь на традицию В. Проппа, который заложил основу структурализма в фольклористике, он и другие ученые изучали и изучают структуры фольклора, отмечая, что именно в фольклоре структуры обнаруживаются наиболее явно: фольклор формализован, как вообще вся традиционная народная культура, больше, чем тексты философские или художественно-исторические. Фольклор одновременно пронизан символикой и «форматирован». По его мнению, одно из важных направлений исследования народных текстов связано с постмодернизмом и теорией культурного критицизма.

Постмодернизм отмечает, что ученые воспринимали фольклорный текст как «первичную структуру», существующую на уровне народной культуры, сознания народа. Однако сторонники литературного критицизма и постмодернистской ориентации полагают, что речь идет о совместном порождении: фольклор – это тексты, которые порождены одновременно и представителем народа-информатором, и тем профессионалом, который их записывает. Исследователь организует, редактирует, интерпретирует, а иногда и «досочиняет» что-либо, чтобы «уложить» в свою

«предконцепцию». Такого рода саморефлексия – понимание своего вклада в фольклор – очень важна: необходимость учета «возмущающего влияния наблюдателя» и импровизаций исполнителя-информатора сказывается уже в момент исполнения, особенно в «разговорных» жанрах типа «причитаний» и т. д., где контакт с исполнителем помогает «добиться» «естественного» текста: воздействие собирателя нужно учитывать изначально. Оно не обесценивает фольклор, как и другие этнографические данные.

Важно также изучение в сравнении: фольклора и иных текстов и культурных артефактов. Работы в этнографии структурализма связаны с возможностью и необходимостью учитывать «тринарность» структуры «оппозиций» архетипических структур в этнических текстах: «симметрия бинарной оппозиции предполагает некую ось, вокруг которой эти оппозиции располагаются, поэтому это одновременно и тринарная структура», культурная «конструкция» опирается на конкретные историко-социальные факторы. Текстовая структура далеко не всегда объяснима из нее самой, сверхтекстовые и внетекстовые – обрядово-бытовые и идеологические – очень важны: структура держится извне [13]. Кроме того, не нужно объяснять каждый текст, но общие закономерности текстов. Культурализм, как и этнография в целом, – это культуроведческая наука. Роль подробностей высвечивается лишь на фоне общих закономерностей, в единстве. Важно подчеркнуть идеологическую, мировоззренческую составляющую исследований фольклора [10; 12], с которой связан его интерес к будущему человечества, его утопиям и антиутопиям, их проявлению в фольклоре разных этнических и социокультурных групп, ритуалам и деритуализациям.

Исследования фольклора показывают, что в процессе исследования исторической памяти необходимо опираться на представление о «тринарности» структур сознания, о важном месте общественных процессов в процессе (транс)формирования идеологий индивидов и групп, осмысления и переосмысления исторического опыта, сохранения и передачи исторической памяти, а также на представление об организующей роли исследователя как интерпретатора функционирующих в сообществе текстов. В процессе нарушенной культурной трансмиссии (нарушений исторической памяти) ценностный мир человека не успевает приспособиться к изменениям в социально-бытовой сфере [21]. Р. Райт назвал это «ловушками прогресса»: краткосрочное усовершенствование, которое в долгосрочном периоде превращается в регресс или культурный коллапс [2; 22].

В период коллапса происходит замещение фольклора «поп-артом», культуры – тривиализированным кичем, имитирующим и адаптирующим псевдонародные, чуждые культуре ценности к сознанию современных поколений. Кич служит преобразованию элитарной культуры в «массо-

вую», омассовление элитарности, становится синонимом «лжекультуры», симулякра культуры: массовой дешевой продукцией, поданной в упаковке элитарности. Важность настоящего, подлинного, – одна из тем исторического и современного фольклора, хорошо показана его исследователями [2; 7].

Фольклор наглядно показывает, что человеку нужно учиться быть человеком среди других людей, ибо это самое важное условие выживания и развития человека, его рода, его нации, человечества. Оно – основа стабильности, непрерывности, гармонии жизни. Историческая память – составляющая жизни гармоничного сообщества: в той мере, в какой она не утрачена, сообщество может не повторять ошибок и трагедий прошлого, понимать самого себя и мир точно и быстро, без лишних усилий, изменяться там, где изменение нужно, и оставаться непоколебимым там, где оно вредит. Это умение у белорусов есть. Если сравнить с ними русских и украинцев, то у последних, как кажется, историческая память стала полностью фиктивной, а значит, и не может быть никакой стабильности и гармонии. У россиян и, отдельно, русских есть благотворные попытки восстановления исторической памяти, однако их фольклорные и иные источники настолько нивелированы в значимости, что процесс не может быть легким и быстрым. Белорусская же культура пережила множество потрясений, достойно сохранив как основы жизни нравственность, «традиции предков», пусть порой и в усеченных формах. Это огромный ресурс нации и страны.

Исследование народной памяти, фольклора играет, помимо восстановления этого прошлого, прямую перспективистскую роль, функцию профилактики [6; 12]. В этой перспективистской роли и видится основная ценность исследований народной культуры, фольклора, быта и жизни в целом, в том числе работ Н. Я. Никифоровского и других белорусских фольклористов, филологов, культурологов и т. д. В его работах были предвосхищены многие более поздние попытки структурировать фольклор, в том числе его духовно-нравственное содержание, который выступает непосредственным участником процесса воспитания и культурной трансмиссии.

Список использованных источников

1. *Байбурин, А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
2. *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула: Тул. полиграфист, 2013. – 204 с.
3. *Бондарчик, В. К.* Николай Яковлевич Никифоровский: очерк жизни и деятельности / В. К. Бондарчик, И. Г. Чигиринов. – Минск: Изд-во АН БССР, 1960. – 103 с.

4. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / рэд. С. В. Марцэлеў [і інш.]. – Мінск: БелСЭ ім. П. Бровкі, АН БССР, 1985. – 496 с.
5. Кун, Г. Возвращение из преисподней / Г. Кун // Историк и художник. – 2007. – № 2. – С. 161–176.
6. Кушкова, А. Предметно-тематический указатель к сборнику Н. Я. Никифоровского / А. Кушкова // Антропологический форум. – 2009. – № 11. Online. – С.1–47.
7. Недорога, В. А. Перспективизм / В. А. Недорога // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3.
8. Никифоровский, Н. Я. «Нечистики», свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе / Н. Я. Никифоровский. – Вильна: Н. Мац и К°, 1907. – 106 с.
9. Никифоровский, Н. Я. Нечистики / Н. Я. Никифоровский // Призраки / сост. Ю. Медведев. – М.: Рус. кн., 1997. – Т. 8. – С. 387–456.
10. Никифоровский, Н. Я. Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии / Н. Я. Никифоровский. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 466 с.
11. Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н. Я. Никифоровский. – Витебск: Губер. Типо-Литография, 1897. – 344 с.
12. Никифоровский, Н. Я. Странички из недавней старины города Витебска / Н. Я. Никифоровский. – Минск: Польша, 1995. – 149 с.
13. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: ЛГУ, 1986. – 364 с.
14. Пропп, В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2006. – 624 с.
15. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп. – М.: Наука, 1989. – 233 с.
16. Преодоление рабства. Фольклор и язык «остарбайтеров» 1942–1944 / К. В. Чистов [и др.]. – М.: Звенья: Мемориал, 1998. – 196 с.
17. Чистов, К. В. Русская народная утопия / К. В. Чистов. – СПб.: Наука, 2003. – 320 с.
18. Чистов, К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XVIII вв. / К. В. Чистов. – М.: Наука, 1967. – 341 с.
19. Чистов, К. В. Фольклор. Текст. Традиция / К. В. Чистов. – М.: ОГИ, 2005. – 272 с.
20. Шейн, П. В. Крепостное право в народных песнях / П. В. Шейн // Русская старина, 1886. – Т. 49, № 2. – С. 483–492; № 3. – С. 667–678.
21. Ogburn, W. F. Social change with respect to culture and original nature / W. F. Ogburn. – Oxford: Delta, 1966. – 210 p.
22. Wright, R. A. Short History of Progress / R. A. Wright. – N.-Y.: Carroll & Graf, 2004. – 320 p.

(Дата поступления: 22.09.2017)

Бруханчик Екатерина

ОАО «Промагролизинг», Минск, Беларусь

Bruhanchik Katsiaryna

JSC «Promagroleasing», Minsk, Belarus

УДК 930(47):336(47)«1861/1914»

**РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ
ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВ НА СТАНОВЛЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
НАЧАЛА XX ВЕКА**

**RUSSIAN HISTOROGRAPHY ABOUT THE PROBLEM OF THE
INFLUENCE OF FOREIGN CAPITALS ON THE FORMATION
AND DEVELOPMENT OF THE FINANCIAL AND CREDIT
SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE SECOND HALF
OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES**

Статья посвящена российской историографии проблемы влияния зарубежных капиталов на процесс возникновения акционерных коммерческих банков в Российской империи пореформенного периода. Исследуются основные подходы к указанной проблеме, дается характеристика основных публикаций представителей дореволюционной, советской и современной историографии.

Ключевые слова: банки; иностранный капитал; историография.

The article is devoted to the Russian historiography of the problem of the influence of foreign capitals on the process of the formation of joint-stock commercial banks in the Russian Empire of the post-reform period. The main approaches to this problem are investigated, and the main publications of representatives of pre-revolutionary, Soviet and modern historiography are described.

Keywords: banks; foreign capital; historiography.

Возможность привлечения зарубежных инвестиций в страну была и остается актуальной проблемой отечественной экономики. В условиях недостатка собственных финансовых ресурсов для проведения экономических преобразований иностранные капиталы позволяют реализовывать крупные проекты, развивать и модернизировать промышленное производство, внедрять новые технологии.

Между тем получение кредитных средств из-за рубежа имеет и негативную сторону. Оно способствует усилению зависимости от государства-кредитора или международной организации, вынуждает ежегодно

выплачивать немалые проценты по долгам, зачастую приводит к снижению международного рейтинга страны.

Проблема влияния зарубежных инвестиций на экономику имеет долгую историю. Первое финансирование своих расходов российские цари получили еще в XVIII веке. Но наиболее интенсивный поток инвестиций из-за рубежа пришелся на вторую половину XIX – начало XX века. В этот период страна проводила глобальные преобразования в сельском хозяйстве и промышленности, строила железные дороги, развивала торговые отношения, учреждала банки, проводила военные кампании. Собственных финансовых ресурсов для реализации большинства намеченных проектов было недостаточно, что и вынуждало российское правительство обращаться за помощью к другим государствам.

В сложившихся условиях банки стали основным центром перераспределения финансовых потоков в различные отрасли экономики и агентства иностранного капитала в Российской империи.

Несмотря на большое количество работ, которые давали оценку влияния иностранным капиталам на экономику России пореформенного периода, публикаций историографического характера немного. Наиболее полным исследованием изданий по данной проблеме является монография К. Н. Тарновского «Советская историография российского империализма» (1964). Здесь проведен анализ большого количества изданных в первой половине XX века исследований по истории влияния иностранного капитала на русские банки. Автор выделяет основные этапы в изучении проблемы, сложившиеся научные направления, упоминает классические исследования советской историографии по проблеме деятельности банков, дает им оценку, опираясь на марксистско-ленинскую методологию истории [1]. Существенным недостатком монографии К. Н. Тарновский является игнорирование значительного количества трудов дореволюционных авторов.

Краткий обзор историографии представлен в работах Л. Е. Шепелева, В. И. Бовыкина, Е. В. Лазаревой, Е. А. Дроздовой и др. [2–6].

Исследования влияния иностранного капитала на становление финансово-кредитной системы и экономику России в целом стали появляться во второй половине XIX века. Дореволюционные историки подходили к этой проблеме как к ответу на вопрос, оказал ли приток иностранного капитала положительное влияние на развитие экономики Российской империи или нет. Каждый из них по-своему оценивал это влияние.

Подавляющее большинство исследователей характеризовало его с положительной стороны, т. к. иностранцы не только принесли инвестиции в страну, но и новые технологии. Посредниками в этом выступали банки, предоставлявшие выгодные кредитные ресурсы для финансирования предприятий. А. Н. Зак обратил внимание на значительное влияние коммерческих банков на развитие отечественного промышленного про-

изводства, отмечая, что немецкие капиталы приходили в отрасли с повышенной доходностью, такие как электрическая, машиностроительная и др. [7, с. 56–57].

Влияние немецких капиталов на экономику Российской империи отмечал И. И. Левин: «...немцы и немецкие капиталы, игравшие с давних пор большую роль в организации кредита в России, приняли значительное участие и в насаждении акционерных банков» [7, с. 238; 8, с. 21–22]. Он также подчеркнул значительное влияние банков на развитие экспортной торговли сахаром и хлебом: «Наиболее прочно поставленным следует признать у нас экспорт в тех отраслях производства, где экспортное дело взяли в свои руки банки» [9, с. 2].

Дореволюционные издания интересны многообразием подходов к проблеме определения роли иностранного капитала на развитие государства, методик ее измерения.

При рассмотрении имеющихся по этой тематике работ дореволюционных авторов весьма интересно исследование Б. Ф. Брандта «Иностранные капиталы и их влияние на экономику страны» (1876). Автор одним из первых сделал попытку определения иностранного капитала и оценил его последствия для экономики на примере других государств, отмечая огромную роль банков в помещении и перемещении капиталов [10, с. 46]. Он же обратил внимание на существенное влияние иностранных капиталов на становление кредитной системы [10, с. 53–54].

Б. Ф. Брандт решил определить прибыльность иностранных акционерных предприятий в металлургической и каменноугольной промышленности. Согласно его подсчетам, из 48 предприятий (в том числе и банков) только 26 выплатили дивиденды собственникам по итогам года в размере 5 % и выше, 3 – маленькие дивиденды, 11 не получили прибыли, 8 предприятий понесли убытки [11, с. 237]. Проанализировав статистические данные, автор определил, что доля выведенных за пределы России основных капиталов предприятий составляет 6,7 %, вложенных капиталов – 4,5 % [11, с. 246–247]. Этот показатель позволяет усомниться в ставших традиционными обвинениях ряда авторов в массовом вывозе капиталов за рубеж. Б. Ф. Брандт отмечает также, что иностранцы чаще всего финансировали развитие новых сфер промышленности в отдаленных регионах Российской империи. Наряду с инвестициями, иностранцы импортировали новые технологии, которым обучали местное население [11, с. 349–351].

Положительное влияние зарубежных инвестиций на рост отечественной промышленности и снижение объемов импорта иностранных товаров отмечено в монографии В. С. Зива «Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности» (1917) [12, с. 124]. Ее автор обращал внимание на заинтересованность иностранцев в дальнейшем успехе своих вложений в российские предприятия [12, с. 125].

Проблема влияния иностранного капитала на экономику Российской империи советской историографией рассматривалась в контексте определения национального характера российского капитализма. Его изучение сопряжено с рядом трудностей: отсутствием достаточного количества статистических данных, несовершенством методик их подсчета, тенденциозностью отдельных исследований, несформированностью категориального аппарата.

Одним из первых советских авторов, который попытался внести ясность в понятие «иностранный капитал», был П. В. Оля. Его работа «Иностранные капиталы в России» вобрала в себя значительный статистический материал по всем акционерным обществам Российской империи на 1917 год [13]. Более поздние издания советского периода активно цитировали труд П. В. Оля и использовали его статистические наработки. В данной монографии впервые предпринята попытка категорирования форм участия иностранного капитала в различных предприятиях. Все приведенные в работе данные статистики делятся на основании этой классификации без аргументированного пояснения. В более поздних работах данные П. В. Оля оцениваются как завышенные в среднем на 10 % [14, с. 9].

Исследование П. В. Оля интересно тем, что в нем содержатся количественные сведения о присутствии иностранного капитала в кредитных учреждениях и определены формы этого участия. Согласно его подсчетам, доля иностранного капитала (в основном французского) в кредитных учреждениях в 1916/1917 годы составляла 10,6 %, или 237 200 тыс. рублей [13, с. 8, 29, 30, 77, 78].

С 1920-х годов особый интерес советских исследователей вызывало влияние западноевропейского капитала на переход отечественного капитализма к империализму (Н. Н. Ванаг, М. Б. Гольман, С. Л. Ронин). Особое распространение получила концепция «денационализации» российского капитализма, основанная на тезисе отсутствия как такового «русского» финансового капитала. Ее сторонники полагали, что так называемый российский капитализм был ничем иным, как сращенным иностранным банковским и промышленным капиталами. Фактически они подчеркивали полную зависимость Российской империи от иностранных капиталов.

Н. Н. Ванаг отмечал, что предприятия вынуждены были соглашаться на «финансовую реорганизацию» через кредитные учреждения для развития своего производства. Это означало, что с их счетов списывались все убытки, а под гарантию банка выпускались новые акции, гарантировавшие твердый доход. Так банки становились влиятельными акционерами предприятия, а последнее получало долгосрочный кредит на свои нужды [15, с. 23]. Автор объясняет, почему данная операция проходила с участием иностранных, главным образом французских, банков: в Рос-

сии был недостаток местным заемных средств [15, с. 23]. Продолжая эту мысль, Н. Н. Ванаг делает вывод о зависимости России от иностранных инвесторов: «...систему русского монополистического капитализма... нельзя рассматривать как самостоятельную систему, ее следует рассматривать как звено в цепи более могущественной системы – англо-франко-бельгийского финансового капитала» [14, с. 26].

С. Л. Ронин в своей работе «Иностранный капитал и русские банки» (1926) подтверждает, что первые частные банки возникли на русском капитале, но высокий процент по кредитам в российских банках вынуждал прибегать к заимствованиям за границей [16, с. 20]. По его подсчетам, у иностранных инвесторов сосредоточилось около 40 % акций 18 русских банков, основной капитал которых составлял около 75 % капитала всех действовавших в 1914 году 46 акционерных коммерческих банков [16, с. 81].

Точку зрения С. Л. Рониной и Н. Н. Ванага поддерживает М. Б. Гольман, отмечая, что длительное время в российской экономике доминировали иностранные капиталы. Лишь в начале XX века ситуация меняется: отечественные банки действуют совместно с германскими и французскими, которые способствовали наращиванию их капитала [17, с. 121, 129.].

Сторонники концепции «национального» капитала (Л. Г. Ляндау, С. Памфилов, Е. Л. Грановский, И. Ф. Гиндин, Л. Я. Эвентов) не умаляли значение иностранного капитала в развитии народного хозяйства государства, создании разветвленной сети железных дорог, стабилизации финансово-кредитной системы, полагая, что в стране сложилась самостоятельная система капитализма. Эта гипотеза была доказана на основе большого документального материала и получила подтверждение в более поздних работах [18–23].

Представитель концепции «национального» капитала И. Ф. Гиндин считал, что кредитование русскими банками предприятия являлось «гарантией солидности дела и верности помещения капитала». По его мнению, прилив зарубежного финансирования перестал зависеть от иностранных банков и был связан с инициативой местных инвесторов [21, с. 90].

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в подходах влияния иностранного капитала на экономику наметились новые тенденции: критика «статистического» метода исследования как аргумент против экономического материализма, изучение социально-экономических явлений путем анализа всей совокупности фактов, отрицание тезиса о колониальной зависимости России от иностранного капитала. Этот этап развития связан с укреплением ленинской методологии исторического исследования и распространения его тезиса о господстве в России влиятельной группы помещиков-крепостников и крупных финансистов, которых действующая власть подпитывала иностранными вливаниями [1, с. 39].

Несмотря на существовавший в конце 1920-х – 1950-х годах идеологический прессинг в науке, говорить об отсутствии прогресса в изучении истории банков было бы неправильно. Именно в это время появляется работа П. И. Лященко, где предпринята попытка дать характеристику российскому капитализму с учетом роли и особенностей развития отдельных экономических районов и национальных окраин [1, с. 74]. Безусловно, работа П. И. Лященко не могла осветить многие вопросы этого многогранного направления, но само направление исследования, предложенное им, впоследствии было реализовано в работах других авторов.

До второй половины 1950-х годов ключевых работ по оценке влияния иностранных капиталов в советской историографии не появлялось. Смерть И. В. Сталина и XX съезд партии открыли новый период в историографии данной проблемы. Несмотря на либерализацию политического курса в стране, «оттепели» в оценках зарубежных инвестиций в экономике дореволюционной России не произошли. Советские историки по-прежнему рассматривали коммерческие банки как оплот иностранных капиталистов, через который те захватывали наиболее прибыльные и ключевые отрасли экономики, получая при этом баснословные прибыли и эксплуатируя труд простых рабочих. Российское правительство создавало благоприятные условия для иностранных инвесторов, узаконив выгодные таможенные тарифы и проведя денежную реформу 1895–1897 годов (М. С. Атлас, В. С. Дякин) [14; 24; 25].

С 1960-х годов в российской историографии появляется много работ, посвященных влиянию иностранного капитала на отдельные отрасли хозяйства государства, а также губернии: М. М. Дубовицкий «Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кубанской области (60–70-е гг. XIX в. – 1920 г.)» (1966), В. В. Тимошенко «Особенности экономического развития Белоруссии в период империализма» (1966), В. С. Дякин «Германские капиталы в России (электроиндустрия и электрический транспорт)» (1971), Т. М. Китанина «Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.» (1978), Н. Л. Наниташвили «Германский капитал в Закавказье: деятельность фирмы “Сименс и Гальске”, 1860–1917» (1982), Л. Е. Шепелев «Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.» (1987) [14; 26–30]. Это позволило избежать однобокого подхода к данной проблеме, аргументированно показать, в каких отраслях это влияние было доминирующим, а в каких опосредованным.

Изучение работ историков 1960–1980-х годов показало, что в исследовании влияния иностранного капитала на экономику Российской империи появились новые направления (влияние иностранного капитала на социально-экономическое и политическое развитие страны, исследование вопроса формирования и распределения государственного бюджета и др.), расширился фактический материал, подверглись переоценке более

ранние положения. Представители этого периода историографии подчеркивали, что монополизм в России развивался под воздействием союза крепостников-помещиков с буржуазией, что осложняло формирование государственно-монополистического капитализма. Этот тезис подкрепляется выводом о тесных связях русских банков и монополий с государственным аппаратом царизма и придворным окружением. Было также доказано, что финансовые магнаты были более самостоятельными и независимыми от различных иностранных банков, а русские банки были достаточно самостоятельны и не были «придатками» иностранных корпораций. При всем этом исследователи отмечали слабость русской экономики, которая не могла успешно развиваться без притока иностранных капиталов.

В полемике различных точек зрения на влияние иностранного капитала К. Н. Тарновский отмечает: «Надо различать зависимость экономики страны от иностранных капиталов и финансовую зависимость самого царизма. Первая развивалась противоречиво и зигзагообразно. Даже в годы мировой войны в результате роста внутренних накоплений в стране наблюдалась тенденция к ослаблению непосредственной зависимости от иностранного финансового капитала. Напротив, финансовая зависимость царизма, сложившись еще в домонополистический период, возросла затем во время революции 1905–1907 годы и многократно усилилась в годы Первой мировой войны» [1, с. 223].

В условиях глобализации и создания международных организаций, развития новых технологий и активизации миграционных процессов проблема влияния иностранных капиталов на экономику России рассматривается как выяснение степени участия российского правительства в этом вопросе и его роли в защите интересов российских предпринимателей и инвесторов. Сами отечественные финансовые институты оцениваются авторами положительно (Е. А. Дроздова, С. В. Беспалов, В. Д. Мехряков, В. И. Бовыкин) [6; 31–33].

Так, С. В. Беспалов считает, что привлечение иностранных капиталов было важной составляющей правительственных мероприятий в экономике. При этом российское правительство проводило политику протекционизма по отношению к промышленным предприятиям, так как понимало, что российские товары неконкурентоспособны перед зарубежными аналогами. К числу протекционистских мер С. В. Беспалов относил введение таможенных тарифов, создание системы ипотечного государственного кредита и широкую финансовую поддержку частных предприятий и банков, широкомасштабное строительство казенных железных дорог [31, с. 23].

В. И. Бовыкин обращает внимание на то, что интересы иностранных и российских подданных в начале XX века тесно переплетались. Однако этот факт не означал «закабаления» отечественных банков, политика которых определялась русскими финансовыми лидерами» [33, с. 303].

Е. В. Лазарева подчеркнула, что иностранные инвестиции не привели к подчинению экономического развития страны экспортерам капитала, помогли восполнить недостаток финансовых средств. При этом значительная часть полученной прибыли вывозилась за рубеж, закреплялась неравномерность развития промышленности за счет инвестирования в регионы с наивысшей ликвидностью промышленности [5, с. 159–160].

Таким образом, историография влияния иностранных капиталов на развитие финансово-кредитной системы Российской империи (1861–1914) прошла несколько этапов развития. Дореволюционная историография положительно оценивала это влияние, показывая, что без участия иностранных банков слабый русский капитал не сумел бы осуществить модернизацию страны. Советские историки резко негативно относились к представителям зарубежных финансовых кругов, считая, что они совместно с российским правительством эксплуатируют природные ресурсы страны и наживаются за счет трудового народа. Современная историография, признавая необходимость привлечения иностранных инвестиций, не умаляет значение отечественных банкиров, ставя их на один уровень с европейскими.

Список использованных источников

1. *Тарновский, К. Н.* Советская историография российского империализма / К. Н. Тарновский / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.: Наука, 1964. – 244 с.
2. *Шепелев, Л. Е.* Акционерные компании в России / Л. Е. Шепелев. – АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленинг. отд-ние. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. – 347 с.
3. *Бовыкин, В. И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны / В. И. Бовыкин. – М.: РОССПЭН, 2001. – 320 с.
4. *Бовыкин, В. И.* Французские банки в России в конце XIX – начале XX вв. / В. И. Бовыкин. – М.: РОССПЭН, 1999. – 254 с.
5. *Лазарева, Е. В.* Современные историки о влиянии иностранного капитала на развитие уральской экономики в конце XIX – начале XX в. / Е. В. Лазарева // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2007. – № 50, вып. 21. – С. 153–161.
6. *Дроздова, Е. А.* Роль банков и иностранного капитала в экономике Беларуси (конец XIX – начало XX века) / Е. А. Дроздова // Образование и наука в Беларуси: актуальные проблемы и перспективы развития в XXI веке: материалы науч.-практ. конф. молодых ученых БГПУ, Минск, 22 мая 2009 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: В. В. Бушик (отв. ред.), Д. И. Наумов, С. П. Романова. – Минск, 2009. – С. 186–189.
7. *Зак, А. Н.* Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности / А. Н. Зак. – СПб.: Тип. Л. Я. Гинзбурга, 1914. – 67 с.
8. *Левин, И. И.* Германские капиталы в России / И. И. Левин. – СПб., 1914. – 85 с.
9. *Левин, И. И.* Банки и экспорт / И. И. Левин. – СПб.: Ред. журн. «Русский экспорт», 1913. – 15 с.

10. *Брандт, Б. Ф.* Иностранные капиталы и их влияние на экономику страны / Б. Ф. Брандт. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898. – Ч. 1. – 312 с.

11. *Брандт, Б. Ф.* Иностранные капиталы в России. Металлургическая и каменноугольная промышленность / Б. Ф. Брандт. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1899. – 419 с.

12. *Зив, В. С.* Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности / В. С. Зив. – Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва ф-в, 1917. – 132 с.

13. *Оль, П. В.* Иностранные капиталы в России / П. В. Оль; Ин-т экон. исслед. – Петроград, 1922. – 304 с.

14. *Дякин, В. С.* Германские капиталы в России (электроиндустрия и электрический транспорт) / В. С. Дякин. – Л.: Изд-во «Наука», 1971. – 288 с.

15. *Ванаг, Н.* Финансовый капитал в России накануне мировой войны / Н. Ванаг. – 2-е изд. – М.: Изд-во коммунист. ун-та им. Свердлова, 1925. – 192 с.

16. *Ронин, С. Л.* Иностранный капитал и русские банки / С. Л. Ронин. – М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926. – 144 с.

17. *Гольман, М. Б.* Русский империализм / М. Б. Гольман. – 2-е изд., пересм. и сокращ. – Минск: Изд-во БГУ, 1929. – 225 с.

18. *Ляндау, Л. Г.* Иностранный капитал в дореволюционной России и в СССР. – М.; Л.: Гос. изд., 1925. – 59 с.

19. *Панфилов, С. Ф.* Акционерные коммерческие банки в России в прошлом и настоящем / С. Ф. Панфилов. – Н. Новгород: Тип. Нижрайсоюза, 1924. – 344 с.

20. *Гиндин, И. Ф.* Банки и промышленность в России / И. Ф. Гиндин. – М.; Л.: Промиздат, 1927. – 208 с.

21. *Гиндин, И. Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). Очерки истории и типологии русских банков / И. Ф. Гиндин. – М.: Наука, 1997. – 623 с.

22. *Гиндин, И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1917) / И. Ф. Гиндин. – М.: Госфиниздат, 1960. – 415 с.

23. *Эвентов, Л. Я.* Иностранные капиталы в русской промышленности / Л. Я. Эвентов. – Л.; М.: Огиз-Гос. соц.-экон. изд., тип. «Красный пролетарий» в Москве, 1931. – 104 с.

24. *Атлас, М. С.* Национализация банков в СССР / М. С. Атлас. – М.: Госфиниздат, Тип. им. Котлякова в Лгр., 1948. – 216 с.

25. *Бовыкин, В. И.* К вопросу о роли иностранного капитала в России / В. И. Бовыкин // Вестник МГУ. Серия 8, История. – 1964. – № 1. – С. 55–83.

26. *Дубовицкий, М. М.* Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кубанской области (60–70-е гг. XIX в.-1920 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. М. Дубовицкий; Рост. гос. ун-т. – Краснодар, 1966. – 22 с.

27. *Тимошенко, В. В.* Особенности экономического развития Белоруссии в период империализма (1900–1913 гг.): автореф. дис. ... канд. экон. наук / В. В. Тимошенко; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1966. – 18 с.

28. *Китанина, Т. М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. / Т. М. Китанина. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 287 с.

29. *Наниташвили, Н. Л.* Германский капитал в Закавказье: деятельность фирмы «Сименс и Гальске», 1860–1917 / Н. Л. Наниташвили. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1982. – 376 с.

30. Шепелев, Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. / Л. Е. Шепелев. – Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1987. – 272 с.

31. Беспалов, С. В. Экономическая модернизация России в конце XIX – начале XX в.: современная историография / С. В. Беспалов. – М.: ИНИОН РАН, 2014. – 117 с.

32. Мехряков, В. Д. История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России / В. Д. Мехряков. – М.: ИЭ РАН, 1995. – 295 с.

33. Бовыкин, В. И. Коммерческие банки Российской империи / В. И. Бовыкин, Ю. А. Петров. – М.: Независим. исслед. информ. агентство «Перспектива», 1994. – 351 с.

(Дата поступления: 13.09.2017).

Воронович Виталий

кандидат исторических наук, доцент, Минск, Беларусь

Voronovich Vitaliy

Ph.D., associate professor, Minsk, Belarus

УДК 94(476):314.745.22«1914/19»

ПРОБЛЕМА БЕЛОРУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ФОРМАЛИЗМ, ФОРМАЛИЗАЦИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ

THE ISSUE OF THE REFUGEES DURING THE FIRST WORLD WAR: FORMALISM, FORMALIZATION, CONSEQUENCES, AND LESSONS

Статья посвящена изучению причин возникновения, масштабов и трудностей решения проблемы белорусских беженцев в период Первой мировой войны. Особое внимание уделяется правовому регулированию этих процессов, просчетам государственных структур и достижениям общественных организаций в данной сфере, что может быть полезно при совершенствовании миграционной политики и политики обеспечения безопасности на современном этапе.

Ключевые слова: беженцы; миграция; Первая мировая война; формализм; формализация; уроки; последствия; тактика «выжженной земли»; полномочия; взаимодействие; система; помощь; гуманизм.

The article is devoted to the study of the causes, extent and difficulty of the decision problems of the refugees during the First world war. Special attention is paid to the legal regulation of these processes, the failures of state structures and achievements of public organizations in this sphere, which may be useful in improving migration policy and security policy at the present stage.

Key words: refugees; migration; first world war; formalism; formalization; lessons; consequences; the tactics of «scorched earth»; powers; interaction; system; care; humanism.

Общеизвестным является тот факт, что на современном этапе значительно увеличилось количество вооруженных конфликтов различной природы, масштабов и интенсивности, которые провоцируют диверсификацию и нарастание потоков вынужденной миграции (особенно беженцев). Принимая во внимание изложенное, для расположенной в центре Европы и де-факто находящейся в точке пересечения разнонаправленных волн движения человеческих, материальных, банковских, транспортных и иных ресурсов Республики Беларусь, которая испытывает на себе все более возрастающее и не всегда позитивное влияние миграционных процессов, целесообразно обратиться к детальному научному изучению имеющегося, но по различным причинам ранее не всегда востребованного, исторического опыта решения проблемы беженцев и перемещенных лиц, достижений и просчетов в упомянутой области.

Это тем более справедливо, если учесть социально ориентированный характер государственной политики и соображения необходимости эффективного обеспечения национальной безопасности независимого белорусского государства, которые в совокупности не позволяют пренебрегать исследованием напрямую затронувших в начале XX века его территорию и жителей событий, попыток справиться с последствиями не имевшей доселе аналогов гуманитарной катастрофы, ставшей закономерным следствием Первой мировой войны. Особо отметим, насколько важно в данном процессе «отделить зерна от плевел», разграничивая в проводимых тогда мероприятиях различного свойства проявления формализма и, наоборот, необходимых для повышения эффективности поддержки наиболее уязвимых категорий населения процедур формализации, упорядочения профильной деятельности государственных и общественных структур, объективно оценивая достигнутые результаты и постоянно извлекая уроки из случившегося.

В рассматриваемом контексте сразу следует упомянуть, что, несмотря на то, что армейское командование получило чрезвычайные полномочия по управлению фронтовыми и прифронтовыми территориями еще в начале Первой мировой войны (в том числе по решению вопросов регулирования миграционных потоков), его застало по существу врасплох первое массовое и зачастую стихийное перемещение беженцев с белорусских территорий в центральные регионы Российской империи, которое наблюдалось летом и осенью 1915 года, будучи связано с серьезными поражениями русской армии в указанный период и непоколебимой ориентацией генштаба на переход по аналогии с опытом Отечественной войны 1812 года к тактике «выжженной земли».

Соответственно, в сжатые сроки требовалось подготовить и реализовать комплекс мероприятий по упорядочению эвакуации населения и части имущества последнего (либо его реквизиции/уничтожения), регистрации, снабжению, санитарно-медицинскому обслуживанию, обустройству, профилактике девиантного поведения беженцев, а также по финансированию предпринимаемых мер.

Разумеется, преимущественно соответствующие сферы деятельности в условиях сложной боевой обстановки воспринимались военными как своеобразная обуза, непрофильный и чрезвычайно обременительный сегмент, отвлекающий и осложняющий выполнение прямых задач по силовому подавлению противника либо укреплению собственных позиций.

В итоге о гуманных подходах к решению обозначенных вопросов даже применительно к соотечественникам в указанный период можно говорить далеко не всегда (особенно если принять в расчет отсутствие заблаговременно подготовленной ресурсной и организационно-управленческой базы для решения возникших проблем, неотработанность механизмов взаимодействия между различными структурами, порой ориентированными на достижение едва ли не противоположных целей).

Неслучайно уже в июле 1915 года только на участке Кобрин – Пружаны – Барановичи находилось 400 тысяч вынужденно покинувших родные места людей [1, с. 268], а за несколько дней октября того же года из-за перенесенных в ходе бегства невыносимых тягот и лишений только на железнодорожной станции Минск скончалось 1516 человек [1, с. 269].

К январю 1916 года только через Могилевскую губернию прошло около миллиона беженцев [2, с. 837]. В связи с отсутствием сбалансированной и четкой системы государственной поддержки упомянутой категории населения, зачастую носившей формальный и в определенных аспектах декларативный характер, наиболее существенная нагрузка по реальному спасению непосредственно пострадавшего от войны населения легла на общественные институты.

Наиболее крупными и активными общественными организациями, занятыми осуществлением различных акций в гуманитарной сфере и призванными в той или иной мере облегчить положение упомянутой категории лиц, стали Красный Крест, Особый отдел комитета «Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны» (Татьянинский комитет), Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов (Земгор), ряд других сформированных по религиозным, территориальным или национальным принципам благотворительных структур (например, расположенное в столице Белорусское товарищество по оказанию помощи пострадавшим от войны, Московское товарищество беженцев-белорусов и пр.). Разноплановую деятельность минского отделения Белорусского товарищества помощи пострадавшим от войны,

которая заключалась не только в социальной, но и в национальной сфере, изучал белорусский историк С. Ф. Шимуквич [8; 9].

Кроме прочего, огромное значение для учета беженцев имело функционирование Центрального Всероссийского бюро по регистрации и розыску беженцев при Татьянинском комитете, а для предупреждения взрывного роста инфекционных заболеваний и борьбы с эпидемией холеры на белорусских землях в 1915 году исключительно своевременным стало создание при поддержке местных ячеек Земгора госпиталя с прачечной, дезинфекционной камерой, водопроводом, полями орошения для обезвреживания отбросов в Гомеле на 1665 коек, госпиталя в Витебске на 250 коек [3, с. 266] и ряда других медико-санитарных учреждений.

Однако в условиях отсутствия системной государственной политики на сей счет, заранее разработанных планов эвакуации, детализированных источников финансирования, продуманных механизмов взаимодействия и их координации усилия оказывались недостаточными и не могли коренным образом исправить наблюдавшееся стремительное ухудшение положения в профильной сфере.

Проведенные довольно масштабные (особенно в контексте специфики военного времени, скорости изменения оперативной обстановки, ограниченности располагаемых человеческих и прочих ресурсов, не слишком позитивного воздействия иных факторов) мероприятия по частичной переписи, продовольственной и правовой помощи, содействию в скорейшем трудоустройстве и поиске родных, проведению противэпидемиологических мероприятий, преодолению среди населения на новых местах недоброжелательного и даже враждебного отношения к приезжим, сбору необходимых средств и т. д. – все эти благородные шаги, дабы уменьшить гибель и страдания абсолютно мирных людей, компенсировать потерю собственности и крова, несмотря на искренний порыв и граничившую с самопожертвованием колоссальную самоотдачу участников, кардинально изменить усугублявшуюся негативную тенденцию развития событий не могли.

Дополнительно усугубляло почти безвыходное положение оказавшегося в критической ситуации, совершенно не защищенного и практически лишенного средств к существованию, а порой направляемого полицией в отдаленные губернии населения издание некоторых официальных циркуляров и ведомственных инструкций, прямо предписывавших при железнодорожной транспортировке изымать повозки и лошадей, перед выездом из дома забирать домашний скот и оставленные вещи либо уничтожать таковые [4, с. 291].

В итоге, согласно проведенным в декабре 1915 года статистическим исследованиям, среди белорусских беженцев, свыше 78 % которых были крестьянами и оказались не востребованы на нуждавшемся в высококвалифицированных специалистах рынке труда центральных губерний,

крупный рогатый скот потеряли почти все, лошадей – свыше 2/3, повозки – почти половина [5, с. 638–639], что способствовало или социальной апатии и маргинализации, или радикализации и тяготению к различного рода экстремистским течениям, криминальным сообществам у значительной части данной группы населения.

Более того, хотя к началу 1916 года общероссийская система государственного попечения о беженцах с участием общественных благотворительных организаций в целом была сформирована, для принципиального и полного решения данного вопроса этого уже оказалось недостаточно, поскольку время, равно как еще совсем недавно имевшиеся возможности, были упущены.

Фактически лишь через год после начала войны (30 августа 1915 года) был принят Закон «Об обеспечении нужд беженцев», который предусматривал созыв Особого совещания по устройству беженцев при МВД, а «Руководящие Положения по устройству беженцев», учреждавшие в составе данного министерства для центрального управления и распоряжения соответствующими кредитами «Отдел по устройству беженцев», и вовсе одобрены 2 марта 1916 года. Не исправило ситуацию и учреждение для координации деятельности среди эвакуированных должностей Главно-уполномоченных по устройству беженцев на всех фронтах и внутри империи. При этом если в начале войны выделяемой для поднайма жилья суммы в размере 1,2–2,0 рубля в месяц и 15–20 копеек пайковых в день еще хватало для гарантирования минимального уровня обеспечения для чрезвычайно скромной жизни вместе с 3–4 семьями в одном помещении, то уже в конце 1915 года столь мизерных средств стало явно недостаточно [6, с. 16]. Численность же беженцев из пяти западных губерний в центральных регионах империи к 1 февраля 1917 года превысила 1,13 млн человек [7, с. 57]

Таким образом, во многом серьезность и острота проблемы белорусских беженцев в период Первой мировой войны была связана не только с постоянно расширявшимися масштабами боестолкновений, ограниченностью материальных, финансовых и кадровых ресурсов, серьезными пробелами в нормативной правовой базе. Не меньшее воздействие (и в этом заключается один из самых значимых и памятных исторических уроков случившегося) на рост социальной напряженности, созревание так называемой «революционной ситуации» и случившуюся в дальнейшем катастрофу оказали недостаточная координация взаимодействия структур государственной власти и общественных организаций в решении связанных с указанными аспектами социально-гуманитарных вопросов, отсутствие сбалансированной комплексной стратегии решения упомянутых проблем и тактических мероприятий по их решению, а также формализм, нежелание или неумение видеть трудности рядовых людей и оказывать им системную помощь.

Список использованных источников

1. Цакунова, Т. П. Проблема беженцев в Беларуси в период Первой мировой войны / Т. П. Цакунова // Беларусь в современных геополитических условиях: политико-правовые и социально-экономические условия устойчивого развития: материалы межвуз. науч.-практ. конф. 30 марта 2007 г., Минск: в 2 т. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2007. – Т. 1. – С. 268–269.
2. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). – Минск: Изд-во АН БССР, 1953. – Т. 3. – 1019 с.
3. Абраменко, М. Е. Беженство в Беларуси в годы Первой мировой войны: медико-санитарный аспект / М. Е. Абраменко // Шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зб. навук. арт. / Мін-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, ГомДУ імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2012. – Вып. 1. – С. 263–267.
4. Цуба, М. В. Бежанскі рух у беларускіх губернях падчас Першай сусветнай вайны (1915–1916 гг.) / М. В. Цуба // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2011. – Вып. 11, ч. 1. – С. 287–293.
5. Рудович, С. С. К вопросу о половозрастном и этносоциальном составе беженцев Первой мировой войны в Беларуси / С. С. Рудович // Женщина. Общество. Образование: материалы 12-й междунар. науч.-практ. конф., 18–19 дек. 2009 г., Минск / Женск. ин-т «Энвила». – Минск, 2010. – С. 636–641.
6. Утгоф, В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. С. Утгоф; РАН; СПб. ин-т истории. – СПб., 2003. – 23 с.
7. Сташкевич, Н. С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925) / Н. С. Сташкевич. – Минск: Университетское, 1985. – 304 с.
8. Шимукович, С. Ф. Белорусский национальный вопрос в начале Первой мировой войны / С. Ф. Шимукович // Первая мировая война и национальный вопрос: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. (г. Пермь, 22–23 мая 2014 г.) / под общ. ред. Н. В. Подпрятова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 70–77.
9. Шимукович, С. Ф. Первое легальное национальное белорусское общество – через благотворительность к возрождению нации. (Деятельность Белорусского Общества помощи пострадавшим от войны, 1915–1916 гг.) / С. Ф. Шимукович // Беларуская дзяржаўнасць: вопыт XX стагоддзя: матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 18–19 крас. 2003 г. – Мінск: БДПУ, 2004. – С. 64–66.

(Дата поступления: 20.10.2017).

Гушчынскі Ігар

УА «Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка»,
Мінск, Беларусь

Hushchynski Ihar

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk,
Belarus

УДК 94(476):342

**ПРАВЯДЗЕННЕ РАСІЙСКОЙ СУДОВАЙ РЭФОРМЫ 1864 ГОДА
НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (У КАНТЭКСТЕ ПАЛІТЫКІ
ІМПЕРСКИХ УЛАД ПА ЎНІФІКАЦЫІ КРАЮ З УНУТРАНЫМІ
ГУБЕРНЯМІ)**

**CARRYING OUT THE RUSSIAN JUDICIAL REFORM OF 1864
ON THE TERRITORY OF BELARUS (IN THE CONTEXT OF THE
IMPERIAL AUTHORITIES' POLICY ON UNIFICATION OF THE
KRAI WITH THE INNER PROVINCES)**

Палітыка расійскіх улад па ўніфікацыі так званых заходніх губерняў з унутранымі часткамі імперыі стала важным фактарам правядзення на тэрыторыі Беларусі судовай рэформы 1864 года. Яна разглядалася тут як важны сродак інтэграцыі. Гэтымі ж матывамі абгрунтаваліся і выключэнні з Судовых статутаў ад 20 лістапада 1864 года, прадугледжаныя спецыяльна для дадзенай тэрыторыі. Тут выразна бачна супярэчлівасць і непаслядоўнасць палітыкі самадзяржаўя ў Заходнім краі. З аднаго боку, улады аб'яўлялі гэтыя землі неад'емнай часткай імперыі, а з іншага – у заканадаўчым парадку або негалосна замацоўвалі іх асаблівы палітыка-прававы статус, што захоўвала ці нават узмацняла адметнасці.

Ключавыя словы: судовая рэформа 1864 года; гісторыя Беларусі; Расійская імперыя; XIX стагоддзе; русіфікацыя; Заходні край; Паўночна-Заходні край.

The Russian authorities' policy on unification of the so named Western provinces with the inner parts of the Empire was an important factor of carrying out the Judicial Reform of 1864 on the territory of Belarus. The reform was considered by the government as a means of integrating. Withal the same motives were used as reasons of some important exceptions from the Judicial Statutes of November 20, 1864, which were introduced specifically for Western Krai. This example clearly shows the inconsequence and contradiction of the Russian authorities' policy at solving the problem of unification of these territories with inner Russian provinces. On the one hand, authorities declared these lands as Russian and an integral part of the Empire, and with another – by law or covertly fixed their special political and legal status. And all this together – were keeping or even strengthening the identity of this region.

Key words: Judicial reform 1864; history of Belarus; the Russian Empire; the 19th century; russification; Western Krai; Northwestern Krai.

Курс расійскага самадзяржаўя на інтэграцыю далучаных у выніку падзелаў Рэчы Паспалітай тэрыторый з унутранымі губернямі, узяты яшчэ Кацярынай II, заставаўся актуальным амаль да самага распаду імперыі. На розных этапах мянялася толькі тактыка дасягнення дадзенай мэты. Перыяды спроб больш шчыльна прывязаць да сабе так званыя «западные окраины» шляхам пэўных саступак (перш за ўсё мясцоваму дваранству) чаргаваліся з інтэнсіфікацыяй русіфікацыі і ўзмацненнем рэпрэсій супраць праяў сепаратызму. Такая палітыка, накіраваная галоўным чынам на барацьбу з польскім уплывам у 9-ці заходніх губернях (Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай, Гродзенскай, Віленскай, Ковенскай, Кіеўскай, Падольскай і Валынскай), была важным фактарам ажыццяўлення тут мерапрыемстваў сацыяльна-эканамічнага характару ў сферы адміністрацыйнага кіравання і інш. Гэта выразна бачна на прыкладзе рэалізацыі тут буржуазных рэформ 60–70-х гадоў XIX стагоддзя, у тым ліку судовай рэформы 1864 года.

Судовая рэформа 1864 года лічыцца самай паслядоўнай па сваёй накіраванасці на буржуазную мадэрнізацыю грамадства з усіх рэформаў, якія былі праведзены ў Расійскай імперыі ў 1860–1870-я гады. Яна прадугледжвала ўкараненне ў судаўладкаванне і судоводства прынцыпаў аддзялення судовай улады ад адміністрацыйнай, выбарнасці суддзяў, спаборнасці, галоснасці. На этапе падрыхтоўкі рэформы пытанне аб немэтазгоднасці яе ўвядзення ў заходніх губернях (Заходнім краі) або ўнясенні ў яе змяненняў спецыяльна для гэтага рэгіёна ва ўрадавых колах пакуль не ставілася. Тут, як і ў імперыі ў цэлым, праводзіўся збор судова-статыстычных звестак, меркаванняў прадстаўнікоў мясцовай губернскай адміністрацыі і судовага ведамства адносна будучых пераўтварэнняў. Змест судовай рэформы быў увасоблены ў Судовых статутах, падпісаных імператарам Аляксандрам II 20 лістапада 1864 года. Аднак гэта яшчэ не азначала ўласна пачатак непасрэднай яе рэалізацыі, бо тэрміны адкрыцця судовых устаноў новага ўзору пакуль заставаліся нявызначанымі. Ва ўнутраных губернях імперыі гэта пачалося толькі ў 1866 годзе. Што датычыць тэрыторыі Беларусі, то на дадзеным этапе мясцовая вышэйшая судовая адміністрацыя прытрымлівалася думкі, што ўвядзенне рэформы ў краі можа адбыцца ў той жа час, як і ва ўнутрырасійскіх губернях, але з пэўнымі выняткамі – перш за ўсё прызначэнне міравых суддзяў ад урада, а таксама абмежаванні для асоб неправаслаўных веравызнанняў пры падборы кандыдатаў на судовыя пасады і фарміраванні складу прысяжных засядацеляў [1, арк. 3; 2, арк. 9 адв. – 12 адв.].

Аднак рэалізацыя судовай рэформы тут пачалася толькі ў 1872 годзе, прычым у значна абмежаваным выглядзе. Перш за ўсё гэта звязана

з наступствамі паўстання 1863–1864 гадоў, якое аказала моцны ўплыў на ўспрыманне афіцыйнай Расіяй так званага Паўночна-Заходняга краю (г. зн. шасці губерняў: Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай, Гродзенскай, Віленскай, Ковенскай), якія бачыліся тэрыторыяй, дзе адбывалася найбольш жорсткае супрацьборства рускасці і польскасці. У дачыненні да беларускіх зямель гэты вобраз сумяшчаў уяўленне аб іх, з аднаго боку, як «ісконно руской» тэрыторыі, выкрадзенай калісьці каварным і жывучым ворагам, а з іншага – як часткі нацыянальнага цела, знявечанай цяжкай хваробай (г. зн. польскасцю) [3, с. 210]. Адпаведна лічылася, што да таго часу, пакуль краю не будзе «вернута рускае аблічча», мясцовая грамадскасць (перш за ўсё прадстаўнікі вышэйшага саслоўя рымска-каталіцкага веравызнання, якое лічылася палітычна нядобранадзейным) не можа быць дапушчана да ўдзелу ў правасуддзі праз выбар міравых суддзяў і інстытут прысяжных засядацеляў. Імперскай уладай было прынята рашэнне пакуль не распаўсюджаць сюды дзейнасць Судовых статутаў ад 20 лістапада 1864 года.

Аднак да канца 1860-х гадоў у вышэйшых кіруючых колах імперыі эфектыўнасць мураўёўскага «метаду бізуна» ў адносінах да мясцовага дваранства ўсё часцей падвяргалася сумненню. Змякчэнне адпаведнай палітыкі самадзяржаўя знайшло адлюстраванне ў прызначэнні ў сакавіку 1868 года віленскім генерал-губернатарам А. Л. Патапава і яго дзейнасці на гэтай пасадзе. Тэма ўвядзення судовай рэформы ў заходніх губернях зноў стала актуальнай. Ініцыятыва зыходзіла як ад Міністэрства юстыцыі, якое ставіла задачу ўдасканаліць сістэму судаўладкавання і працэс судаводства, так і мясцовай адміністрацыі, якая бачыла ў судовай рэформе пашырэнне і ўмацаванне сацыяльнай базы ўлады, а таксама сродак далейшай інтэграцыі гэтых зямель у склад імперыі. У дадзеным кантэксце выклікае цікакасць запіска на імя цара аб увядзенні Судовых статутаў ад 20 лістапада 1864 года ў Заходнім краі, якая датуецца 1869 годам [4]. Яе аўтар не ўстаноўлены, аднак, мяркуючы па змесце, гэта хтосьці з мясцовага губернскага ці судовага чыноўніцтва альбо з прадстаўнікоў цэнтральнай улады. У любым выпадку паказальна, што аўтар запіскі апелюе да імператара тым, што ўвядзенне судовай рэформы спрыяла б фарміраванню ў грамадзян пачуцця павагі да рускага закона, найхутчэйшаму ператварэнню рускай мовы ў агульнаўжывальную ва ўмовах галаснасці судовага працэсу, у цэлым было б «моцным оружием для поўнаго обрусения края» і «подчинения русским интересам его религиозно-национальных особенностей» [4, арк. 1–3].

Было вырашана спачатку абмежавацца ўвядзеннем міравых судаў. Адкрыццё судовых палат і акруговых судаў (а значыць, укараненне інстытутаў суда прысяжных і адвакатуры) у Заходнім краі пакуль не прадугледжвалася. 30 чэрвеня 1868 года Міністэрству юстыцыі было загадана падрыхтаваць праект правілаў увядзення міравых судаў у гу-

бернях, дзе не дзейнічалі земскія ўстановы [5, арк. 1–2]. Неўзабаве (пачатак 1869 года) такі праект убачыў свет і пачалося яго абмеркаванне. Па некаторых аспектах ва ўрадавых колах узніклі даволі вострыя дыскусіі, аднак у цэлым неабходнасць пашырэння судовай рэформы на заходнія губерні ўжо не аспрэчвалася. Прычым асноўным абгрунтаваннем дадзенай ідэі выступала карыснасць гэтага для ўніфікацыі краю з унутранымі губернямі. Так, у пачатку 1871 года ў Дзяржаўным савеце віленскі і кіеўскі генерал-губернатары, адпаведна А. Л. Патапаў і А. М. Дандукоў-Корсакаў, адзначалі, што судовая рэформа ў Заходнім краі была б «одним из наиболее действенных средств объединения этих губерний с центральными частями империи и усиления в них русского элемента». Гэта яны тлумачылі тым, што, па-першае, адсутнасць належнага суда тармазіла працэс павелічэння колькасці землеўласнікаў рускага паходжання на адзначанай тэрыторыі, па-другое, увядзенне ў краі галоснага суда на рускай мове несумнеўна падштурхнула б мясцовае насельніцтва да больш грунтоўнага яе вывучэння і азнаямлення з агульным для ўсёй імперыі законам. Такім чынам, генерал-губернатары Заходняга краю лічылі, што распаўсюджанне судовай рэформы 1864 года на дадзеную тэрыторыю садзейнічала б умацаванню ў мясцовым грамадскім асяродку «полного убеждения в том, что Западный край – русский и иным быть не может» [6, с. 3].

Указ аб увядзенні ў дзевяці заходніх губернях міравых судовых устаноў быў зацверджаны Аляксандрам II 23 чэрвеня 1871 года. У адпаведнасці з ім для дадзеных тэрыторый прадугледжваўся шэраг выключэнняў з Судовых статутаў. Галоўнае з іх – замена выбарнасці міравых суддзяў прызначэннем іх ад урада, а дакладней – міністрам юстыцыі. Адзначым, што практычна ў апошні момант з закона быў выключаны пункт аб забароне займаць дадзеныя пасады асобам «польскага паходжання» (фактычна мясцовым дваранам-каталікам) [6, с. 6–7]. Але ў гэтым і не было патрэбы, бо дзейнічалі правілы ад 27 мая 1864 года [7, арк. 3]. У адпаведнасці з імі ўсе «блізкія да народу» пасады ў Заходнім краі павінны былі замяшчацца асобамі рускага паходжання. Акрамя таго, іх прызначаў міністр юстыцыі, і дастаткова было адпаведнай негалоснай устаноўкі.

Аднак ідэя выбарнасці міравых суддзяў у заходніх губернях у гэты час была актуальнай і абмяркоўвалася, нават нягледзячы на адсутнасць тут зямстваў. Яшчэ 15 чэрвеня 1871 года міністр юстыцыі К. І. Пален прапаноўваў міністру ўнутраных спраў А. Я. Цімашаву прапанаваць такую магчымасць [8, ч. 1а, арк. 1 адв. – 2]. Але ўлада ад дадзенай ідэі адмовілася. Гэта было выклікана ўсё тымі ж матывамі палітыкі самадзяржаўя па ўніфікацыі «западных окраин» з унутранымі губернямі. Восенню 1872 года мінскі, віцебскі і магілёўскі губернатары выказалі агульнае меркаванне, што выбарнасць тут міравых суддзяў яшчэ не

прадстаўлялася магчымай, бо асобы «польскага паходжання» накіроўвалі б свае намаганні на выбар іх выключна са свайго асяродку. Ідэя ж увядзення выбарнасці разам з абмежаваннем доступу на гэтыя пасады пэўным асобам па нацыянальна-рэлігійнай прыкмеце таксама была адхілена. Па словах губернатараў, у такім выпадку ні ў адным павеце не знайшлося б дастатковай колькасці кандыдатаў, якія б адказвалі адпаведным патрабаванням. З гэтым быў згодзен і міністр унутраных спраў А. Я. Цімашаў, які дадаў, што гэта прывяло б да росту раздражнення сярод мясцовага насельніцтва [8, ч. Іа, арк. 52].

У шасці губернях Паўночна-Заходняга краю судовая палата і акруговыя суды, а разам з тым інстытуты суда присяжных і адвакатуры былі ўведзены толькі ў канцы 1883 года (у Паўднёва-Заходнім краі, г. зн. у трох украінскіх губернях, гэта адбылося раней – у 1880 годзе). Адпаведныя падрыхтоўчыя мерапрыемствы пачаліся яшчэ падчас увядзення тут інстытута міравых суддзяў. 15 чэрвеня 1871 года ва ўжо згаданай запісцы міністра юстыцыі К. І. Палена на імя міністра ўнутраных спраў А. Я. Цімашава прапаноўвалася адразу пасля адкрыцця ў краі міравых судовоў прыступіць да ўвядзення агульных судовых устаноў [8, ч. Іа, арк. 1]. У 1871 годзе дадзенае пытанне абмяркоўвалася ў Дзяржаўным савеце. Яго члены ў цэлым сыходзіліся ў думцы, што ўвядзенне судовай рэформы ў поўным аб'ёме магчыма толькі ў тых губернях, якія па колькасці землеўласнікаў «няпольскага паходжання», а таксама зямлі, якая знаходзілася ў іх валоданні, бачыліся амаль падрыхтаванымі да поўнага зліцця ўнутранымі губернямі. Да іх ліку адносіліся Магілёўская, Мінская і Віцебская губерні. У той жа час членам Дзяржаўнага савета бачылася немагчымай рэалізацыя гэтай ідэі ў Гродзенскай, Віленскай, Ковенскай губернях, дзе рускае землеўладанне было яшчэ «поўнасьцю падавлено» як колькасцю мясцовых памешчыкаў-каталікоў, так і аб'ёмам нерухомай маёмасці, якая ім належала [6, с. 4]. Але ўжо ў 1873–1874 гадах праекты Міністэрства юстыцыі прадугледжвалі распаўсюджанне Судовых статутаў у поўным аб'ёме на ўсе дзевяць заходніх губерняў.

Віленскі генерал-губернатар П. П. Альбедзінскі ў адозве ад 20 сакавіка 1875 года на імя міністра юстыцыі казаў аб тым, што ўвядзенне Судовых статутаў у краі мела б вельмі пазітыўнае значэнне, у тым ліку ў кантэксце ўмацавання тут пазіцыі рускіх землеўладальнікаў, якія «как нельзя более нуждаются в обеспечении своего благосостояния при помощи защиты своих личных и хозяйственных интересов судом справедливым и скорым». Але ён выступаў за ўвядзенне тут рэформы ў абмежаваным выглядзе. Абгрунтоўваў ён гэта наступным чынам: «При всём видимом спокойствии края, тяжело было уверенным, чтобы в разноплеменном, разнохарактерном и разноверном его населении не скрывалась та страстность, которая является следствием исторических

условий и недавно бывших в крае потрясений» [8, ч. 1б, арк. 113]. Як бачым, і ўвядзенне Судовых статутаў, і скажэнне іх нормаў на тэрыторыі Беларусі абгрунтоўваліся фактычна аднымі і тымі ж матывамі: палітычнай стабільызаваннем краю і яго найхутчэйшай інтэграцыяй у склад імперыі.

Прадметам спрэчак стаў выбар месца знаходжання судовай палаты, у якой вырашаліся б найбольш значныя судовыя справы (перш за ўсё палітычныя, рэлігійныя і аб злачынствах супраць парадку кіравання). Гэта, безумоўна, надавала адпаведнаму губернскаму цэнтру асаблівы палітычны статус і вагу.

Першапачаткова адкрыццё судовых палат у Паўночна-Заходнім краі ўвогуле не прадугледжвалася [8, ч. 1а, арк. 162–162 адв.]. Яшчэ ў канцы 1860-х гадоў ва ўрадавых колах існавала меркаванне, што стварэнне тут асобнай судовай палаты «будет служить выражением идеи сепаратизма» [4, арк. 4]. Гэта пытанне абмяркоўвалася ў 1871 годзе ў Дзяржаўным савеце, члены якога на дадзеным этапе схіліліся да думкі, што было б пажадана не аб'ядноўваць губерні Паўночна-Заходняга краю ў адзіную судовую акругу, а, наадварот, па магчымасці, адносіць іх да іншых, ужо існуючых акруг. Гэта абгрунтоўвалася тым, што немэтазгодна «вновь искусственно сплачивать в единое целое» гэтыя губерні [6, с. 4–5]. Аднак у дакументах Міністэрства юстыцыі, датуемых ужо лютым 1875 года, для Паўночна-Заходняга краю прадугледжвалася асобная судовая акруга (з цэнтрам у Мінску) [8, ч. 1б, арк. 95]. З апошнім быў нязгодны віленскі генерал-губернатар П. П. Альбедзінскі, які выступіў за адкрыццё судовай палаты ў Вільні. Галоўным яго аргументам было тое, што менавіта Вільня з'яўлялася цэнтрам рускага ўплыву ў Паўночна-Заходнім краі [8, ч. 1б, арк. 168–172].

Прапаноўвалася таксама ідэя выбару ў якасці цэнтра судовай акругі паўночна-заходніх губерняў Смаленска, павышэнне статусу якога магло спрыяць узмацненню рускага ўплыву ў краі [8, ч. II, арк. 52 адв.]. У 1876 годзе дадзенае пытанне разглядалася Дзяржаўным саветам, які прызнаў пажаданым, каб судовая палата для губерняў Паўночна-Заходняга краю знаходзілася па-за яго межамі, альбо гэтыя губерні былі размеркаваны паміж ужо дзеючымі судовымі акругамі, бо гэта садзейнічала б вырашэнню задачы, якую пастаянна меў на мэце ўрад – найхутчэй аб'яднаць заходнія губерні з унутранымі часткамі імперыі [9, с. 10–11]. Аднак у адпаведнасці з царскім указам ад 19 чэрвеня 1877 года прадугледжвалася стварэнне Віленскай судовай палаты для Віленскай, Ковенскай, Мінскай і Гродзенскай губерняў; Магілёўская і Віцебская губерні павінны былі ўвайсці ў склад Смаленскай судовай палаты [5, ч. II, арк. 180]. У самы апошні момант (у кастрычніку 1883 года) адкрыццё Смаленскай судовай палаты па эканамічных матывах было адменена, а Віцебскі і Магілёўскі акруговыя суды аднесены да Санкт-Пецярбургскай і Кіеўскай палат адпаведна.

Такім чынам, працэс падрыхтоўкі і правядзення судовай рэформы 1864 года на тэрыторыі Беларусі суправаджаўся барацьбой ва ўрадавых колах вакол шэрагу пытанняў:

- увогуле мэтазгоднасці і тэрмінаў увядзення судовых статутаў у дадзеным рэгіёне;
- выбарнасці міравых суддзяў;
- складу прысяжных засядацеляў;
- месца знаходжання судовай палаты і інш.

Пры гэтым амаль заўсёды бакі абгрунтоўвалі свой пункт гледжання карыснасцю яго для ўніфікацыі Заходняга краю з унутранымі губернямі імперыі. Вынікам гэтай барацьбы сталі ў пэўным сэнсе супярэчліваць і непаслядоўнасць палітыкі самадзяржаўя ў дадзеным кірунку. З аднаго боку, улады абвясчалі край рускім і неад'емнай часткай імперыі, а з іншага – у заканадаўчым парадку або негалосна замацоўвалі яго асаблівы палітыка-прававы статус, што захоўвала ці нават узмацняла адметнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (РДГА). – Фонд 1405. – Воп. 539. – Спр. 26.
2. РДГА. – Фонд 1405. – Воп. 64. – Спр. 5784.
3. *Долбилов, М. Д.* Западные окраины Российской империи / М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. – М.: Новое литератур. обозрение, 2006. – 608 с.
4. РДГА. – Фонд 1405. – Воп. 534. – Спр. 851.
5. РДГА. – Фонд 1405. – Воп. 64. – Спр. 7643.
6. Отчёт по делопроизводству Государственного Совета за 1871 год. – СПб.: [б. и.], 1873. – [2], II, 404 с.
7. РДГА. – Фонд 1405. – Воп. 85. – Спр. 2992.
8. РДГА. – Фонд 1405. – Воп. 69. – Спр. 6114.
9. Отчёт по делопроизводству Государственного Совета за 1876 год. – СПб.: [б. и.], 1878. – V, 230, [2], 193 с.

(Дата паступлення: 15.09.2017).

Ерашэвіч Аляксандр

УА «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт», Мінск, Беларусь

Yerashevich Aliaksandr

Belarus state economic university, Minsk, Belarus

УДК [94(476)+336.02(476)(091)]«17»

БЕЛАРУСКІЯ ГУБЕРНІ Ў СІСТЭМЕ АГУЛЬНАДЗЯРЖАЎНАГА БЮДЖЭТУ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў 1770–1790-Я ГАДЫ

THE BELARUS PROVINCES IN SYSTEM OF THE NATION-WIDE BUDGET OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 1770–1790

Артыкул прысвечаны праблеме вызначэння месца беларускіх губерняў, якія ў выніку падзелу Рэчы Паспалітай Абовых народаў увайшлі ў склад Расійскай імперыі, у агульнадзяржаўным бюджэце гэтай дзяржавы ў 70–90-я гады XVIII стагоддзя. Каштоўнасць змешчаных у артыкуле звестак, а таксама навуковая абгрунтаванасць асноўных высноў даследавання заснаваны на выкарыстанні аўтарам шырокага комплексу як апублікаваных статыстычных матэрыялаў, так і неапублікаваных дакументаў з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Мінску. У артыкуле аўтар упершыню ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі паспрабаваў вызначыць месца беларускіх земляў у сістэме агульнарасійскіх дзяржаўных даходаў, высветліць суадносіны паміж рэгіянальнымі бюджэтамі Полацкай і Магілёўскай губерняў і агульнадзяржаўным бюджэтам часоў царавання Кацярыны II, паказаць дынаміку змен памераў грашовых паступленняў, ацаніць уклад беларускіх губерняў у агульнаімперскую казну ў канцы XVIII стагоддзя.

Ключавыя словы: дзяржаўны бюджэт; Расійская імперыя; беларускія губерні; даходы; расходы; падаткі; грашовыя зборы.

The Belarus lands as a result of the sections Polish-Lithuanian Commonwealth of Both Nations were included in the Russian Empire. The article is devoted to the problem of determining the place of the Belarus provinces in the nation-wide budget of this state in 1770–1790 th. The value of the information and the scientific validity of the basic conclusions of research is based on the use of the author of a wide complex both the published statistical materials and the unpublished documents from National Historical Archive of Belarus in Minsk. For the first time in a modern Belarus historiography the author has made an attempt to determine the place of the Belarus lands in system of the Russian public revenues in this article. The author has tried to find out a parity between regional budgets of Polotsk and Mogilev provinces and the nation-wide budget of Russian Empire during the reign of Catherine 2. The paper shows the dynamics of changes in the sizes of monetary receipts and estimated the contribution of the Belarus provinces in Russian treasury in the end of XVIII century.

Keywords: state budget; Russian empire; Belarus provinces; incomes; expenses; taxes; monetary gathering.

Адной з недастаткова і маладаследаваных праблем айчынай гісторыі з'яўляецца пытанне аб месцы і ролі земляў Беларусі ў фарміраванні агульнадзяржаўнага бюджэту Расійскай імперыі ў канцы XVIII – пачатку XX стагоддзя. Відавочна, што паэтапнае ўваходжанне беларускіх земляў у выніку падзелаў Рэчы Паспалітай (1772, 1793, 1795 гадоў) у склад цэнтралізаванай манархічнай дзяржавы паўплывала на некаторае павелічэнне дзяржаўных даходаў Расійскай імперыі за кошт нованабытых тэрыторый і насельніцтва.

Пэўны матэрыял аб развіцці фінансавых і падатковых інстытутаў Расійскай імперыі ў 70–90-я гады XVIII стагоддзя ўвогуле без вылучэння асобных тэрытарыяльных рэгіёнаў утрымліваецца ў працах дасавецкіх расійскіх даследчыкаў: дзяржаўнага дзяеча, былога члена і старшыні Дзяржаўнага савета Расійскай імперыі, гісторыка Анатоля Мікалаевіча Куламіна (1838–1923) [6], археографа і калекцыянера Мікалая Дзмітрыевіча Чачуліна (1863–1927) [11] і іншых гісторыкаў [2, с. 594–630; 8, с. 757–772], якія вывучалі пытанні стану грашовай сістэмы, знешняга гандлю, дзяржаўных фінансаў Расійскай імперыі ў часы кіравання «паўночнай Семіраміды».

Сярод сучасных беларускіх даследчыкаў найбольш плённа змены ў сацыяльна-эканамічным і палітычным становішчы Беларусі ў эпоху Кацярыны II вывучае Я. К. Анішчанка. У апошняй буйной працы вучонага па дадзенай праблематыцы [1] упершыню ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі сістэмна і рознабакова на шырокай крыніцазнаўчай базе даследаваны працэс далучэння і паступовай інтэграцыі ўсходнебеларускіх зямель да Расійскай імперыі ў 1772–1796 гады, разгледжаны некаторыя напрамкі ўрадавай палітыкі па насаджэнні на нованабытых тэрыторыях рускага заканадаўства, прааналізаваны змены ў судаводстве, тэрытарыяльна-адміністрацыйным дзяленні, адміністрацыйнай сістэме, вызначаны формы і метады, ступень рэалізацыі царызмам палітыкі ў некаторых сферах жыццядзейнасці грамадства (аграрнай, канфесіянальнай, гандлёвай, мытнай, кіраўнічай). Аднак па-за ўвагі гісторыка засталіся пытанні, звязаныя з распаўсюджваннем на ўсходнебеларускія землі агульнаімперскіх інстытутаў дзяржаўных фінансаў.

Мэта артыкула – вызначыць месца беларускіх земляў у сістэме агульнарасійскіх дзяржаўных даходаў, высветліць суадносіны паміж мясцовым і агульнаімперскім бюджэтамі часоў царавання Кацярыны II у Полацкім і Магілёўскім намесніцтвах (т. зв. беларускіх губернях) пераважна ў 80–90-я гады XVIII стагоддзя.

Аснову крыніцавай базы артыкула склалі апублікаваныя матэрыялы дзяржаўных роспісаў дзяржаўных даходаў і расходаў Расійскай імперыі

[4; 5], сістэматычны пачатак складання якіх у пагубернскім разрэзе ў межах усёй дзяржавы адносіцца верагодна да 1780 года.

Заўважым, што раздробленасць фінансавага кіравання, адсутнасць наладжанага справаводства і заблытанасць уліку, імкненне чыноўнікаў схавачь крадзёж казенных сродкаў, нявызначанасць прамых і ўскосных, акладных і неакладных падаткаў прыводзяць да пэўнай непаўнаты і супярэчлівасці звестак, неабходных для вызначэння крыніц і структуры губернскіх бюджэтаў, памераў, прынцыпу, характару і парадку спагнання грашовых збораў. Наступная перспектыўная, але складаная задача, – высьвятленне ступені непаўнаты даных афіцыйна-справаводных дакументаў, для чаго неабходны супастаўленне розных крыніц даходаў у бюджэце (падушнага падатку, саянога збору і інш.), перакрываваны аналіз звестак мясцовых і цэнтральных фінансава-падатковых органаў.

Змены ў структуры, крыніцах і памерах даходнай часткі бюджэту Расійскай імперыі другой паловы XVIII стагоддзя адбываліся пад уплывам розных фактараў: абумоўліваліся характарам эканамічнай і сацыяльнай палітыкі ўрада, курсам знешняй палітыкі самадзяржаўя ў сувязі з выпрацоўкай, падрыхтоўкай і рэалізацыяй ваенна-стратэгічных планаў царызму; залежалі ад тэмпаў эканамічнага развіцця (прамысловасці, рамяства, сялянскіх промыслаў, унутранага і знешняга гандлю, ступені ўцягвання сельскай гаспадаркі ў таварна-грашовыя адносіны, росту таварызацыі памешчыцкай і сялянскай гаспадаркі і г. д.), павелічэння прамых і ўскосных падаткаў і збораў, выкарыстання магчымасцей манетнай рэгаліі дзяржавы (масавы выпуск папяровых асігнацый), развіцця ўвогуле дзяржаўных фінансава-крэдытных інстытутаў; былі звязаны з пашырэннем тэрыторыі і ростам насельніцтва дзяржавы, асабліва падатных станаў; вызначаліся іншымі абставінамі.

Першы беларускі генерал-губернатар З. Р. Чарнышоў у ведамасці ад 1.06.1773 года вылічыў дзяржаўны гадавы даход у беларускіх губернях наступным чынам: 439714,9 руб. пагалоўных падаткаў з купцоў, сялян і яўрэяў і 142133,6 руб. піцейных збораў, разам 581848,5 руб. Выключаючы пастаўляемы сялянамі ў правіянецкія магазіны хлеб 68906 чвэрцаў і 6 чацвярыкоў (коштам за чацвярык мукі па 15 кап., разам па цане на 82688,35 руб.), атрымлівалася грашымі 499160,15 руб. Паколькі дзяржаўныя даходы збіраліся за палову года, таму ў 1773 годзе прыбыткаў у «новых правінцыях, далучаных ад Польшчы» меркавалася сабраць 290924,25 руб. (249580,07 ½ руб. грашымі і 41344,17 ½ руб. хлебам па штатнай цане) [3, т. 1. № 3, с. 371, 373–374, т. 5, с. 227]. У пачатку 1774 года беларускі генерал-губернатар падаў у Сенат ведамасці аб даходах, сабраных у Пскоўскай і Магілёўскай губернях на другую палову 1773 года (табліца 1) (падлічана па: [10]).

Такім чынам, у структуры грашовых паступленняў тэрыторый, якія былі ўключаны ў склад Расійскай імперыі пасля першага падзелу Рэчы

Паспалітай, асноўнае месца займалі прамыя асабістыя падаткі: падушны падатак (30,3 %), даходы з дзяржаўнай уласнасці (18,4 %), збор за права вінакурэння (13,6 %), мэтавы паштовы збор (7,6 %), а таксама мытны і саляны прыбыткі (21,6 %). Неабходна таксама адзначыць, што частка грашовых збораў з прычыны неплацежаздольнасці большай часткі вясковага насельніцтва была заменена натуральнымі зборамі. У Галоўны Крыгс-камісарыят з беларускіх губерняў закуплялі хлеб па штатнай цане.

Табліца 1

Каштарыс сабраных даходаў у Пскоўскай і Магілёўскай губернях на другую палову 1773 года, руб.

Найменне збораў	Пскоўская	Магілёўская	Разам	%
Пагалоўныя	82024,97 ½	92642,85	174667,82 ½	29,7
За вінны продаж	31307,1	48357,51	79664,61	13,6
Арэндныя з старостваў	4869	2018	6887	1,2
Памешчыцкі даход з дварцовых вёсак	5184	21522,5	26706,5	4,5
3 старостваў у казённым ведамстве	28 888	45566,88 ½	74454,88 ½	12,7
Накладных пры пагалоўным зборы па 2 кап. з рубля	1640,5	1853,13 ¾	3493,63 ¾	0,6
Утрыманне поштаў	21735,22 ½	23027,88 ½	44763,11	7,6
Мытныя	21040,66 ¼	64202,01	85242,67 ¼	14,5
За праданую соль	10716,5	31133,15	41849,65	7,1
Неакладныя (пошлінаў крапасных, з чалабітных, за гербавую паперу, на шпіталь і медыкаменты)	686,07 ¾	5380,24 ½	6066,32 ¼	1
Хлеб па кошту 1,2 руб. за чвэрць	15 519 чвэрцяў	18 499 чвэрцяў	43223,02 ½	7,4
Разам			587019,23 ¾	100

Дасланыя ў 1777 годзе ведамасці Полацкай і Магілёўскай камерных экспедыцый даюць уяўленне аб паступленні галоўных збораў даходаў у беларускіх губернях за апошнія гады і пераразмеркаванні

грошай паміж асобнымі ведамствамі. У Полацкай губерні ў 1775, 1776, студзені 1777 года было сабрана 160 894 руб. пагалоўнага збору, 60 080 руб. збору за вінную сідку і вольны продаж. Пагалоўнага хлеба паступіла ў правіяньцкія магазіны 29 292 чвэрцаў ці па штатнай цане па 1,2 руб. за чвэрць коштам на 35150,74 руб. Хлеб залічваўся ў ведамства Галоўнай Правіяньцкай канцылярыі, аднак належныя сумы грошай былі пакінуты ў Галоўным Крыгс-камісарыяце для аддачы ў Статс-кантору, але грошай у экспедыцыю так і не было асігнавана. Сумы на расходы выдаткоўваліся паводле ўказаў устаноў. У Магілёўскай губерні ў 1775 і 1776 гадах было ўнесена 190697,73 $\frac{3}{4}$ руб. пагалоўных грошай, 82856,65 руб. вінных, паступіла 36 791 чвэрць правіянту на 44149,96 руб. Замест памянутых трох збораў з Камер-калегіі, Сяляной канторы і Правіяньцкай канцылярыі грошай не асігнавалася. Толькі ў 1776 і студзенскай трэці 1777 года было выкарыстана ў пазыку на жалаванне і іншыя стацкія расходы 63260,67 руб. з сялянога збору [9, л. 258–259]. Сяляная кантора па абедзвюх губернях у 1776–1778 гадах выдзеліла толькі 108540,76 руб., зварот якіх патрабавала з Статс-канторы [9, л. 260]. Для дакладнасці падлікаў загадвалася даставіць ведамасці ў Камер-калегію, Галоўную сялянскую кантору і Крыгс-камісарыят.

Адзначым, што апублікаваныя А. М. Куламіным генеральныя табелі пагубернскіх даходаў і выдаткаў сведчаць, што самыя значныя па велічыні паступленні грашовых даходаў (падушны збор і інш.) заўсёды ўключаліся ў агульнадзяржаўныя сметы даходаў. Асобна паказваліся так званыя іншыя дзяржаўныя зборы (піцейныя, мытныя, на ўтрыманне пошты і інш.). Адначасова некаторыя зборы засяроджваліся ў асобных ведамствах. Большае адзінства ў сметнай сістэме наступіла толькі з 1788 года, калі большая частка ведамасных збораў была пераведзена ў агульнадзяржаўныя даходы [4, с. 222]. У той жа час у бюджэтных каштарысах не ўлічваліся даходы асобных ведамстваў: натуральныя хлебныя зборы ведамства Правіяньцкага дэпартаменту ў астзейскіх і беларускіх губернях, прыбыткі з дварцовых маёнткаў, якія паступалі ў ведамства Прыдворнай і Канюшанай кантор, даходы паштовага ведамства і інш. [4, с. 223]. У цэлым табелі ўтрымліваюць каштарыс толькі звычайных крыніц дзяржаўных даходаў.

Пэўнае ўяўленне аб месцы беларускіх губерняў у сістэме агульнаімперскай даходнай часткі дзяржаўнага бюджэту ў 1781–1796 гадах даюць даныя табліцы 2 [4, с. 236–237, 241, 244, 248, 249, 254, 258–259, 262, 266–267, 272, 276–277, 280, 284–285, 288, 292–293; 5, с. 220, 222, 227, 230, 232, 237, 240, 242, 247, 248, 250, 255, 256, 258, 263, 264, 266, 271, 274, 276, 281, 284, 286, 291, 294, 296, 303].

У цэлым з 1781 па 1796 год грашовыя паступленні ў беларускіх губернях намінальна выраслі амаль у 2,2 раза, аднак трэба ўлічваць, што

Табліца 2

Динаміка дзяржаўных даходаў Полацкай і Магілёўскай губерняў (1781–1796 гады)

Год	Магілёўская, руб.	Полацкая, руб.	Разам даходаў на беларускіх губернях, руб.	Адносны паказчык агульнаімперскіх даходаў, %	Адносны паказчык росту з 1781 г., %	Штгадовыя тэмпы (прыросту ці страт), %
1781	253567,36 ½	222358,33 ¼	475925,69 ¾	1,65	100	
1782	269805,01	214174,48 ¾	483979,49 ¾	1,60	101,7	+1,7
1783	274930,80 ½	222106,34 ½	497037,15	1,57	104,4	+2,7
1784	379739,60 ¾	273864,72	653604,32 ¾	1,61	137,3	+31,5
1785	414188,64 ¾	291643,05 ¼	705831,70	1,68	148,3	+8
1786	437355,47 ¾	315599,95	752955,42 ¾	1,83	158,2	+6,7
1787	473075,85	318577,81 ¼	791653,66 ¼	1,82	166,3	+5,1
1788	435483,56	322057,03	757540,59	1,80	159,2	-4,3
1789	464641,17 ½	337987,93 ½	802629,11	1,82	168,6	+5,9
1790	450806,37 ¼	355635,99	806442,36 ¼	1,81	169,4	+0,5
1791	369601,42	326662,65	696264,07	1,62	146,3	-13,7
1792	304059,65 ¾	293614,14 ¼	597673,8	1,37	125,6	-14,2
1793	308128,57 ½	304592,37 ½	612720,95	1,37	128,7	+2,5
1794	446915,2 ¾	323105,86 ¼	770021,07	1,36	161,8	+25,7
1795	537490,85	455139,03	992629,88	1,45	208,6	+28,9
1796	556009,31	473903,87 ¼	1029913,18 ¼	Больш 1,50	216,4	+3,7

асігнацыі за гэты ж час страцілі 30,8 % сваёй вартасці адносна сярэбранай манеты. Заўважым, што найбольшы прырост дзяржаўных даходаў назіраўся ў 1784–1786 і 1794–1795 гадах, а падзенне – у 1788 і 1791–1792 гадах (час войнаў Расійскай імперыі з Швецыяй, Асманскай імперыяй і Рэччу Паспалітай). Уклад беларускіх губерняў у валавы збор тэрытарыяльных рэгіёнаў у агульнаімперскую казну вагаўся ад 1,4 да 1,8 % агульнай колькасці грашовых дзяржаўных даходаў. Агулам, у Магілёўскай і Полацкай губернях у 80-я – сярэдзіне 90-х гадоў XVIII стагоддзя назіраўся паступовы, але не заўсёды лінейны, абсалютны рост падатковых збораў, а ў 1780-я гады і некаторае адноснае павелічэнне іх удзельнай вагі ў структуры агульнаімперскіх даходаў.

Зрэшты, у беларускіх губернях эфектыўнасць грашовых паступленняў была даволі высокай, і яны не вылучаліся сярод іншых у накапленні значнай колькасці нядоімкак, налікаў, недабораў і спагнанняў грашовых збораў, якія па Полацкай і Магілёўскай губернях складалі сярод 42 губерняў Расійскай імперыі к 1793 году 1,15 %, а к 1794 году – 2,06 % агульнаімперскіх [7, с. 408–413].

Частка сабраных даходаў пакідалася ў губернях для задавальнення мясцовых выдаткаў, другая – адсылалася ў Камісарыяцкае ведамства, трэцяя – паступала ў казначэйствы для статных сумаў. Астатнія неасігнаваныя сумы адсылаліся ў казначэйствы для рэшткавых сумаў для задавальнення ўсіх надзвычайных дзяржаўных расходаў [4, с. 221]. Да сярэдзіны 1780-х гадоў большая частка спагнанных дзяржаўных падаткаў і збораў беларускіх губерняў заставалася на месцы для задавальнення губернскіх расходаў (у 1782–1783 гадах нават нічога не адсылалася), аднак у час падрыхтоўкі і вядзення войнаў з Турцыяй і Швецыяй адлічэнні ў агульнадзяржаўнае казначэйства павялічваліся і дасягалі ў асобныя гады да трэці губернскіх даходаў.

Неабходна адзначыць, што ўклад Магілёўскай губерні ў агульнаімперскі скарб у 1780-я гады быў у цэлым больш значным, чым Полацкай. У апошнія гады царавання Кацярыны II (1795–1796 гады) пасля задушэння паўстання 1794 года і канчатковай ліквідацыі Рэчы Паспалітай як дзяржавы ва ўмовах падрыхтоўкі да магчымых ваенных дзеянняў супраць Прусіі Полацкая губерня накіроўвала ад 41 % (1795 год) да 52 % (1796 год), а Магілёўская – амаль палову сабраных даходаў (1796 год) (гл. табліцу 3) (падлічана па: [4, с. 236–237, 244, 254, 262, 272, 280, 288; 5, с. 222, 232, 242, 250, 258, 266, 276, 286, 296]). Іншымі словамі, назіралася тэндэнцыя да паступовага змяншэння сродкаў, якія заставаліся на месцы, што было звязана з павелічэннем ваенных выдаткаў Расійскай імперыі.

Апублікаваныя А. М. Куламіным даныя генеральных бюджэтных роспісаў на 1781–1796 гады па губернях Расійскай імперыі дазваляюць прагледзець не толькі дынаміку размеркавання грашовых сродкаў

даходаў і расходаў у дзяржаве ў цэлым і паміж асобнымі губернямі ў прыватнасці, але і вызначыць уклад асобных губерняў і тэрытарыяльных рэгіёнаў у даходную частку агульнаімперскай дзяржаўнай казны (табліца 4) [4, с. 270–277; 5, с. 293–303].

Табліца 3

Размеркаванне даходаў Магілёўскай і Полацкай губерняў на розныя выдаткі (1781–1796 гады), %

Год	Магілёўская			Полацкая		
	1.	2.	3.	1.	2.	3.
1781	86,1	0,4	13,5	85,8	1,3	12,9
1782	89,1	10,9	0	88	12	0
1783	90,7	9,3	0	88,9	11,1	0
1784	81,9	12,7	5,4	82	8,4	9,6
1785	64,5	6,1	29,4	89,4	8	2,6
1786	59,2	5,8	35	76,3	7,4	16,3
1787	55,3	4,8	39,9	76	6,7	17,3
1788	43,3	25,3	31,4	53,6	23,6	22,8
1789	40,2	20,6	39,2	50,5	22,1	27,4
1790	40,3	13,9	45,8	48	16,3	35,7
1791	49	17	34	52,2	17,7	30,1
1792	59,8	20,7	19,5	58	19,9	22,1
1793	62,4	20,4	17,2	60,3	19,1	20,6
1794	73,6	14,1	12,3	61,8	18,1	20,1
1795	85,3	7,4	7,3	46,3	12,8	40,9
1796	43,3	6,8	49,9	40,3	7,9	51,8

1. На агульнагубернскія патрэбы.

2. Патрэбы ведамстваў.

3. Да беззваротнай адсылкі (у Санкт-Пецярбургскае штатнае казначэйства, Пецярбургскае для лішчавых сум казначэйства, Камісарыят, Адміралцейства, Пецярбургскае казначэйства дварцовых даходаў).

Калі дапусціць, што перавод грашовых сродкаў у цэнтральныя казначэйствы на агульнадзяржаўныя расходы залежаў ад памераў сабраных губернскіх даходаў, то, ведаючы суадносіны сумаў даходаў асобных губерній, можна заключыць, што бяднейшыя губерні ўносілі абмежаваную колькасць атрыманых даходаў у агульнадзяржаўны скарб. Паводле рэспісу на 1781 год найбольшыя сумы даходаў мелі Пецярбургская, Табольская, Казанская, Маскоўская, Валгодская, Наўгародская,

Таблица 4

Классификация губерний Российской империи по уровню доходной частки бюджета (1785, 1796 годы)

№	Губерния	1785 г., руб.		%	№ рейтингу	1796 г., руб.		%	№ рейтингу
1	Пецябуржская	5026226,7		13,16	1	6817796,17		11,93	1
	Пецябуржскія прысутныя ўстановы	501529,14				1372176,27			
2	Пермская	3039796,83		7,23	2	3193285,05		4,65	3
3	Маскоўская	2467098,28		6,12	3	4884614,29		7,19	2
	Маскоўскія прысутныя ўстановы	106298,44				45939,97			
4	Вяцкая	1692176,37		4,02	4	2523424,5		3,68	4
5	Казанская	1491059,2		3,55	5	2221999,08		3,24	6
	Рыжская	1462682,8				1097144,32			
7	Курская	1379529,89		3,28	7	2102696,23		3,06	7
8	Тамбоўская	1298234,83		3,09	8	2040749,32		2,97	8
	Іркуцкая	1289228,99				1746089,49			
10	Арлоўская	1189213,6		2,83	10	2269603,09		3,31	5
	Табольская	1104038,74				1574934,82			
12	Цвярская	1099691,18		2,62	12	1909324,64		2,78	9
	Варонежская	1039114,03				1595206,53			
14	Сімбірская	982600,15		2,34	14	1608599,06		2,34	15
	Уладзімірская	978627,7				1784922,43			
16	Яраслаўская	939973,09		2,24	16	1735966,88		2,53	13

Працаг табліцы 4

№	Губернія	1785 г., руб.	%	№ рэйтынгу	1796 г., руб.	%	№ рэйтынгу
17	Ніжагародская	916905,52	2,18	17	1772398,26	2,58	11
18	Валагодская	898733,13	2,14	18	1308734,13	1,91	25
19	Сарагаўская	898101,83	2,14	19	1590570,29	2,32	18
20	Разанская	885314,24	2,11	20	1595832,21	2,33	16
21	Тульская	825053,41	1,96	21	1586833,53	2,31	19
22	Наўгародская	806263,32	1,92	22	1467748,35	2,14	22
23	Калужская	798391,77	1,90	23	1443504,62	2,10	23
24	Пензенская	793611,31	1,89	24	1352464,51	1,97	24
25	Кастрамская	771481,17	1,84	25	1621133,04	2,36	14
26	Уфійская	761989,58	1,81	26	1196664,12	1,74	26
27	Смаленская	687769,9	1,64	27	1513339,41	2,21	21
28	Пекоўская	617850,2	1,47	28	1116238,69	1,63	27
29	Архангельская	585211,15	1,39	29	747361,77	1,09	32
30	Астраханская	583617,75	1,39	30			
31	Харкаўская	572903	1,36	31	742183,98	1,08	33
32	Екацярынаслаўская	499692,69	1,19	32			
33	Кіеўская	437877,53	1,04	33	610534,27	0,89	36
34	Аланецкая	432221,39	1,03	34	705205,82	1,03	34
35	Магілёўская	414188,64	0,98	35	556009,31	0,81	38
36	Чарнігаўская	386196,44	0,92	36	541988,78	0,79	39

Заканчэнне табліцы 4

№	Губерния	1785 г., руб.	%	№ рэйтынгу	1796 г., руб.	%	№ рэйтынгу
37	Ноўгарад-Северская	354083,14	0,84	37	432366,97	0,63	43
38	Кальванская	345636,98	0,82	38	642357,78	0,94	35
39	<i>Полацкая</i>	291643,05	0,69	39	473903,87	0,69	41
40	Рэвельская	193061,66	0,46	40	407142,7	0,59	44
41	Выбаргская	167223,16	0,40	41	187981,82	0,27	45
42	Каўказская				1083018,43	1,58	29
43	<i>Мінская</i>				596952,96	0,87	37
44–45	<i>Віленская і Слоні́мская</i>				859468,03	1,25	31
46	Курляндская				460814,15	0,67	42
47–48	Валынская і Падольская				952448,63	1,39	30
49	Брацлаўская				488385,56	0,71	40
50	Войска Данское				19401,52	0,03	46
	Разам	42012142,11	100	41	68597459,87	100	46

Арлоўская і Тамбоўская губерні, найменшыя – Выбаргская, Рэвельская, Наварасійская, Кіеўская (па асобных губернях даныя адсутнічаюць) [4, с. 234–241]. Прыведзеныя ў тэбліцы 4 звесткі дазваляюць зрабіць выснову, што ў 1785 годзе з 41 губерні Расійскай імперыі лідарамі ў паступленні даходаў выступалі Санкт-Пецяўбургская, Пермская, Маскоўская, Вяцкая і Казанская губерні, аўтсайдэрамі – Ноўгарад-Северская, Калыванская, Полацкая, Рэвельская і Выбаргская губерні. У 1796 годзе з 46 губерній і абласцей Расіі да ранейшых высокадаходных (Санкт-Пецяўбургская, Маскоўская, Пермская, Вяцкая, Казанская губерні) далучылася Арлоўская губерня, а найменшыя прыбыткі мелі Полацкая, Курляндская, Ноўгарад-Северская, Рэвельская, Выбаргская губерні і вобласць войска Данскога.

Па ўзроўню прыбыткаў беларускія губерні адносіліся да групы найменш даходных губерняў. У 1785 годзе даход Магілёўскай і Полацкай губерняў складаў толькі 1,67 % сярод 41 губерні, у 1796 годзе – 1,5 % з 46. У 1796 годзе агульны даход Магілёўскай, Полацкай, Мінскай, Віленскай і Слонімскай губерній (2486334,17 руб.) складаў толькі 3,62 % агульнага валавога даходу агульнаімперскага казначэйства. У цэлым большая частка сабраных сродкаў, за выключэннем асобных гадоў, выдаткоўвалася на мясцовыя расходы ці залічвалася ў кошт агульнадзяржаўнага казначэйства на выкананне выдаткаў у губернях. Беларускія губерні не ігралі істотнай ролі і не сталі донарам у папаўненні сумаў імперскага агульнадзяржаўнага казначэйства.

З прыведзенага вышэй вынікае, што працэс вызначэння агульных маштабаў збораў з новадалучаных да Расійскай імперыі беларускіх земляў ускладняецца наступнымі акалічнасцямі:

- розніцай у курсах абарачэння грошай;
- заменай часткі грашовых збораў натуральнымі, але ў грашовым вылічэнні;
- разнаведамасным улікам і паступленнямі падаткаў і збораў.

У 1781–1796 гадах па ўзроўню грашовых спагнанняў у даходную частку агульнагубернскіх валавых збораў беларускія (Полацкае і Магілёўскае) намесніцтвы займалі даволі сціплае месца (ад 1,4 да 1,8 % агульнарасійскіх збораў, землі Беларусі і Літвы ў цэлым – 3,6 %), што тлумачыцца неабходнасцю паступовага прыстасавання Усходняй Беларусі да агульнарасійскай падатковай і фінансавых сістэм, неплацежаздольнасцю большасці мясцовага насельніцтва.

Інтэнсіўнасць паступленняў часткі даходаў Полацкай і Магілёўскай губерняў у агульнаімперскі дзяржаўны скарб павялічвалася ў час войнаў Расійскай імперыі з Швецыяй, Турцыяй, верагоднага ўзброенага сутыкнення з Прусіяй пасля трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай. З пэўнай доляй верагоднасці можна заключыць, што беларускія землі ў часы кіравання Кацярыны II не сталі донарам цэнтральнага дзяржаўнага казначэйства.

Спис выкарыстаных крыніц

1. *Анищенко, Е. К.* В когтях двуглавого орла: Беларусь во времена Екатерины II (1772–1796 гг.): монография / Е. К. Анищенко. – 2-е изд., доп. – Минск: Изд. В. Хурсик, 2016. – 442 с.
2. Екатерина II: pro et contra / сост., прим., вступ. ст. С. Н. Искюля. – СПб.: РХГА, 2006. – 1064 с.
3. Извлечение из ведомости за 1773 г. // Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. – 1867. – Т. 1, № 3; Т. 5.
4. *Куломзин, А. Н.* Государственные доходы и расходы в царствование императрицы Екатерины II / А. Н. Куломзин // Сборник императорского Русского исторического общества. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1870. – Т. 5. – С. 219–294.
5. *Куломзин, А. Н.* Государственные доходы и расходы в царствование императрицы Екатерины II / А. Н. Куломзин // Сборник императорского Русского исторического общества. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1871. – Т. 6. – С. 219–304.
6. *Куломзин, А.* Финансовое управление в царствование Екатерины II / А. Куломзин // Юридический вестник. – 1869. – № 2. – С. 3–28; № 3. – С. 3–38.
7. *Куломзин, А. Н.* Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II / А. Н. Куломзин // Сборник императорского Русского исторического общества. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1880. – Т. 28. – XXXIV, 490 с.
8. *Мадариага, И.* Россия в эпоху Екатерины Великой / И. Мадариага; пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 976 с.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі – Фонд 2567. – Воп. 1. – Спр. 264.
10. О расписании доходов в новоприобретенных от Польши губерниях: сенатский указ 5.02.1774 г. // Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния собствен. его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. 19, № 14119. – С. 909–910.
11. *Чечулин, Н. Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II / Н. Д. Чечулин. – СПб.: Сенат. тип., 1906. – II, II, 380 с.

(Дата паступлення: 22.09.2017).

Мигун Дмитрий

ГУО «Республиканский институт высшей школы», Минск, Беларусь

Migun Dmitry

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

УДК 327(476:430)(091)(043.3)

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 ГОДА В ГЕРМАНИИ И БЕЛАРУСЬ

THE NOVEMBER REVOLUTION OF 1918 IN GERMANY AND BELARUS

В статье исследуются последствия ноябрьской революции 1918 года для Германии. Автор также подробно рассматривает предшествовавшие этому событиям весны и лета 1918 года.

Ключевые слова: СССР; БССР; Германия; Брестский мир; ноябрьская революция в Германии; убийство Мирбаха.

The article explores the consequences of the November 1918 revolution for Germany. The author also examines in detail the events that preceded this event in the spring and summer of 1918.

Keywords: the USSR; the BSSR; Germany; the Brest Peace; the November revolution in Germany; the murder of Mirbach.

После свержения в Германии кайзеровского режима в результате ноябрьской революции 1918 года советское правительство полностью аннулировало условия Брестского договора и все соглашения, заключенные на его основе, и предложило германскому народу союз [1, с. 679–681]. Оно выразило готовность начать с Германией переговоры о полном урегулировании отношений между советской стороной и Германией на основе системы советских предложений. Как отмечалось в Постановлении ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского договора от 13 ноября 1918 года, «...условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и Дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий и областей, объявляются недействительными» [1, с. 679].

Из-за сокрушительного поражения в ходе Первой мировой войны Германия оказалась в очень тяжелом положении. Проиграв войну и потеряв все свои колонии и рынки сбыта, она была низведена до положения

второстепенной державы в мире. Навязанный странами-победительницами и заключенный с Германией 28 июня 1919 года Версальский договор был очень негативно встречен немецкой общественностью и привел к изоляции Германии на мировой политической арене. Попытки договориться со странами-победительницами не дали реально ощутимых результатов. Правительственные круги Германии на некоторое время заняли позицию выжидания в отношении Советской России. Они вынашивали надежду на то, что страны-победительницы сменят свой гнев на милость и наконец пригласят Германию делить весьма выгодные рынки в Восточной Европе. Однако их надежды оказались бесплодными. Лондонский ультиматум, а затем и позиция Франции и Англии в ходе работы Генуэзской конференции, направленная на экономическую изоляцию Германии, отрезвляюще подействовали на правящие германские круги.

Рассмотрим более подробно те геополитические обстоятельства, которые предшествовали этому событию.

После занятия войсками Красной Армии территории Беларуси в декабре 1918 года ЦК РКП (б) принял решение о создании ССРБ. 6-я Северо-западная конференция РКП (б), которая прошла в период с 30 по 31 декабря 1918 года в Смоленске, провозгласила создание ССРБ.

Сразу же после провозглашения ССРБ создавался дипломатический аппарат республики и стали налаживаться международные отношения с соседними государствами. В качестве модели дипломатической службы Советская Беларусь использовала принципы и структуры организации НКВД РСФСР. Первым наркомом иностранных дел ССРБ стал В. С. Фальский, однако через месяц он был смещен М. П. Петровым, соратником Г. В. Чичерина.

8 ноября 1917 года на II Всероссийском съезде Советов был единогласно принят «Декрет о мире», предложенный В. И. Лениным. В Декрете «Рабочее и Крестьянское правительство, созданное революцией 24–25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов предлагало всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире» [2, с. 11]. Также в Декрете Рабочее и Крестьянское правительство предлагало всем «правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие» [2, с. 12]. Новое Рабочее и Крестьянское правительство обратилось в данном декрете к «сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и 16 самых крупных участвующих в настоящей войне государств, Англии, Франции и Германии» [2, с. 13] с тем, что «что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся

и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации» [2, с. 13].

Советское правительство начало сепаратные переговоры с австро-германской коалицией из-за отказа англо-французского блока от этих предложений и 21 декабря 1917 года подписало с ней Договор о перемирии на Западном фронте в местечке Солы Ошмянского уезда Виленской губернии.

Дав свое согласие на официальное ведение переговоров, германское военное руководство считало, что сепаратный мир с Россией должен избавить армию от необходимости ведения войны на два фронта и позволит начать ей активные действия на Западном фронте [3, с. 130]. Также следует признать, что Германия смотрела на мир как на очень хорошую возможность за счет занятых территорий Беларуси восполнить запасы сырья и продовольствия.

Хотя начавшиеся в январе 1918 года переговоры в Брест-Литовске напрямую затрагивали дальнейшую судьбу белорусского народа. Германия и Россия, решая судьбу Беларуси, не пригласили на них ее представителей. Белорусский вопрос на переговорах в Брест-Литовске самостоятельного значения не приобрел. Белорусский вопрос не принимался во внимание ни одной из сторон, участвовавших в переговорах.

В ходе переговоров в Брест-Литовске обострились противоречия между их участниками. По мнению немецкого историка В. Баумгарта «генерал-квартирмейстер германского генштаба Э. фон Людендорф и статс-секретарь Рихард фон Кюльман были антиподами «восточной политики» [5, с. 61]. Э. Людендорф и представитель Генерального штаба П. Гинденбург, в отличие от Рихарда фон Кюльмана, выступили за более жесткие условия мира. В России большевиками ожидалось скорое начало всемирной революции на западе. Поскольку она до сих пор не начиналась, то для руководителя советской делегации Троцкого была выработана линия – как можно дольше затягивать переговоры и использовать их для пропаганды большевистских идей. Уже на первом заседании мирной конференции проявился такой подход.

Как явствует из «Конспекта программы переговоров о мире» от 10 декабря 1917 года, их главной темой и основным принципом должен был стать «мир без аннексий и контрибуций» [2, с. 44]. Кроме этого, за каждой (недержавной) нацией, входящей в состав данной воюющей страны, предусматривалось право на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, осуществляющегося путем референдума всего населения самоопределяющейся области [2, с. 44–45].

Основным стремлением Германии и ее союзников в это время был выход России из войны. Директивы по ведению переговоров в Брест-Литовске, составленные генерал-квартирмейстером германского ген-

штаба Э. фон Людендорфом 3 декабря 1917 года, предусматривали «<...> невмешательство во внутренние дела России, выплату денежных компенсаций германскому правительству за содержание русских военнопленных, присоединение к Германии Литвы и Курляндии, обмен военнопленными и гражданскими пленными, признание самоопределения Польши и ее федерации с державами Четверного союза, установление границы между Польшей и Литвой в соответствии с военными интересами, возвращение оккупированных русских территорий при определении восточной границы Польши, отказ России от Финляндии, Эстонии, Молдовы, Восточной Галиции и Армении, модернизацию железнодорожных линий России при помощи немецкого капитала, восстановление германо-русских правовых взаимоотношений, переговоры о будущем германо-русском союзе <...>» [4].

Вообще немецкое военное руководство очень быстро разгадало маневр советской стороны, заключавшийся в стремлении максимально затянуть процесс переговоров и этим выиграть время. Главнокомандующий немецких войск Э. Людендорф отмечал: «В речах большевистских представителей России с самого начала было заметно, что Антанта стремится к затягиванию переговоров и что сами большевики рассчитывают на поддержку Антанты на своем пути к достижению всемирной революции. Они стремились превратить брестские переговоры в широкий агитационный поход для пропаганды своих идей. Исходя из наших внутренних условий это представляет большую опасность, так как большевизм является для нас очень опасным врагом, для его сдерживания нам придется расходувать много военных сил, даже если будет заключен мир» [3, с. 131].

«Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой» от 3 марта 1918 года («Брестский мир») состоял из 14 статей [1, с. 365–370], в основном соответствовавшим требованиям германского ультиматума от 23 февраля 1918 года. Так, в ст. 1 данного договора говорилось, что «Россия, с одной стороны, и Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция – с другой, объявляют, что состояние войны между ними прекращено. Они решили впредь жить между собой в мире и дружбе» [1, с. 366].

Таким образом, состояние войны между Россией и державами Четверного союза провозглашалось прекращенным. По итогам подписанного 3 марта 1918 года мирного договора территория Беларуси была разделена по линии Двинск – Свенцяны – Лида – Пружаны – Берестье. Германия ориентировалась на создание «малой Литвы» с присоединением к этнической территории Литвы части белорусских земель, в том числе Виленщины и Гродненщины. Остальная территория Беларуси рассматривалась правящими кругами Германии как прерогатива Советской России. Земли на юг от Полесской железной дороги по согласию с Центральной укра-

инской Радой передавались УНР. Беларусь не получала ничего на восстановление разрушенного во время войны хозяйства, потому что Германия и Россия взаимно отказались от погашения потерь, причиненных войной населению этих государств.

Так, в ст. 9 мирного договора между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой стороны, от 3 марта 1918 года («Брестский мир») говорится: «Договаривающиеся стороны взаимно отказываются от возмещения своих военных расходов, т. е. государственных издержек на ведение войны, равно как и от возмещения военных убытков, т. е. тех убытков, которые были причинены им и их гражданам в зоне военных действий военными мероприятиями, в том числе и всеми произведенными во вражеской стране реквизициями» [1, с. 369]. Таким образом, в итоге заключения Брест-Литовского мирного договора ни Россия, ни Беларусь не получали ничего.

Хотя ССРБ 1 января 1919 года и была провозглашена суверенным и независимым государством, но военно-политические и социально-экономические обстоятельства не способствовали укреплению ее независимости. Продолжавшиеся военные действия на территории Беларуси не позволили широко развернуть дипломатическую деятельность нового правительства. Ее территория еще не была целиком освобождена от войск Германии, а уже вполне реальной становилась угроза со стороны Польши.

Сложная внутривнутриполитическая обстановка внутри страны, связанная с нарастающим экономическим, социальным и политическим кризисом, а также то, что новая власть еще не была достаточно сильна, заставляли большевистское правительство более активно налаживать отношения с Германией. Хотя в ст. 10 Брест-Литовского договора и предусматривался обмен дипломатическими и консульскими представителями между Германией и Россией сразу же после его ратификации [1, с. 369], но из-за немецких военных действий на юге России и в Финляндии налаживание официальных дипломатических отношений затянулось более чем на четыре недели. Во второй половине апреля 1918 года РСФСР и Германия установили дипломатические отношения и обменялись послами. Германским послом в Советской России был назначен граф В. фон Мирбах, должность советского посла в Германии занял А. А. Иоффе. До Первой мировой войны граф В. фон Мирбах находился в Петербурге в должности советника германского посла Ф. фон Пурталеса. В период переговоров в Брест-Литовске он возглавлял комиссию по восстановлению экономических отношений, обмена интернированных гражданских лиц и военнопленных в Петербурге.

В «Ноте Народного комиссариата иностранных дел ведомству иностранных дел Германии» за подписью наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина от 26 апреля 1918 года говорится о том, что «того состо-

ния мира, который должен быть по условиям подписанного 3 марта 1918 года договора в Брест-Литовске нет» [1, с. 512]. Немецкие и украинские войска наступают на юге. В ноте в ультимативном порядке перед немецкими властями ставился вопрос о том, «считают ли они сохраняющими свою силу условия Брест-Литовского мирного договора?» [1, с. 513]. В конце апреля – начале мая 1918 года нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин неоднократно обращался к руководству Германии с предложением о начале переговоров по экономическим и политическим проблемам. Вскоре были созданы соответствующие комиссии для проведения переговоров по обозначенным выше проблемам.

Белорусский историк С. А. Третьяк отмечает, что «...в Германии Брестский мир рассматривался как временный. Правящие круги вынашивали планы задушения Советской России после победоносного наступления на Париж в мае 1918 года. Кроме того, разведка и дипломаты Германии заранее подбирали кадры будущих марионеточных правительств, устанавливали связи с антибольшевистским подпольем на неоккупированной советской территории» [9, с. 80].

Во второй половине 1918 года советско-германские отношения стали стремительно ухудшаться. Германия потерпела ряд крупных поражений на Западном фронте. С июня 1918 года начинают явственно просматриваться изменения в восточной политике Германии. Как следует из «Материалов совещаний между представителями имперского правительства и Верховного главнокомандования в Спа», проходивших 2–3 июля 1918 года, «... сейчас не следует добиваться свержения большевистского правительства, а необходимо установить тесные связи с монархистами, чтобы быть подготовленными на будущее. При условии, что последние станут на платформу Брестского мирного договора, им можно оставить надежду на будущее восстановление Великой России» [1, с. 576].

6 июля 1918 года в Москве было совершено убийство посла Германской империи при правительстве РСФСР Вильгельма фон Мирбаха и предпринята попытка начать левозсеровский мятеж. Немецкий историк В. Баумгарт отмечает, что «статс-секретарь Рихард фон Кюльман подстрекателями к убийству видел агентов Антанты» [5, с. 224]. Далее он в телеграмме от 6 июля 1918 года на имя Императора Вильгельма II сообщает, что «Антанта постепенно теряет свои политические надежды в отношении России и по этому рассчитывает на непоправимый разрыв между Германией и Советским правительством из-за данного убийства» [5, с. 224–225].

Жесткое требование немецкого поверенного в делах в Москве Курта Рицлера о допуске в Москву для охраны германской миссии батальона немецких солдат было отвергнуто большевистским руководством. Как следует из «Речи и правительственного заявления В. И. Ленина на засе-

дании ВЦИК» от 15 июля 1918 года, «бесмысленная и преступная авантюра левых эсеров привела нас на волосок от войны» [1, с. 583]. Пропуск в Москву по требованию германского военного руководства батальона солдат может стать «началом оккупации России чужеземными войсками» [1, с. 583].

Ответ на вопрос о том, почему между Россией и Германией не вспыхнул с новой силой военный конфликт, можно найти в любопытном документе. Германский дипломатический представитель в РСФСР Карл Гельферинг в своей записке от 19 августа 1918 года отмечал, что «первый принцип нашей политики на Востоке состоит, как мне кажется, в том, что, пока продолжается война, нужно воспрепятствовать появлению нового Восточного фронта. Сверх того, по моему мнению, следует стремиться к созданию либо сохранению на Востоке необходимых военных гарантий и подготовке почвы для добрых политических и экономических отношений с государством или государственными образованиями, которые возникнут на развалинах старой России» [1, с. 594]. Таким образом, становятся совершенно понятны тактические и стратегические расчеты тогдашнего немецкого руководства, учитывая, что Карл Гельферинг был на тот момент ставленником крупной немецкой финансовой олигархии.

Подписанный 27 августа в Берлине «Русско-германский добавочный договор к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой» состоял из 8 глав и 17 статей [2, с. 437–445]. Кроме этого, данный договор в качестве составных частей включал финансовое и частно-правовое соглашения.

В ст. 1 данного договора устанавливается, что «на всех фронтах, на которых противостоят друг другу русские и германские войска, должны быть немедленно образованы, поскольку это еще не сделано, русско-германские комиссии для установления демаркационных линий» [1, с. 606]. Далее предусматривалось «создание нейтральных зон, вход в которые запрещен чинам обеих армий, за исключением парламентаров» [1, с. 606]. В соответствии со статьей 3 определялся порядок очищения от оккупационных войск территории Беларуси «сообразно с исполнением финансовых обязательств, взятых на себя со стороны России» [1, с. 607].

В ст. 2 «Русско-германского финансового соглашения, служащего дополнением к мирному договору к мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой» от 27 августа 1918 года указывается на то, что «Россия уплатит Германии для вознаграждения потерпевших от русских мероприятий германцев сумму в шесть миллиардов марок, причем приняты во внимание соответственные требования с русской

стороны и засчитана ценность конфискованных после заключения мира германскими военными силами в России запасов» [1, с. 615]. Однако, как отмечает немецкий исследователь Ф. Круммхер, «советско-германский Добавочный договор, подписанный 27 августа 1918 года в Берлине, оставался “мертвой буквой” и никогда не выполнялся» [6, с. 51].

2 сентября 1918 года Добавочный договор и все сопутствующие соглашения были ратифицированы ВЦИК. Серия сокрушительных поражений Германии и капитуляция ее союзников привели к кардинальным изменениям во внутренней и внешней политике Германии.

5 февраля 1919 года между Польшей и Германией было заключено соглашение, в котором оговаривались планы по захвату польскими войсками территории Беларуси, т.е. той территории, которая была занята ранее немецкими войсками. В ст. 1 польские полномочные представители дали свое согласие обеспечить отход германских войск 10-й армии без каких-либо враждебных действий в отношении них [7, с. 106]. В этом документе очень четко просматривается враждебное отношение со стороны Германии к большевистскому движению на территории Беларуси. Как явствует из ст. 7 вышеназванного соглашения, немецкие военные власти обязывались подавлять на территории Беларуси, которую они оставляли, все местное большевистское движение и вообще не допускать и не терпеть никаких большевистских организаций [7, с. 107]. Далее в ст. 11 данного соглашения германским имперским представителем было заявлено, что, допуская на основе данного соглашения польские войска на спорную между Польшей и Литвой территорию (территорию Беларуси. – *Д. М.*), германская империя ни в коей мере не выражает этим своего отношения к вопросу об окончательной принадлежности данной территории. И далее подчеркивалось, что замена здесь войск германских на войска польские проводится лишь в целях защиты страны от большевиков [7, с. 108]. Далее указывалось, что вопрос об окончательной границе между Польшей и Литвой будет решен самими народами, обладающими правом на самоопределение, в данном случае – это дело мирной конференции [7, с. 109].

Как отмечал Ллойд Джордж, уход немецких войск был встречен крестьянами Беларуси с полным удовлетворением, потому что они не питали нежных чувств к тевтонам, которые вмешивались в их дела и указывали им, что делать и что не делать, и занимались реквизированием плодов их труда [8, с. 277].

Как отмечает С. А. Третьяк, Добавочный договор непосредственным образом отразился на ситуации в Беларуси [9, с. 92]. В начале сентября 1918 года германские оккупанты обязались отвести свои войска за Березину, а 16 сентября 1918 года в Вильно было подписано советско-германское соглашение, которое определяло сроки и порядок оставления немцами и территории на запад от Березины. 28 февраля 1919 года

последний германский солдат должен был отойти за российско-германскую границу, определенную Брестским миром. Уже в середине сентября 1918 года германские войска начали эвакуацию Полоцкого уезда. На освобожденной территории под руководством Облисполкомзапа и при участии губернских властей и военного командования создавалась сеть военных советов, военно-революционных комитетов и комитетов бедноты, которые восстанавливали политическую и хозяйственную жизнь на новых началах.

Список использованных источников

1. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: сб. док.: в 2 т. / редкол.: С. Дёрнберг [и др.]. – М.: Политиздат, 1968–1971. – Т. 1: 1917–1918 гг. – 1968. – С. 679–681.
2. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / А. А. Громыко [и др.]. – М.: Госполитиздат: Междунар. отношения, 1959–2000. – Т. 1: 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. / И. Н. Деев [и др.]. – 1957. – С. 11.
3. *Людендорф, Э.* Мои воспоминания о войне. 1914–1918: в 2 т.: пер. с нем. / Э. Людендорф; под ред. А. Свечина. – М.: Высш. воен. редсовет, 1923–1924. – Т. 2. – 1924. – 316 с.
4. *Тихомиров, А. В.* Брестский мир 1918 г. и Беларусь / А. В. Тихомиров // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1999. – № 2. – С. 57–77.
5. *Baumgart, W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges / W. Baumgart. – Wien: Oldenbourg Verlag, 1966. – 462 S.
6. *Krummacher, F.* Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen / F. Krummacher, H. Lange. – München: Bechtle Verlag, 1970. – 564 S.
7. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў: у 3 т. / Пастаян. каміс. Савета Рэсп. Нац. сходу Рэсп. Беларусь па міжнар. справах і нац. бяспецы, М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь. – Мінск: БелНДІАС, 1997–2001. – Т. 1: 1917–1922 гг. – 1997. – 398 с.
8. *Ллойд Джордж, Д.* Правда о мирных договорах: в 2 т.: пер. с англ. / Д. Ллойд Джордж; под ред. В. Г. Трухановского. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – Т. 1. – 1957. – 656 с.
9. *Трацяк, С. А.* Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапад 1917 – студзень 1919 г. / С. А. Трацяк. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 208 с.

(Дата поступления: 22.09.2017).

Паноў Сяргей

ДУА «Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы», Мінск, Беларусь

Ranow Syargey

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

УДК 93/94(476)

СУЧАСНЫ ПАДРУЧНІК ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ XIX СТАГОДДЗЯ ЯК САЦЫЯКУЛЬТУРНЫ ФЕНОМЕН: ДЫДАКТЫЧНАЯ КАНЦЭПЦЫЯ

MODERN HISTORY TEXTBOOK BELARUS XIX CENTURY AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON: DIDACTIC CONCEPT

У артыкуле прапануецца дыдактычная канцэпцыя падручніка гісторыі, які разглядаецца як сацыякультурны феномен. Аўтарам вызначаны падыходы да праектавання зместу гістарычнай адукацыі з улікам фарміравання ў вучняў вопыту эмацыянальна-каштоўнасных адносін да гістарычных падзей Беларусі XIX стагоддзя і іх удзельнікаў. Асаблівая ўвага надаецца фарміраванню ў вучняў гістарычнай памяці і ідэнтычнасці як жыхароў Беларусі і грамадзян Рэспублікі Беларусь.

Ключавыя словы: гістарычная адукацыя; сацыякультурны феномен; гісторыя Беларусі; падручнік гісторыі; эмацыянальна-каштоўнасная сфера развіцця асобы.

The article offers a didactic concept of a history textbook, which is considered as a social and cultural phenomenon. The author defines the approaches to the design of the content of history teaching in view of the formation of the students experience emotional and value attitude to historical events in Belarus XIX century and their participants. The special attention is given to formation at learners of historical memory and identity as inhabitants of of Belarus and citizens of the Republic of Belarus.

Keywords: history education; social and cultural phenomenon; the history of Belarus; history book; emotional and value sphere of personality development.

Падручнік гісторыі як сацыякультурны феномен па сваім функцыянале накіраваны на трансляцыю назапашанага беларускім сацыямам гістарычнага вопыту і нацыянальных культурных каштоўнасцей ва ўмовах грамадства транзітыўнага тыпу, што забяспечвае захаванне традыцыі ў сучаснай гістарычнай адукацыі. Падручнік у рэчышчы дзяржаўнай палітыкі ў галіне адукацыі канцэптuallyна пазіцыяніруецца Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь як аснова школьнага навучання і фактар, які вызначае яго якасць [1, с. 10]. У розных грамадска-палітычных умовах адукацыя выступае як стабілізацыйны фактар паміж новымі

сацыяльнымі ўяўленнямі і ідэаламі папярэдніх пакаленняў, якія ўвасобіліся ў гістарычнай традыцыі [2, с. 64]. Бачанне традыцыі як фактару стабільнасці дазваляе ўлічыць сістэму традыцыйных каштоўнасцей як аснову для фарміравання зместу сучаснай гістарычнай адукацыі. Сярод такіх каштоўнасцей як канцэптаў варта абазначыць сям'ю, сяброўства, каханне, любоў да Радзімы, нацыянальную культуру (пададзены выбарачна ў парадку ранжыравання па выніках маніторынгу Нацыянальным інстытутам адукацыі асабістага развіцця і ўзроўню выхаванасці вучняў 9-х, 11-х класаў) [3, с. 13]. У якасці ідэалаў папярэдніх пакаленняў аўтарам вызначаецца беларуская нацыянальная ідэя. Пераемнасць з яе фарміраваннем дазваляе сучаснаму вучню як прадстаўніку беларускай грамадзянскай нацыі ўявіць сутнасць ідэі дзяржаўнасці Беларусі. Такая ідэя ва ўмовах замацавання дзяржаўнага суверэнітэту Рэспублікі Беларусь павінна стаць базавым канцэптам і пазіцыяніравацца як каштоўнасць у сістэме новых сацыяльных уяўленняў. Палажэнне аб пераемнасці з папярэднімі стадыямі грамадскага развіцця, распрацаванае ўкраінскім доктарам псіхалагічных навук прафесарам С. Д. Максіменка, з'яўляецца адным з атрыбутаў развіцця асобы і дазваляе вучню параўноўваць аргэ-факты мінулага з уласным светапоглядам [4, с. 233].

Падручнік гісторыі як сацыякультурны феномен пры рэалізацыі інавацыйнага кампанента сучаснай гістарычнай адукацыі ў сваім змястоўным кампаненце прадугледжвае прадстаўленне множнасці ўзораў сацыяльных паводзін без жорсткай суднесенасці з якім-небудзь адзіным і загадзя вызначаным, што можа паслужыць адным з атрыбутаў развіцця асобы вучня і фактарам аптымальнага ўваходжання чалавека ў полікультурны свет. Пры гэтым мэтазгодна выкарыстаць ідэю расійскага доктара педагагічных навук прафесара А. В. Хутарскога аб навучанні з выкарыстаннем культурна-гістарычных аналагаў [5, с. 232]. Згаданая вышэй дыдактычная пазіцыя стасуецца з магчымасцю выбудоўвання вучнямі асабістай адукацыйнай траекторыі, арыентаванай на нападзенне аб'ектаў вывучэння ўласным сэнсам і асабістым зместам ва ўмовах, калі культурна-гістарычным аналагам адводзіцца роля «люстэрка». З яго дапамогай вучань параўноўвае свой суб'ектны індывідуальны вопыт і адукацыйны прадукт з існуючымі культурна-гістарычнымі аналагамі, а затым выпрацоўвае як сваё бачанне зместу аб'екта навучання, так і пазнае свае здольнасці [6, с. 8–9]. Варта заўважыць, што ў сучаснай псіхалага-педагагічнай тэорыі (расійскі доктар псіхалагічных навук прафесар Д. І. Фельдштейн) падкрэсліваецца актуальнасць стварэння ўмоў для станаўлення індывіда як культурна-гістарычнага суб'екта, які будзе ўспрымаць гісторыю як сваё мінулае [7, с. 27].

Па сваім мэтавызначэнні гісторыя Беларусі XIX стагоддзя як вучэбны прадмет накіравана на фарміраванне патрыятызму і паспяховую сацыялізацыю асобы пры яе інтэграцыі ў сучаснае сацыякультурнае

асяроддзе з улікам засваення урокаў гістарычнага мінулага, выпрацоўку каштоўнасных арыентацый і пазіцыі асобы на аснове фарміравання калектыўнай гістарычнай памяці і нацыянальнай ідэнтычнасці, звязанай з усведамленнем беларускай нацыянальнай ідэі, пачуцця гонару за дасягненні ўраджэнцаў Беларусі ў галіне навукі і культуры, літаратуры і мастацтва. У такім мэтавызначэнні ўлічана, што існуе дэфіцыт станоўчых прыкладаў – узораў для падабенства, што з'яўляецца галоўным фактарам сучаснай каштоўнаснай эрозіі (расійскі доктар гістарычных навук прафесар В. Э. Багдасаран) [8, с. 95].

Пры стварэнні аўтарскай дыдактычнай канцэпцыі падручніка па гісторыі Беларусі XIX стагоддзя былі ўлічаны тэарэтыка-метадалагічныя аспекты гістарычнай і педагагічнай навук. Тэарэтыка-метадалагічнай асновай канцэпцыі з'яўляецца культуралагічная канцэпцыя зместу адукацыі (І. Я. Лернер, В. В. Краеўскі, М. М. Скаткін) і палажэнне аб гістарычнай адукацыі як сацыяльна-культурным феномене [9, с.145–149]. Псіхалага-педагагічная аснова аўтарскай дыдактычнай канцэпцыі падручніка будзе на канцэпце развіцця асобы і прадугледжвае магчымасць сцвярджэння вучнямі сваіх жыццёвых уражанняў і асабістага вопыту з прапанаванымі ўзорамі сацыяльных паводзін, якія прадстаўлены пры дапамозе мастацкіх вобразаў і выступаюць у якасці культурна-гістарычных аналагаў.

У аспекце бачання гістарычнай адукацыі як сацыякультурнага феномена аўтарам дыдактычнай канцэпцыі падручніка вызначаны прынцыпы канструявання прадметнага зместу.

Прынцып культурна-гістарычнага асяроддзя прадугледжвае трансляцыю і засваенне вучнямі дасягненняў прадстаўнікоў беларускага этнасу ў галіне матэрыяльнай і духоўнай культуры як сацыяльнага вопыту з вызначэннем аб'ектаў сучаснага сацыяльна-культурнага асяроддзя, якія маюць гістарычныя карані, а таксама ідэй (думак) і каштоўнасных арыентацый чалавека ў гісторыі. Згодна з дадзеным прынцыпам пры вывучэнні гістарычных падзей і характарыстыцы іх удзельнікаў найбольш эфектыўным з'яўляецца такое засваенне вучэбнага матэрыялу, пры якім актуалізуецца прадстаўленне аб магчымасці ці неабходнасці выкарыстання набыткаў духоўнай і матэрыяльнай культуры, ідэй, поглядаў, вынаходніцтваў нашых папярэднікаў у жыццядзейнасці сучаснага чалавека. Неабходнымі для засваення вучнямі бачацца менавіта тыя набыткі гістарычных асоб, якімі мы карыстаемся у сучасным культурна-адукацыйным асяроддзі, што будзе спрыяць замацаванню сувязей паміж рознымі пакаленнямі людзей. Напрыклад, магчыма выкарыстаць наступнае патрыятычнае меркаванне заснавальніка «Дэмакратычнага таварыства» Франца Савіча: *«З дзяцінства, колькі сябе памятаю, мае мары былі аб свабодзе, аб Радзіме ... Усе мы іх мець павінны, ведзь атрымалі з малаком маці, ведзь песня, якую пелі ў нашых калысак, так гучала,*

ведзь дзецям старыя пра гэта расказвалі ... Што я магу дзеля Радзімы зрабіць ... Ведаем, што вялізныя будынкi будаваліся з малых цаглiн, няхай жа кожны з нас падрыхтуе сваю цэглу i пакладзе яе на сваё месца ... маючы моцную волю, я магу ... пакласці вышэй адзiн камень на карысьць Радзімы нашай». Вучням прапануецца папрацаваць з гэтым тэкстам па метадзе ключавага слова.

Пры рэалізацыі прынцыпу культурна-гістарычнага асяроддзя таксама актуалізуецца задача фарміравання ў вучняў тэрытарыяльна-культурнай ідэнтычнасці. Тэрытарыяльна-культурная ідэнтычнасць як паняцце ўключае ў сябе перажываемыя і ўсвядомленыя вучнямі сэнсы культурна-геаграфічнай рэальнасці, якія фарміруюць прыналежнасць чалавека да вызначанай тэрытарыяльнай супольнасці як спецыфічнай жыццёвай прасторы. Тэрытарыяльна-культурная ідэнтычнасць таксама звязана з месцам развіцця, дзе адбываецца працэс гістарычнага жыцця чалавечых супольнасцей на вызначанай зямлі. Вучні ва ўзросце 14–15 гадоў пачынаюць ставіць перад сабой пытанне аб сваім месцы ў сучасным сацыякультурным асяроддзі. Таму мэтазгодна прадставіць, як гэта месца ў грамадстве вызначалася тымі, хто жыў ва ўмовах, калі беларускія землі пасля падзелаў Рэчы Паспалітай уваходзілі ў XIX стагоддзі ў склад Расійскай імперыі. Напрыклад, кім сябе адчуваў па прыкмеце тэрытарыяльна-культурнай ідэнтычнасці ўраджэнец Беларусі славуты польскі паэт Адам Міцкевіч? Тут варта нагадаць меркаванне беларускага доктара гістарычных навук прафесара І. А. Марзалюка аб тым, што А. Міцкевіч наш славуты земляк, але не беларус па нацыянальнасці і беларусам сам сябе пры жыцці не лічыў, на краёвым (рэгіянальным) узроўні лічыў сябе літвінам, а на нацыянальным узроўні – палякам, г. зн. грамадзянінам Рэчы Паспалітай [10, с. 77]. Прынцып культурна-гістарычнага асяроддзя можа быць рэалізаваны праз прадстаўленне Адама Міцкевіча як «генія памежжа культур» і матывы роднага краю ў яго творчай спадчыне.

Прынцып культурна-гістарычнага асяроддзя на макраўзроўні, г. зн. на ўзроўні трансляцыі ідэй, магчыма рэалізаваць дзеля змястоўнага напаўнення нацыянальнай самасвядомасці вучняў з дапамогай выкарыстання нацыянальных ідэнтыфікацыйных маркераў. Напрыклад, у якасці культурна-гістарычнага аналага мэтазгодна прадставіць тэарэтычныя погляды студэнтаў – ураджэнцаў Беларусі, якія стварылі ў 1884 годзе ў Пецярбургу групоўку «Гоман». Гоманаўцы першымі заявілі пра існаванне беларускай нацыі і паставілі пытанне пра яе нацыянальную самастойнасць. Яны выступалі супраць існуючых поглядаў на беларускі народ як несамастойны і разглядалі яго «як жывую народнасць, здольную самастойна распараджацца сабой». У сувязі з гэтым заяўлялася аб законных правах беларускага народа на самастойнае і раўнапраўнае становішча ў якасці аўтаноміі ў складзе Расійскай дэмакратычнай рэспублікі. Вар-

та засяродзіць увагу вучняў на тым, што разуменне гоманаўцамі сябе як прадстаўнікоў самастойнага народа і тэарэтычнае абгрунтаванне формы будучай дзяржаўнасці Беларусі сталі сведчаннем афармлення беларускай нацыянальнай ідэі.

Трансляцыя культурна-гістарычнай спадчыны Беларусі на ўзроўні ідэі магчыма праз прадстаўленне пазіцыі Вікенція Канстанціна Каліноўскага як прыхільніка сацыяльнай справядлівасці. Варта выкарыстаць яго апошнія словы ў час прысуду аб тым, што «ў нас няма дваран – усе роўныя!». Агучаная ім ідэя аб узаемаадносінах улады і народа «Не народ для ўрада, а ўрад для народа» актуальная ва ўмовах фарміравання прававой дзяржавы ў Рэспубліцы Беларусь.

Прынцып адзіства выхавання і навучання арыентаваны на фарміраванне калектыўнай і індывідуальнай гістарычнай памяці вучняў. Гістарычную памяць як сацыяльна-педагагічную катэгорыю мэтазгодна разглядаць у сукупнасці тэарэтычнага, факталагічнага і ацэначнага кампанентаў зместу гістарычнай адукацыі, якія прадстаўляюць дыкактычна апрацаваны сацыяльны вопыт папярэдніх пакаленняў. Складнікамі такога вопыту з’яўляюцца як вучэбныя гістарычныя веды, так і спосабы дзейнасці, вопыт творчай дзейнасці і эмацыянальна-каштоўнасных адносін да гістарычнага мінулага і яго ўдзельнікаў, а таксама здольнасць вучняў ганарыцца дасягненнямі сваіх продкаў. Канцэпт гістарычнай памяці як прыміраючай па сваіх функцыях рэалізаваны праз прадстаўленне ў вучэбным матэрыяле падручніка, прысвечаным падзеям Айчынай вайны 1812 года на тэрыторыі Беларусі, разам з асобамі, якія змагаліся на баку Расійскай імперыі, князя Дамініка Радзівіла, які падтрымаў французскі бок, бо Напалеон паабяцаў аднаўленне Рэчы Паспалітай. Другім прыкладам можа стаць патрыятычная пазіцыя расійскага генерала Якава Пятровіча Кульнева. Выяўленне такой пазіцыі вучнямі магчыма правесці пры азнамленні з вытрымкай з гістарычнай мініяцюры В. Пікуля «Жыццё генерала-рыцара» наступнага зместу. «...Блізіўся год 1812 ... “Калі, – гаварыў ён [Кульнеў] у гэтыя дні, – паду ад мяча непрыяцельскага, то паду слаўна, бо лічу для сябе за шчасце кропляй крыві апошняй ахвяраваць абароне Айчыны!” ...з трывогай аглядваючы родныя мясціны, зацягнутыя дымам ад спаленага пороху “...якая туга грызе сэрца. Ведзь гэта мая Радзіма! Непадалёку адсюль ёсць пастаялы двор у Клясціцах, дзе...радзіла мяне матушка...”». Прыкладам можа стаць пазіцыя Міхала Клеафаса Агінскага – аўтара плана аднаўлення аўтаномнага Вялікага Княства Літоўскага пад эгідай Расійскай імперыі напярэдадні вайны 1812 года. У сваёй сядзібе ў вёсцы Залесе на Смаргоншчыне ён стварыў свой знакаміты паланэз ля-мінор, які пазней атрымаў назву «Развітанне з Радзімай». Вучням прапануецца правесці ўмоўнае інтэрв’ю з дадзенай гістарычнай асобай, вызначыўшы матывы напісання паланэза і прычыны надання яму такой назвы.

Прынцып дыскрэтнасці зместу навучання абумоўлівае першпачатковае прадстаўленне вучэбнага матэрыялу, упарадкаванае з пункта гледжання педагагічнай мэтазгоднасці засваення вучнямі найбольш вызначальных падзей і ўчынкаў асоб – ураджэнцаў Беларусі. Так, напрыклад, у кантэксце вышэйзгаданых падзей 1812 года згадваецца ўраджэнец Віцебскай губерні Карл Андрэевіч Шыльдэра, які кіраваў работамі па ўмацаванні Бабруйскай крэпасці, дзе ў час вайны пасля жорсткіх баёў знайшлі прытулак салдаты 2-й расійскай арміі. У наступным Шыльдэр пабудаваў металічную падводную лодку-ракетаносьбіт і атрымаў у гісторыі прызванне «ракетнага генерала». А яго вынаходніцтва выкарыстоўваецца і ў нашы дні пры запуску ракет, калі гучыць каманда «Запальванне».

Прынцып антрапалагізацыі зместу навучання абумоўлівае засваенне вучнямі зместу вучэбнага матэрыялу па алгарытме «чалавек – культура – гісторыя» пры асвятлення паводзін (учынкаў) чалавека (суайчынніка, равесніка) у канкрэтным гістарычным грамадска-палітычным і сацыяльна-культурным асяроддзі з улікам матывацыйнага кампанента гістарычнай асобы. Напрыклад, вучням прапанаецца змадэляваць свае паводзіны ва ўмоўнай гістарычнай сітуацыі, уявіўшы сябе ў ролі салдата-рэкрута з беларускіх губернях у складзе расійскай арміі. У якасці праблемы абазначаюцца адносіны да выканання воінскіх абавязкаў у час ваенных падзей вайны 1812 года на тэрыторыі Беларусі. Другім прыкладам можа стаць выяўленне вучнямі пазіцыі іх равесніка 14-гадовага Адама Міцкевіча наконт верагоднай падтрымкі ваюючых бакоў у вайне 1812 года. Тут актуалізуецца праблема выбару і абгрунтавання яго. Таксама з пункта гледжання трансляцыя традыцыйных каштоўнасцей як культурна-гістарычны аналаг будзе цікавым прыклад юнацкага каханя 19-гадовага Адама Міцкевіча і Марылі Верашчакі, якая была на год маладзейшай за яго. Паэт прысвяціў свайму каханню самыя пяшчотныя лірычныя вершы. Аб ім ён паведаміў у паэме «Дзяды».

Прынцып адзінства змястоўнага і працэсуальнага бакоў навучання прадвызначае рэалізацыю дзейнаснага (кампетэнтнаснага) падыходу да падрыхтоўкі вучняў праз засваенне спосабаў дзейнасці са зместам вучэбнага матэрыялу і магчымых сацыяльных практык, у тым ліку прыёмаў мадэлявання сваіх верагодных паводзін у прапанаваных гістарычных сітуацыях. Такая сітуацыя згадваецца вышэй у прыкладзе з вызначэннем пазіцыі ўраджэнца Беларусі А. Міцкевіча адносна ваюючых бакоў у падзеях вайны 1812 года на тэрыторыі Беларусі.

Прынцып нагляднасці і даступнасці ў навучанні ў адпаведнасці з узроставымі і псіхалагі-педагагічнымі асаблівасцямі вучняў рэалізуецца праз стварэнне візуальных і мастацкіх вобразаў гістарычных падзей і іх удзельнікаў падчас прызнання права вучняў на пэўную суб'ектыўнасць у працэсе першпачатковага засваення зместу вучэбна-

га матэрыялу з далейшай карэляцый з боку настаўніка. У дадзеным выпадку ізноў жа можна спаслацца на вызначэнне вучнямі самасвядомасці маладога А. Міцкевіча. Яго вобраз як своеасаблівае лостэрка дазваляе вучням – амаль аднагодкам маладога паэта – адчуць сваю тэрытарыяльна-культурную ідэнтычнасць праз азнаямленне з твочасцю, жыццёвым лёсам і гісторыяй кахання славутага земляка. Пры гэтым у вучняў актуалізуецца вопыт фарміравання эмацыянальна-каштоўнасных адносін да зместу вывучаемага матэрыялу. У сучасных практыках стварэння зместу вучэбнай літаратуры па гісторыі Беларусі такі вопыт фарміравання пачуццёвых адносін, якія маюць для вучняў характар асобна значымых, амаль не ўлічваецца.

Такім чынам, у сучаснай гістарычнай адукацыі падручнік гісторыі Беларусі XIX стагоддзя як сацыякультурны феномен забяспечвае трансляцыю гістарычнага вопыту на аснове азнаямлення з традыцыйнымі каштоўнасцямі беларускага грамадства і разам з тым спрыяе працэсу ідэнтыфікацыі вучняў як жыхароў Беларусі і грамадзян Рэспублікі Беларусь на аснове пераемнасці з працэсам выспявання беларускай нацыянальнай ідэі, якая пераўтварылася ў сучасных умовах у светапоглядную аснову ідэалогіі беларускай дзяржаўнасці.

У дыдактычнай канцэпцыі падручніка па гісторыі Беларусі ўлічваецца мэтазгоднасць фарміравання ў вучняў гістарычнай памяці праз ідэнтыфікацыю ім сябе як нашчадка той культурна-гістарычнай спадчыны, што пакінулі айчынным дзеячы гісторыі і культуры. У працэсе фарміравання гістарычнай памяці ў вучняў выпрацоўваецца нацыянальная ідэнтычнасць. Яна ўяўляе сабой канкрэтную эмацыянальна-псіхалагічную, палітыка-ідэалагічную і культурную пазіцыю асобы, што праяўляецца ва ўспрыняцці і ідэнтыфікацыі сябе ў навакольным асяроддзі з пункта гледжання прадстаўніка сучаснай беларускай нацыі, якая мае глыбокія гістарычныя карані. Дыдактычная канцэпцыя падручніка прадугледжвае суаднясенне ўзораў гісторыка-культурнай спадчыны і сацыяльных паводзін удзельнікаў падзей з жыццёвым вопытам вучняў, трансфармацыю кагнітыўнага зместу адукацыі ў эмацыянальнае становішча пазнаючага суб'екта.

Асабліваю ўвагу ў сучасным адукацыйным сацыякультурным асяроддзі варта надаць фарміраванню вобразаў гістарычных персанажаў, ацэнцы вынікаў іх дзейнасці, што можа быць звязана з эмпатыяй (суперажываннем) вучняў у працэсе засваення імі як ідэі, так і дасягненняў у галіне культуры. Выкарыстанне менавіта вобразаў як уяўленняў, створаных мастацкімі сродкамі, дазваляе наблізіць гісторыю да ўласнага ўспрымання вучнямі, убачыць пачуцці, матывы паводзін людзей, якія жылі ў мінулым, і, такім чынам, прысвоіць вучэбныя гістарычныя веды ў якасці асобна запатрабаваных і блізкіх да свайго эмацыянальнага стану.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лукашенко, А. «Мы вместе должны сделать белорусскую школу лучшей в мире». Выступление Президента Республики Беларусь на Республиканском педагогическом совете / А. Лукашенко // *Беларуская думка*. – 2017. – № 9. – С. 3–13.
2. Бордовская, Н. В. Педагогика: учеб. пособие / Н. В. Бордовская, А. А. Реан. – СПб.: Питер, 2011. – 304 с.
3. Жоголь-Лабзеева, И. П. Особенности формирования нравственной культуры учащихся / И. П. Жоголь-Лабзеева // *Адукацыя і выхаванне*. – 2016. – № 11. – С. 9–17.
4. Максименко, С. Д. Источники и движущие силы жизненной энергии (нужды) личности / С. Д. Максименко // *Мир психологии*. – 2013. – № 4. – С. 213–224.
5. Хуторской, А. В. Дидактика: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / А. В. Хуторской. – СПб.: Питер, 2017. – 720 с.
6. Король, А. Д. Эвристический практикум по педагогике: учеб.-метод. пособие / А. Д. Король, А. В. Хуторской, Е. И. Белокоз. – Гродно: ГрГУ, 2014. – 193 с.
7. Фельдштейн, Д. И. Взаимосвязь теории и практики в формировании психолого-педагогических оснований организации современного образования / Д. И. Фельдштейн // *Адукацыя і выхаванне*. – 2011. – № 7. – С. 19–29.
8. Багдасарян, В. Э. Проблема методологии формирования школьного учебника истории нового типа / В. Э. Багдасарян // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2013. – Т. 6, № 2(28). – С. 92–104.
9. Теоретические основы содержания общего среднего образования / под ред. В. В. Краевского, И. Я. Лернера. – М.: Педагогика, 1983. – 352 с.
10. Марзалюк, І. А. Фальшывая гісторыя – маці фальшывай палітыкі / І. А. Марзалюк // *Беларуская думка*. – 2010. – № 7. – С. 72–79.

(Дата паступлення: 22.09.2017).

Саракавік Іван

Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь

Sarakavik Ivan

Academy of management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

УДК 34.01(091)

I. M. ДАНИЛОВИЧ – АДЗІН З АКТЫЎНЕЙШЫХ ПАЧЫНАЛЬНІКАЎ АЙЧЫННАЙ НАВУКОВАЙ ЮРЫСПРУДЭНЦЫІ¹

I. M. DANILOVICH IS ONE OF ACTINASE THE PIONEERS OF THE DOMESTIC SCIENCE OF JURISPRUDENCE

Артыкул прысвечаны аднаму з пачынальнікаў юрыдычнай навукі Беларусі першай паловы XIX стагоддзя І. М. Даніловічу. Асабліва ўвага звернута на навуковую дзейнасць выдатнага земляка і яго складаны лёс, а таксама на ўклад у развіццё юрыдычнай навукі Украіны і Расіі.

Ключавыя словы: І. М. Даніловіч; Віленскі ўніверсітэт; Харкаўскі ўніверсітэт; Кіеўскі ўніверсітэт; Маскоўскі ўніверсітэт; юрыспрудэнцыя; крыніцы права; летапісанне.

The article deals with one of the founders of legal Sciences of Belarus in the first half of the XIX century, Special attention is paid to the scientific activity of the outstanding countryman and his difficult life and his contribution to the development of legal science in Ukraine and Russia.

Keywords: I. M. Danilovich; Vilnius, Kharkov, Kiev and Moscow universities; law; sources of law; the Chronicles.

XIX стагоддзе багатае на розныя падзеі і адметных людзей. Гэта адносіцца і да нашай Радзімы, землі якой далі Айчыне і сусвету многіх выдатных асоб. Яны ўзбагацілі не толькі Беларусь, але і многія дзяржавы свету сваімі навуковымі адкрыццямі, паэтычнымі, музыкальнымі творамі, ваенным талентам. Гэта Ігнат Дамейка, Ян Чэрскі, Мікалай Судзілоўскі, Адам Міцкевіч, Міхал Клеафас Агінскі, Міхаіл Глінка, Станіслаў Маюшка, Фёдар Дастаеўскі, Тадэвуш Касцюшка і інш.

Адной з такіх знакамітых постацей з’яўляецца Ігнат Мікалаевіч Даніловіч (1787–1843). Яму прысвечаны асобныя матэрыялы, аднак па

¹ У артыкуле выкарыстаны некаторыя біяграфічныя звесткі з «Энцыклапедыі Брокгауза і Ефрона».

розных прычынах яны не даюць поўнага ўяўлення пра яго жыццё і навуковую дзейнасць.

І. М. Даніловіч – асоба рознабаковая. Для нас ён сумесна з М. Баброўскім вядомы як адзін з пачынальнікаў беларусазнаўства. Для правазнаўцаў – як вядомы юрыст першай паловы XIX стагоддзя. У артыкуле аўтар ставіць задачу паказаць навуковую дзейнасць І. М. Даніловіча, якая аказала істотны ўплыў на развіццё юрыдычнай навукі як Беларусі, так і Украіны, Расіі і Літвы.

Нарадзіўся І. М. Даніловіч 30 ліпеня (10 жніўня) 1787 года ў вёсцы Грынявічы Вялікія Бельскага павета Падляшша (ВКЛ) у сям’і ўніяцкага святара. З-за падзелаў Рэчы Паспалітай Падляшша апынулася ў складзе Прусіі, таму першапачаткова адукацыю юнак атрымоўваў у асноўным на нямецкай мове ў Драгічынскім духоўным вучылішчы, Ломжынскай школе піяраў, Беластоцкай гімназіі. Аднак прускі перыяд жыцця і вучобы працягваўся не так доўга. Па Тыльзіцкім міры 1807 года паміж Аляксандрам I і Напалеонам Беластоцкая акруга была перададзена Расійскай імперыі. Многія выпускнікі Беластоцкай гімназіі, у іх ліку і Даніловіч, паступілі на вучобу ў Віленскі ўніверсітэт на аддзяленне маральных і палітычных навук. Так, за дваццаць гадоў па волі лёсу І. М. Даніловіч зведаў жыццё ў Вялікім Княстве Літоўскім, Прускім каралеўстве і прадоўжыў у Расійскай імперыі. Усё гэта не магло не адбіцца на яго жыцці і навуковай творчасці.

Віленскі ўніверсітэт быў цэнтрам беларускай духоўнасці. І гэта стала магчымым дзякуючы пляядзе студэнтаў і прафесуры, якая сваімі каранямі выйшла з Беластоцкай акругі. Ігнат Анацэвіч (1780–1845), напрыклад, нарадзіўся ў Малой Бераставіцы, Міхайла Баброўскі (1784–1848) – у Вольцы пад Кляшчэлямі, Язэп Ярашэвіч (1793–1860) – у Бельску Падляшскім, Платон Сасноўскі – у Кляшчэлях. Усе яны былі сынамі ўніяцкіх святароў. Таму ва ўніверсітэце іх клеймавалі мянушкай «паповічы», і яны рана зразумелі, што толькі поспехамі ў навуцы змогуць дабіцца прызнання з боку калег і выкладчыкаў. Напружаная праца дала пазітыўныя вынікі. Яны сталі добра вядомымі вучонымі. Даніловіч і Баброўскі атрымалі прафесарскае званне ў 1823 годзе, Сасноўскі, Ярашэвіч і Анацэвіч – у 1827 годзе [1, с. 10–11]. Многія з іх засталіся ў родным універсітэце і выкладалі юрыдычныя прадметы. Заняткі праводзілі такія вядомыя даследчыкі, як прафесары І. М. Даніловіч, І. С. Анацэвіч, Я. Б. Ярашэвіч, а таксама польскі даследчык Іаахім Лялель (1786–1861) і іншыя вучоныя.

Вайна 1812 года ўнесла свае карэктывы ў мірнае жыццё. Даніловіч як вопытны юрыст быў запрошаны на працу сакратара пры французскім кіраўніку Беластоцкага дэпартаменту ВКЛ. З аднаўленнем Віленскага ўніверсітэта ў 1814 годзе яго прымаюць на працу і ён пачынае выкладаць мясцовае (літвінскае) права. Менавіта гады вучобы ва ўніверсітэце

і працы ў ім заклалі асновы будучых фундаментальных навуковых прац І. М. Даніловіч. Гэта быў час не толькі знаёмства з асновамі юрыспрудэнцыі, але і паглыблення іх з улікам навучання і асабліва самастойнай працы над першакрыніцамі. Не будучы раўнадушным да гісторыі роднага краю, Даніловіч асабіста і пры дапамозе студэнтаў змог за невялікі час сабраць багацейшы матэрыял крыніц права, наведваючы культывыя ўстановы родных мясцін, а таксама бібліятэкі і архівы Варшавы, Санкт-Пецярбурга, Масквы і іншых гарадоў Расійскай імперыі. Асабліва значнасць крыніц права была падкрэслена ім у наступных словах: «В истории стократно более заслуживает благодарность тот, кто издает в свет старые акты и Летописи, нежели тот, кто составляет Историю по готовым книгам. Скольких избежали бы ошибок, если б все рукописные Летописи и акты народов были напечатаны; сколько заменили бы они собою ненужных книг, обременяющих письменные столы Ученых» [2, с. 114]. Віленскі перыяд яго жыцця і творчай дзейнасці, а ён быў найбольш плённым, якраз і быў прысвечаны выяўленню, збору, апрацоўцы, друкаванню і тлумачэнню пісьмовых крыніц права.

Разам з карпатлівай працай над крыніцамі права, поспехамі ў выкладчыцкай дзейнасці адбываўся працэс станаўлення Даніловіча як таленавітага вучонага. Таму з 1821 года ён стаў членам «правінцыйнага камітэту» ў Вільні для падрыхтоўкі выпраўленага выдання Статута ВКЛ, а з 1822 года – членам прафесарскай камісіі для падрыхтоўкі новага рускага перакладу Статута. Але гэтая справа не была даведзена да канца. Праца ва ўніверсітэце працягвалася не доўга. Улада раскрыла дзейнасць тайных студэнцкіх таварыстваў «філаматаў» і «філарэтаў», у якія былі ўцягнуты і некаторыя выкладчыкі. Больш таго, трэцяя частка студэнтаў удзельнічала ў паўстанні 1830–1831 гадоў. Таму Мікалай I у 1832 годзе закрыў Віленскі ўніверсітэт [3, с. 165]. Даніловіч, у ліку іншай часткі прафесуры, быў зволены, і яму было забаронена працаваць у так званых «присоединенных территориях».

Улічваючы высокі педагогічны і навуковы прафесіяналізм, у 1825 годзе ён быў прызначаны прафесарам расійскага і мясцовага права Харкаўскага ўніверсітэта. З гэтага часу і да 1829 года працягваўся Харкаўскі перыяд Даніловіча. На яго прыходзіцца выданне яго вядомых цяпер фундаментальных прац, над якімі ён працаваў у Віленскім універсітэце: «Statut Kazimierza IV, pomnik z XV wieku uchwał litewskich» (Wilno, 1826), а таксама «Lapisiec Litwy i Kronika ruska» (Wilno, 1827). Першы акт быў знойдзены ім у бібліятэцы графа М. П. Румянцава (1754–1826). Рукапісны тэкст не быў падзелены на артыкулы. Але пры публікацыі на рускай мове вядомы ўкраінскі даследчык прафесар М. Ф. Уладзімірскі-Буданаў (1838–1916) назваў гэтую крыніцу «Судзібнік Казіміра 1468 года» і падзяліў яе на 25 артыкулаў. Значымасць для навукі дадзенага акта заключаецца ў тым, што ён стаў

першай спробай сістэматызацыі нормаў права ў ВКЛ, паказвае эвалюцыю ў развіцці пісьмовага права ў нашай Айчыне.

Другая крыніца права была знойдзена Даніловічам на Беласточчыне ў бібліятэцы Супрасльскага манастыра. Даніловіч пранумараваў 341 старонку летапісу і перапісаў для сябе. У ёй маюцца наступныя выдзяленні: «Избрание летописания изложено в кратце; летописень Великих Князей Литовских; дела Подолья; рассуждение о правосудии, и перевод русского Статута Казимира Великого 1447 года; рукопись Патерика» [2, с. 101, 102].

Першыя тры летапісы пад назвай «Opisanie bibliograficzne dotąd wiadomych rękopismow i drukowanych exemplarzow Statutu Litewskiego» Даніловіч надрукаваў асобна ў «Dziennik Wilenski» ў 1823 годзе. Але пасля яго ад'езду ў Харкаў яе перадрукаваў, як адзначае сам Ігнат Мікалаевіч, Г. Антон Марціноўскі ў Вільна (1827) пад назвай «Летописец Литвы и Хроника Русская, стараниями и трудами Игнатия Даниловича» (гл. [2, с. 103]).

Пасля Харкаўскага ўніверсітэта лёс Даніловіча змяніўся. З 1830 па 1835 год па запрашэнні кіраўніка II аддзялення Уласнай Яго Імператарскай Вялікасці канцэлярыі графа М. М. Спяранскага (1772–1839), які займаўся кадыфікацыяй законаў Расійскай імперыі, наш зямляк стаў працаваць у Пецярбургу як выдатнейшы знаўца летапісаў і заканадаўства ВКЛ. На яго была ўскладзена задача па складанні законаў, дзеючых у «присоединенных от Польши губерниях», для Поўнага збору законаў імперыі. Даніловіч падзяліў іх на тры часткі: першая была прысвечана прававому становішчу асобных сацыяльных катэгорый насельніцтва – шляхты, духавенства, сялян і мяшчан, другая – прававым праблемам шлюбна-сямейнага і цывільнага права, трэцяя – судовому ладу і судаўладству па некаторых катэгорыях цывільных спраў. Дапрацаваны ў «патрэбным» кірунку чыноўнікамі II аддзялення, збор законаў быў надрукаваны ў 1836 годзе, а ў 1910 годзе перадрукаваны, але не атрымаў сілу закона 3-за адмены мясцовага права ўказам Мікалая I ад 25 чэрвеня 1840 года.

З 1835 года лёс звязвае Даніловіча з Кіеўскім імператарскім ўніверсітэтам Святога Уладзіміра. Ён быў прызначаны прафесарам крымінальнага права, а таксама стаў першым дэканам юрыдычнага факультэта ўніверсітэта, чытаў лекцыі па мясцоваму праву і шмат часу аддаваў даследаванню гісторыі крыніц права ВКЛ. На кіеўскі перыяд прыходзіцца яго праца «Обозрение исторических сведений о состоянии свода местных законов западных губерний» і дзве манаграфіі: «Гістарычны агляд Літоўскага заканадаўства» (1837), у якой прааналізаваў гісторыю развіцця права ў ВКЛ, першым з даследчыкаў высветліў яго крыніцы, іх сувязь са старажытнаславянскім і заходнееўрапейскім заканадаўствам, падкрэсліў самабытны характар літоўска-беларускага права, і «О Литовском Статуте» (1838), якой мы карыстаемся і цяпер. У ёй аўтар спыняецца на ўсіх трох Статутах, падкрэсліваючы станоўчую тэндэнцыю ў развіцці

норматворчасці ў ВКЛ, надае належнае працам Т. Чацкага і С. Б. Ліндэ аб Літоўскім статуце на рускай мове. Асабліва салідарны з працай Ліндэ «Аб Літоўскім Статуце, выдадзеным і апублікаваным на рускай мове» (1816), у якой аўтар параўноўвае Статут на рускай мове з польскімі перакладамі, адзначае ў іх нават самыя дробныя, наўмысныя ці ненаўмысныя памылкі, якія давалі іншы сэнс закону. Даніловіч лічыць, што «Статут был с умыслом переведен превратно». І тлумачыць, чаму: «Так как русский подлинник оного писан более в духе монархическом, от чего и не мог быть приноровлен к республиканскому правлению Польши: посему-то на Короне, как называли поляки, Статут и не действовал, а там, где он имел законную силу, как то в Литве, на Волыни, в Белоруссии и Малороссии, польские законоведцы употребляли превратный перевод, по собственным видам» [4, с. 377]. Тут сустракаем выраз «Белоруссия» з вялікай літары, хоць, як вядома, Расія не прадставіла Беларусі нават тэрытарыяльна-культурнай аўтаноміі. Далей аўтар адзначае, што I Статут стаў выкарыстоўвацца ў Маларасіі. Таму, на яго погляд, «Статут, в коем многие постановления заимствованы из Русского быта, первоначально был составлен для Малороссийского края, сохранившего, некоторым образом, и в самом Законодательстве Отечественный дух и Русскую самостоятельность». У 1522 годзе кароль Жыгімонт I распаўсюдзіў гэтыя пісьмовыя ўзаконенні, якія набылі сілу ў 1529 годзе, на ўсю Літву [4, с. 378].

Закранае ён і пытанне наконт усіх статутаў. Па тым часе ды нават і пазней некаторыя даследчыкі лічылі, што Літоўскія статуты – гэта тры рэдакцыі аднаго Статута. Дакладнага свайго стаўлення да гэтага ён не вызначае, але з працы бачна, што гэта тры асобныя Статуты, якія, безумоўна, маюць пераемнасць у законапалажэннях: наступны ўбіраў усё тое лепшае, што мелася ў папярэднім. Згодна з ім Статут Жыгімонта I быў двойчы выпраўлены і дапоўнены: першы раз на Бельскім сойме 1564 года, другі – на Варшаўскім сойме 1566 года. Менавіта рэдакцыя апошняга зацверджана Жыгімонтам-Аўгустам для Валыні і Падолля і вядомая пад назвай Валынскага статута, ці Статута Жыгімонта-Аўгуста, а па часе прыняцця – II Статутам. У сваю чаргу Валынскі статут быў таксама дапоўнены і ўжо ў 1588 годзе канчаткова зацверджаны [4, с. 380, 381]. Такі ход яго разважанняў. Правамерная і яго заўвага аб тым, што «после 1588 года польским правительством не давалось позволение на печатание Статута по-русски», таму што яно мела «целью сделать польский язык в судопроизводстве повсеместным» [4, с. 383].

Аднак затрымацца ў Кіеве доўга не прыйшлося з-за хваляванняў. І. М. Даніловіч лічыўся ўладаю палякам, а да палякаў быў палітычны недавер, таму ў 1839 годзе ён быў пераведзены ў Маскоўскі ўніверсітэт на кафедру законаў добраўпарадкавання і добрапрыстойнасці, на якой чытаў лекцыі па мясцоваму праву заходніх губерняў. Яго працы гэтага часу «Аб літоўскіх летапісах» (1840) і «Паведамленне пра сапраўдных літоўскіх

летапісцаў» (1841) далі пачатак навуковага даследавання беларуска-літоўскага летапісання і пераканаўча даказвалі, што беларусы і літоўцы ўжо ў XIV стагоддзі мелі сваё летапісанне. Тым больш, што ў адным з летапісаў сказана, што ён, гэты летапіс, ёсць змяншэнне ранейшых. Значыць, былі і да 1394 года. Таму аўтар не пагаджаецца з думкай нямецкага гісторыка Аўгуста Людвіка Шлёцера, што «нет и не было летописей старше XV или XVI века» [2, с. 106].

У першай працы Даніловіч аргументавана разбірае летапісы, якімі карыстаўся пры напісанні свайго твора польскі даследчык М. Стрыйкоўскі: першы напісаны не раней за 1413 год. Другі Стрыйкоўскі атрымаў у Вялікай Бераставіцы ад князёў Заслаўскіх. На думку Даніловіча, другі летапіс і ёсць летапіс Быхаўца, адкрыты Г. Нарбутам. Затым чарга даходзіць да двух летапісаў Хадкевічаў. І тут аўтар больш падрабязна спыняецца на пытанні бацькоўства першага вялікага князя літоўскага Міндоўга. Абураецца тым, што Стрыйкоўскі знайшоў у іх Рынгольда, бацьку Міндоўга, але «не привел ни одного более достоверного о нем свидетелства; от чего и самое существование этого мнимого отца Миндовга становится довольно сомнительным». Тлумачыць сваю пазіцыю тым, што і Вальнскі, і вядомыя рускія летапісы маўчаць пра гэта. Толькі Ніканаўскі летапіс сведчыць, што бацькам Міндоўга быў Маўкоўда, а не Рынгольд, як у Стрыйкоўскага. Але паколькі летапіс «написан во времена Сигизмунда I, то свидетелство ее о языческом крещении Миндовга, должно признать сомнительным» [2, с. 81, 87, 89, 90, 99]. Пры гэтым праяўляецца яго навуковая карэктнасць: «Если Рингольд в звании Миндовгова отца находится в других источниках, то я охотно откажусь от моего пирронизма. Будучи убежден, что сомнения в каком-либо предмете, всегда ведут к открытию истины, с этою единственно целью я помещаю здесь вопросы мои о Рингольде» [1, с. 100].

У 1841 годзе Даніловіч выдаў ёмкую працу «Взгляд на Литовское законодательство и Литовские статуты», у якой падсумаваў раней здзейсненае і выказаў шэраг новых палажэнняў, што садзейнічала лепшаму разуменню развіцця права ў ВКЛ. Ён лічыў, што да прыняцця Ягайлам хрысціянства і ўзвядзення яго на польскі прастол не было і нават не магло быць у Літве пісьмовых законаў. І звязана гэта з тым, што Літва вядома не раней пачатку XI стагоддзя і была раздроблена да XIII стагоддзя на мноства дробных, незалежных частак, як Русь і Польшча ў той час. Яны кіраваліся ўдзельнымі князямі па іх волі і меркаванні без усялякіх законаў [5, с. 1].

Згодна з І. М. Даніловічам, роля права ўзрастае пры Гедыміне, які «хотел основать Литовско-Русское самодержавное государство». Менавіта ён стаў называць сябе ў граматах да папскага двара «королем Литовских и многих Русских земель». Праводзячы ўзвешаную знешнюю палітыку, ён змог дабіцца ў цэлым добрых адносін з суседзямі.

Менавіта пры ім практычна ўсе этнічна айчынныя землі далучыліся да ВКЛ. Тэрыторыя дзяржавы павялічылася ў некалькі разоў. «Не довольно крепкое соединение этих княжеств, – признае Даніловіч, – он поддерживал мерами правосудия и справедливости. При нем язык русский сделался языком Двора и дипломатии». Далей аўтар тлумачыць, чаму пры Гедыміне не магло быць агульнадзяржаўнага заканадаўства: «Но как князья литовские и русские держались каждый обычаяв, преданий и законов предков, то потому Гедемин не мог дать для всей Литвы одного общего законодательства» [5, с. 4]. Вядома, што нормы звычайнага права выкарыстоўваліся нават у I і III Статутах ВКЛ. У час кіравання Гедыміна не магло быць агульнага заканадаўства і таму, што княства ахоплівала не толькі землі Літвы, але і айчынныя, мела добрыя зносіны з Польшчай і ўсходнімі славянскімі княствамі, а межаў паміж імі ў сучасным разуменні не існавала. Таму на тэрыторыі ВКЛ «при развитии и борьбе различных законоположений: литовских, русских и польских, – адзначае Даніловіч, – не было возможности помыслить о составлении стройного свода законов» [5, с. 5].

Характэрна, што ў 1323 годзе Гедымін дараваў Вільні нямецкія законы, аднак па тым часе яны не змаглі ўкараніцца: эліта і насельніцтва горада не былі падрыхтаваныя да іх правапрымянення. Пры Альгердзе тэрыторыя ВКЛ яшчэ больш павялічылася і практычна распасціралася ад Балтыйскага да Чорнага мора, была складзена з розных этнічных, сацыяльна-эканамічных і адміністрацыйна-тэрытарыяльных частак, звязаных адзінай уладай. Пры такім становішчы «и подумать даже не было возможно о единообразном, стройном и прочном законодательстве». Таму «каждая страна управлялась собственными обычаями» [5, с. 7]. Становішча з развіццём норматворчасці пачынае мяняцца пры Ягайле, вялікім князі Літоўскім і каралі Польскім, пасля заключэння Крэўскай уніі. Гэта дало магчымасць Даніловічу заключыць, што пры ім і яго пераемніках «действовали законоположения литовские, польские и русские» [5, с. 8].

Заслуга Даніловіча перад айчыннай гісторыка-прававой навукай заключаецца і ў тым, што ён першым даў класіфікацыю нарматыўным прававым актам ВКЛ, падзяліўшы іх на агульнадзяржаўныя («целому государству Литовскому»), абласныя, гарадскія, а таксама для духавенства і па «отдельным предметам и надобностям» (гл. [5, с. 9–12]). Да першых ён адносіў тыя, што выдаваліся пры ўзвядзенні новага князя на літоўскі трон, пачынаючы ад прывілея Ягайлы ад 20 лютага 1387 года і завяршаючы прывілеем Жыгімонта II ад 8 снежня 1506 года. Як прыклад абласных прывілеяў, прыводзіў іх да Жамойціі (Самагіціі), Драгічанскай і Віцебскай зямель. Прыкладам надання гарадам Магдэбургскага права сталі Вільня, Полацк, Менск, Віцебск, Смаленск, Кіеў. Развіццём заканадаўства дзяржавы Даніловіч вызначае і па нарматыўных актах, якія выдаваліся для духавенства, і па розных галінах права.

Даследуемыя акты дазволілі нашаму земляку падсумаваць, што на працягу аднаго стагоддзя краіна «успела ознакоміцца с польскімі ўстановамі і обычаямі, испытала іх превосходство і неудобства в исполнении, позаимствовала все хорошее, развила собственные и русские обычаи». На гэтай аснове Жыгімонт I вырашыў «привести литовские законы и обычаи в одну целость стройного свода или Статута» (выдзелена намі. – *І. С.*) [5, с. 12]. Выдзелены тэрмін «свод» не выпадковы, паколькі ў навуковай літаратуры доўгі час была спрэчка вучоных наконт класіфікацыі статутаў: гэта закон, канстытуцыя, кодэкс ці нейкі іншы нарматыўны від. У канчатковым выніку ў канцы ХХ стагоддзя прыйшлі да заключэння на аснове падсумаванняў пачынальніка гісторыі дзяржавы і права Беларусі І. А. Юхо, што Статут – гэта звод законаў. Аднак першым гэта вызначыў Даніловіч.

Аўтар упершыню даў агульную ацэнку Статуту 1529 года як ключна важнага помніка права, у якім, як у люстэрку, адлюстравалася эпоха і гісторыя народа. Для яго падрыхтоўкі каралём была зацверджана камісія з вучоных, духоўных і свецкіх. Ён першы адзначыў, што гэты акт напісаны на «простонародном литовско-русском наречии» [5, с. 16, 34]. Даніловіч спыняецца на II і III Статутах, упершыню дае склад статутавай камісіі па падрыхтоўцы Статута 1588 года. Аднак ён не пагаджаецца з Т. Чацкім наконт удзелу каронных заканадаўцаў у гэтай справе. Не згодзен ён з ім і ў тым, што рэдактарам III Статута быў Леў Сапега. На думку Даніловіча, Сапега «был только главным блюстителем, написал предисловия и подносил Статут Королю на утверждение». Затым Статут быў прадстаўлены Варшаўскаму сойму 1588 года і зацверджаны Жыгімонтам III. Па даручэнні Л. Сапегі і за яго кошт Статут быў надрукаваны ў тыпаграфіі Мамонічаў.

Заслугоўвае ўвагі разважанне Даніловіча наконт дасканаласці і недасканаласці заканадаўства. Статут прадстаўляўся яго сучаснікам больш чым здавальняючым заканадаўствам, прыстасаваным да патрэб часу, да становішча свайго краю. Ён увабраў у сябе ўсе тагачасныя імкненні, стаў яскравым адлюстраваннем свайго часу і народа. Тым больш, што заканадаўцы рыхтавалі яго для дзяржавы беднай, з недастатковымі фінансава-матэрыяльнымі сродкамі, са слаба развітымі гандлем, рамеснай вытворчасцю, без руднікоў золата, серабра, солі, іншых карысных выкапняў; для дзяржавы, якая была акружана злейшымі ворагамі; для дзяржавы з суровым кліматам і беднымі глебамі. Менавіта з землеўласнікаў фарміраваліся і абаронцы Айчыны, і дзяржаўныя, і судовыя, і паліцэйскія чыноўнікі без грашовай дапамогі. Падаткі доўгі час збіраліся зярном і толькі пазней з'явіліся нязначныя грашовыя зборы. Таму патрэбна было ўсяліць у жыхароў прывязанасць да зямлі, а разам з гэтым і зацвердзіць любоў да Айчыны, апорай якой было адно шляхецтва. Дзеля гэтага ёй прадстаўлялася поўная, ўсеабдымная, неабмежаваная

і неад’емная ўласнасць; свабода распараджацца сваёй вотчынай, адчу- жаць яе, аддаваць, дараваль, мяняць, прадаваць поўнасю ці па частках, па ўласным жаданні і меркаванні (арт. 1 раздз. VII).

Даніловіч разглядае асобныя нормы цывільнага, абавязцельна- га, спадчыннага, шлюбна-сямейнага і іншых галін права, а таксама су- даўладкавання і судавытворчасці, якія закладзены ў Статуце 1588 года. Адначасова аналізуе ўплыў рымскага, кананічнага права на літоўскае заканадаўства і ў той жа час адзначае: в «Статуце Литовском находит- ся много Славянского и истинно Русского», хоць ён і не вызначыў, «что именно и в какой мере», прадставіўшы гэта права знатакам рускага права [5, с. 39, 41–42, 46]. Характэрна, што многія палажэнні аўтара былі паз- ней падтрыманы і развіты некаторымі расійскімі даследчыкамі, асабліва вядомым рускім вучоным па гісторыі дзяржавы і права ВКЛ прафесарам, акадэмікам Іванам Іванавічам Лапо (1869–1944).

Даніловічам сумесна з князем М. А. Абаленскім была выдадзена «Книга дипломатические сношения Литвы в государственование Сигизмун- да-Августа (с 1545 по 1572 год)» (т. 1, 1845) [6]. У «Скарбніцы грамат» (т. 1–2, 1860–1862), выдадзенай у Вільна пасля яго смерці, у знак заслуг пер- рад Айчынай Даніловіч апісаў, пераказаў змест і часткова апублікаваў каля 2500 розных пісьмовых крыніц ВКЛ. На думку В. Чамярыцкага, ён марыў пра адраджэнне літоўска-беларускай дзяржавы і мовы Статутаў [7, с. 576].

Аднак доўга папрацаваць у Маскве яму не давалася. Палітычны недавер, частая змена месцаў працы, уваходжанне ў новыя навуковыя і прафесарска-выкладчыцкія калектывы, пастаянная актыўная навуковая і педагагічная дзейнасць паўплывалі на здароўе І. М. Даніловіча, і 30 чэр- венья (12 ліпеня) 1843 года яго не стала. Памёр у Графенбергу (цяпер Есенік) у Чэхіі.

Адметную характарыстыку даў Даніловічу М. Ф. Уладзімірскі- Буданаў (1838–1916): ён быў патрыётам ВКЛ і «жадаў бы аднавіць да жыцця мову Статута 1588 года. З гэтага пункта гледжання Масква і Польшча былі для яго аднолькава чужыя і аднолькава блізкія як нацыі, што жылі па-суседству, і роднасныя. То быў рамантык чыстай вады; тагачасны агульнаеўрапейскі гістарычны рамантызм ён перавёў у жыццё асабістае» [8, с. 166]. І. І. Лапо лічыў нашага земляка «...лучшего для своего време- ни знатока литовского права» [9, с. 510]. Высока цаніў яго і наш зямляк, прафесар Пецябургскай духоўнай акадэміі М. В. Каяловіч (1828–1891) (гл.: [10, с. 16–17]).

Глыбока пасаджаныя І. М. Даніловічам зярняты па збіранні, апра- цоўцы, тлумачэнні і даследаванні айчынных крыніц права далі выдат- ныя ўсходы. Яго працу ў XX стагоддзі прадоўжыў вядомы беларускі да- следчык прафесар М. М. Улашччык (1906–1986), а затым В. А. Чамярыцкі (1936). Так што справа І. М. Даніловіча жыве і сёння.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Латышонак, А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі / А. Латышонак // Спадчына. – 1992. – № 1. – С. 10–11.
2. Данилович, И. Н. О Литовских Летописях / И. Н. Данилович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1840. – № 11. – С. 70–114.
3. Беларусь: энцыклапедычны даведнік. – Мінск: БелЭн, 1995. – 800 с.
4. Данилович, И. Н. О Литовском Статуте / И. Н. Данилович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1838. – № 1–3. – С. 374–388.
5. Данилович, И. Н. Взгляд на литовское законодательство и литовские Статуты / И. Н. Данилович // Юридические записки, издаваемые П. Редкиным. – М.: Университет. тип., 1841. – С. 1–46.
6. Данилович, И. Н. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год) / И. Н. Данилович, М. Оболенский. – М.: Университет. тип., 1845. – Т. 1. – 480 с.
7. Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск: БелЭн, 2005. – Т. 1. – 684 с.
8. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета Св. Владимира. – Киев, 1884. – С. 166.
9. Лапо, И. И. Литовский Статут 1588 года. Т. 1. Исследование. Ч. 1 / И. И. Лапо. – Ковно: SPINDULIO, 1934. – С. X, 473.
10. Коялович, М. Чтение по истории Западной России / М. Коялович. – М.: Истоки, 1884. – 256 с.

(Дата паступлення: 22.08.2017).

Хадасевич Анна

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Hadasevich Anna

Belarusian State University, Minsk, Belarus

УДК 94(476/438:281.93)«1918/39»

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

TO THE QUESTION OF THE POSITION OF THE ORTHODOX CHURCH IN WESTERN BELARUS IN THE 1920–1930TH YEARS

Правящие круги Второй Речи Посполитой в 1920–1930-е годы видели в православной церкви инструмент для ассимиляции и интеграции местного населения Западной Беларуси с этнически польским. Юридическое положение православной церкви в Польше не было регламентировано государственным законом.

Правительство предприняло шаги по созданию автокефальной православной церкви в Польше. В автокефалии они видели механизм сближения римско-католической и православной церквей и осуществления политики полонизации.

Ключевые слова: православная церковь Западной Беларуси; автокефальная православная церковь Польши; политика полонизации; национальные меньшинства.

The governing bodies of the Polish state in 1920-1930 years viewed Orthodox Church as the assimilation and integration tool of local population of Western Belarus with Polish. The legal status of the Orthodox Church in Poland was not regulated by the state law. The government took actions to establish Autocephalous Orthodox Church in Poland. They viewed autocephaly as an alignment tool between the Romano-Catholic and the Orthodox Church and polonization policy making process.

Keywords: Orthodox Church of Western Belarus; Autocephalous Orthodox Church of Poland; polonization politics; national minorities

После включения Западной Беларуси в состав II Речи Посполитой Русская православная церковь (РПЦ) на этих землях утратила свое главенство. На присоединенных землях, а также в городах Польши проживало до пяти миллионов коренного православного населения [1, с. 132]. Таким образом, одну треть населения составляли национальные меньшинства: русские, белорусы, украинцы, немцы, евреи, литовцы, татары. По программе польского правительства белорусы являлись объектом полонизации, а Западную Беларусь называли «Крэсами Выходными», т. е. восточными окраинами Польши. Государственная система Польской республики была построена на демократических началах западноевропейского образца. Польская Конституция и условия Рижского мира гарантировали полную свободу всем гражданам своего государства без различия их национальности и вероисповедания. В реальности это выглядело несколько иначе.

Это было связано с тем, что в Польше в межвоенный период доминировала концепция национальных демократов, по которой Римско-католическая церковь выступала средством сплочения общества. Была взята модель национально-государственного строительства, где главную роль играла религия, которую власти тесно связывали с патриотизмом. Согласно этому плану, национальные меньшинства попадали под культурную и религиозную ассимиляцию.

Польское правительство опасалось того, что большевики, подчинив себе православную церковь в СССР и используя то, что православная церковь Польши находится в юрисдикции РПЦ, будут пытаться повлиять на церковь и население Западной Беларуси, дестабилизировать положение в этом регионе. Правящие круги видели в православной церкви инструмент для ассимиляции и дальнейшей интеграции мест-

ного населения с этнично польским. Помимо этого, власти усматривали угрозу в местном духовенстве, которое, по их мнению, продолжало русификацию.

Следует отметить, что на тот момент православная церковь Западной Беларуси не имела своего духовного лидера, и духовенство не знало, кого почитать в церковных богослужениях, поэтому оно чувствовало некоторую зависимость от РПЦ, но из-за событий, происходивших на тот момент в Советском Союзе, православная церковь Западной Беларуси не налаживала никаких контактов. Юридическое положение православной церкви в Польской республике не было регламентировано государственным законом.

Пользуясь этим моментом, правительство польского государства начало деятельность в разрешении конфессионального вопроса. Планировалось создание автокефалии Польской православной церкви. В автокефалии они видели механизм дальнейшего сближения Римско-католической и православных церквей.

Первые шаги относительно организационного порядка Польской православной церкви были приняты на Московском Соборе в 1917–1918 годах. Собор разработал основания для формирования Варшавской епархии и назначил ее руководителем архиепископа Серафима (Чичагова). Но польские власти отклонили кандидатуру епископа, так как он не имел польского гражданства, а представители польского правительства не участвовали в заседании Собора [6, с. 79].

В Варшаве 14–15 июня 1922 года был созван Собор с участием всех признанных государством епископов, на котором приняли следующие решения:

«1. В связи с приостановкой законной церковной власти в Москве, по всем делам, которые касаются православной церкви в Польше, решать будет на месте Собор епископов. Текущие дела будут решаться малым Собором епископов или Синодом епископов.

2. Собор епископов постановляет не принимать никаких распоряжений от созданного в Москве неканонического церковного управления.

3. Собор епископов, имея в виду хаос, который царит в Русской православной церкви, не видит препятствий против установления автокефалии православной церкви в Польше и готов в своей работе руководствоваться принципами автокефалии, и сотрудничать с польским правительством на основе Конституции» [7, с. 33].

Решение о провозглашении автокефалии Польской православной церкви неоднозначно было воспринято на территории Западной Беларуси. 30 июня 1922 года по инициативе архиепископа Елевферия Богоявленского в Вильно состоялся Епархиальный съезд представителей духовенства и мирян. Его участники осудили провозглашение автокефалии: «Ад імя ўсёй паствы..., пакуль гэтае пытанне не будзе выраша-

на кананічным шляхам, лічыць сябе непадзельнай часткай той Царквы, да якой яна належала да гэтага часу, што ў гэты момант, калі Свяцейшы Патрыярх знаходзіцца ў зняволенні, яна адчувае асабліва цесную сувязь з ім; што яна глыбока смуткуе аб тых, хто аддзяляецца, і ўмяляе іх у імя Хрыста не рабіць гэтага кроку такім шляхам, а для вырашэння гэтага пытання, як і іншых спраў, звязаных з ладам царкоўнага кіравання ў Польшчы, склікаць поўны царкоўны Абласны Сабор, які б адпавядаў канонам і практыцы Усерасійскай Царквы, і складаўся з прадстаўнікоў кліру і міран» [5, с. 114–115].

Епархиальный съезд Гродненской епархии осудил автокефалию и высказал желание находиться в единстве с РПЦ. Съезд духовенства против автокефалии православной церкви в Польше прошел в Кобринском повете. Священники высказались за необходимость получения согласия Патриарха Тихона на провозглашение церковной независимости. За непризнание автокефалии был лишен сана протоиерей Лука Голод в Гродно, лишен кафедры, а затем арестован епископ Елевферий, был обвинен в антигосударственной и антицерковной деятельности епископ Владимир, а позже выслан за границу. Непризнанный властями епископ Сергей был выслан в Чехословакию.

Против автокефалии православной церкви Польши выступала и Русская православная церковь за границей с центром в Сремских Карловцах в Югославии. 20 августа 1922 года Собор, состоящий из 12 епископов в эмиграции, принял постановление, в котором подчеркивал оглашение автокефалии безосновательной и неканонической. Митрополит Антоний потребовал от митрополита Георгия объяснения о способе провозглашения церковной независимости в польском государстве, на что получил ответ, что польская церковь не считает Собор в Сремских Карловцах за власть и поэтому не обязан ничего объяснять.

Первым документом, который регулировал юридическое положение православной церкви в Польше, были «Временные правила об отношении правительства к Православной Церкви в Польше». 16 января присягу об их признании принес митрополит Георгий, а 30 января они были утверждены министром по делам религии и народного просвещения А. Паниковским.

«Временные правила» регулировали юридические и организационные вопросы православной церкви: правовое представительство церкви, компетенцию митрополита, епископов и канонических институтов, языковые вопросы в церкви, организацию православных духовных консисторий, съездов всех уровней, а также дела территориального раздела отдельных епархий. Этот акт признавал конституционное положение православной церкви в Польше, функционирование православных церковных братств, материальное обеспечение и образование духовенства. «Временные правила...» позволяли правительству полностью контро-

ликовать церковь, а духовенство должно было сохранять лояльность и подчиняться государственным властям. Следует отметить, что церковь не полностью подчинялась государству и имелись вопросы, которые не были документально определены, например, такие как статус юридического лица, церковной собственности, количество приходов, объем дотаций духовенству. Их решение правительство откладывало на неопределённое время. Эти «Временные правила» нисколько не служили для пользы православной церкви, но давали большие возможности польским властям вмешиваться в церковные дела православных.

Белорусские, украинские и русские политические круги были недовольны введением «Временных правил», считая это нарушением Конституции и канонов церкви. Послы Сейма от национальных меньшинств выступали за их отмену, а также за создание закона о правовом положении церкви, за созыв Собора с участием светских лиц, на котором планировалось определить будущий строй церкви, и обратились к властям с просьбой не вмешиваться во внутренние дела церкви, а также прекратить репрессии в отношении духовенства [7, с. 48].

Синод епископов 4 июля 1923 года в связи с недостатками «Временных правил» и сложностями, связанными с их осуществлением, порекомендовал епископам провести собрания благочинных и епархиальные съезды с целью внесения поправок в их содержание с последующим направлением в правительство.

Правительство стремилось приспособить территориальную структуру церкви к границам государства и его административного деления. Границы приходов должны были совпадать с территорией гмин и обязательно с границами поветов. В 1922 году была проведена церковно-административная реорганизация, в ходе которой на территории Западной Беларуси были созданы епархии: Полесско-Пинская, Гродненско-Новогрудская и Виленско-Лидская. В межвоенной Польше органом, занимавшимся управлением епархий, являлась духовная Консисто́рия. В ведении Консисто́рии находились судебные и бракоразводные дела, а также дела, связанные с наблюдением за церковным хозяйством и должностными лицами. Деятельность Консисто́рии осуществлялась под непосредственным начальством епархиального архиерея.

Существование Консисто́рии являлось тяжелым бременем для бедного приходского духовенства. Как писал полесский воевода в Министерстве вероисповедания и просвещения, «политика Консисто́рии в административных делах направлена на материальные выгоды ее членов и увеличение поборов с духовенства» [2, с. 27]. Выводы воеводы вполне обоснованы, о чем свидетельствуют пошлины, выплачиваемые духовенством. Так, при награждении похвальным листом – 10 злотых, благословенной грамотой – 15 злотых, наперсным крестом – 60 злотых, саном протоиерея или игумена – 75, крестом с украшением – 150 злотых. Пошлина

взималась при сдаче в Консistorии экзаменов для занятия должности псаломщика, для хиротонии в сан диакона, при утверждении на должности. Некоторые пошлины превосходили доход сельских священников за несколько месяцев [4, с. 2].

Что касается духовенства, то польские власти имели контроль над ним. Ведь известно, что одним из инструментов колонизации белорусского народа польские власти видели православную церковь. Они считали, что священнослужители более эффективно смогут осуществлять эту задачу, чем государственные деятели. Способствовали этому «Временные правила», согласно которым все кандидаты в священнослужители должны были иметь польское гражданство.

Продолжались и попытки иерархов требовать от правительства законодательного решения положения церкви. Проект закона об отношении государства к православной церкви был подготовлен в сентябре 1923 года и отправлен митрополиту Дионисию. Через этот закон власти хотели взять под полный контроль церковное имущество, это же, в свою очередь, ограничивало епископов и давало возможность государству их контролировать. Позиции церкви и государства приблизил кабинет У. Грабского, но работа над законом была отложена до подписания конкордата с Ватиканом. После его подписания 28 марта 1925 года министр по делам религии и народного просвещения проинформировал, что в ближайшее время будут разработаны основные положения закона о юридическом положении православной церкви. 13 апреля 1925 года церковные власти подготовили «Основной статут внутреннего канонического порядка Святой Польской Автокефальной Православной Церкви». В нем было 44 статьи, в которых определялось автокефальное устройство православной церкви в Польше. Во внутренней жизни православной церкви предоставлялась полная свобода управления с сохранением норм государственного права. Церковь полностью подчинялась положениям Конституции [5, с. 137].

Статутом предусматривалось создание Митрополичьего совета, который должен был состоять из духовенства и светских лиц, что обеспечило бы иерархам широкую общественную поддержку и усилило бы их позиции в отношении с правительством. 9 марта 1926 года церковные власти предложили свой проект закона, но Министерство по делам религии и народного просвещения не обратило на него внимания. Этот проект обходит стороной положение о первостепенном значении государственного законодательства над церковным [7, с. 52].

Переговоры возобновились после утверждения премьером С. Грабским проекта Министерства по делам религии и народного просвещения. Согласованный проект был подписан 14 октября 1926 года, но работа над ним остановилась после майского переворота. 25 мая митрополит заявил, что этот проект не совпадает с интересами церкви и предложил возобновить переговоры. Уже 1 июля 1926 года Синод утвердил проект закона

о правовом положении Польской православной автокефальной церкви, но этот закон был отклонен правительством. 10 июля 1926 года прошла встреча митрополита Дионисия с Ю. Пилсудским, но она не дала каких-либо результатов [5, с. 141; 7 с. 53].

После майского переворота 1926 года МВД начало деятельность по разрешению проблемы православной церкви. Министр внутренних дел К. Млодзяновский на заседании Рады Министров 18 августа 1926 года критично оценил политику относительно церкви и потребовал немедленной нормализации отношений. По его мнению, православное духовенство было лояльно к польскому государству, но не находило поддержки с его стороны. Именно это, по словам К. Млодзяновского, могло спровоцировать православное духовенство перейти в политические лагеря белорусских и украинских меньшинств, чего национальные меньшинства и добиваются. Кроме всего, власти приходили к выводу, что митрополит Дионисий не был ярким сторонником заключения договоров с государством, так как боялся реакции национальных меньшинств.

Церковными властями было решено добиться от правительства согласия на проведение Собора, а в случае отказа поставить власти перед фактом. Открытие Собора планировалось на 12 февраля 1930 года. 18 декабря 1929 года канцелярия митрополита обратилась в печать с соответствующим уведомлением, а 21 декабря прислала благочинным избирательные правила, статут и программу Собора. Митрополит Дионисий одновременно уведомил министра по делам религии и народного просвещения С. Червинского и просил о получении согласия на проведение Собора в Варшаве. Министерство по делам религии и народного просвещения получило уведомление только 24 декабря, когда уже полным ходом велась подготовительная работа, связанная с выборами делегатов.

С. Червинский сразу после появления в печати информации о выборах листом от 21 декабря 1929 года митрополиту Дионисию запретил проведение выборов участников Собора и издал указ, запрещающий проведение приходских собраний. Министерство также возразило по порядку организации выборов, которые предусматривали перевес духовенства над светскими лицами. Из 86 участников Собора должно было быть 52 священника и 32 светских лица, а также два профессора богословского факультета Варшавского университета. Этим правительство подчеркивало, что порядок выборов не является демократичным и не в полной мере обеспечивает предоставление интересов населения.

2 января 1930 года заместитель министра внутренних дел Б. Пекарский издал циркуляр для старост, в котором отметил, что созыв Собора является нежелательным для властей и порекомендовал старостам не допустить проведение выборов. Виленский и полесский воеводы издали указ, который запрещал организацию избирательных собраний [7, с. 54].

Эти разногласия и споры между православной церковью Польши и польским правительством шли до тех пор, пока в декабре 1929 года на должность министра внутренних дел не назначили Г. Юзевского. 10 января 1930 года после визита митрополита Дионисия к президенту И. Мостицкому конфликт был заглажен. Была создана специальная комиссия из представителей правительства и церкви. В нее вошли директор Департамента вероисповеданий Министерства по делам религии и народного просвещения Ф. Потоцкий, начальник отдела по делам национальностей МВД Г. Суханёк-Сухецкий и начальник восточного отдела МИД Т. Головко. Церковь представляли митрополит Дионисий и архиепископ Алексей. 7 мая правительство заявило о создании Предсоборного собрания в составе 30 человек.

В итоге работа комиссии привела к объявлению 30 мая 1930 года обращения президента республики И. Мостицкого к митрополиту Дионисию, в котором разрешался созыв Общепольского Собора с предшествующим ему Предсоборным собранием.

Синод епископов утвердил решения смешанной комиссии по регламенту и порядку выборов на Собор. В начале июня 1930 года митрополит Дионисий выпустил пастырское обращение к верующим, в котором высказал полную лояльность православия к государству, ознакомил с позитивным решением президента и определил дату созыва Предсоборного собрания на 29 июня 1930 года [5, с. 143; 7, с. 55].

Собор так и не был создан. Работа в комиссиях шла медленно. За пять лет только комиссии по вопросам религии, просвещения, приходской и монастырской жизни и по делам духовенства начали попытки решения поставленных задач. Остальные даже не начинали работу. Правительство не желало допустить проведения Собора, так как не имело хорошо разработанной концепции относительно православной церкви. Власть опасалась общего собрания духовенства и мирян, так как епископат видел в созыве Собора инструмент борьбы с государством и Римско-католической церковью, вдобавок к этому белорусские и украинские политические круги стремились придать церкви национальный характер. В обществе же утвердилась идея сплоченности, среди православного населения расширялось убеждение, что правительство стремится не допустить светского элемента управления церковью и проводит политику давления и ограничения православия [3, с. 104; 5, с. 144; 7, с. 60, 62].

Совсем другая ситуация была в смешанной комиссии. Работа в ней шла по двум направлениям: Департамент вероисповеданий Министерства по делам религии и народного просвещения разрабатывал проект закона, а подкомиссия из представителей епископата работала над внутренним статутом церкви. Работа комиссии длилась восемь лет. Проект закона об отношении государства к Польской автокефальной православ-

ной церкви был представлен 3 декабря 1936 года, а 9 января 1937 года начались консультации с православными иерархами. Синод епископов ознакомился с проектом декрета президента и признал, что он полностью соответствует устройству церкви и отстаивает ее интересы.

19 ноября 1938 года был опубликован Декрет Президента Речи Посполитой от 18 ноября 1938 года об отношении государства к Польской автокефальной православной церкви. В декрете подтверждалось автокефальное устройство православной церкви Польши при сохранении догматических и канонических связей с Вселенской православной церковью. Церковь в Польше являлась независимой от любых иностранных властей и имела право полной свободы во внутренней жизни в пределах государственного законодательства. Во главе церкви стоял митрополит. Для занятия церковной должности нужно было иметь польское гражданство. Назначения и переводы епископов могли осуществляться с согласия министра по религии и вероисповеданиям и народного просвещения. Изменения в благочинных осуществлялось с согласия воеводы. Обучение духовенства могло быть только в государственном Богословском лицее и на богословском факультете Варшавского университета.

Декрет 1938 года был первым законодательным актом, изданным на основе Конституции. 10 декабря 1938 года распоряжением Рады Министров был утвержден «Внутренний статут Польской автокефальной православной церкви». В нем регулировалась компетенция митрополита, Генерального Собора, Собора епископов и Синода епископов. Были определены основы функционирования епархиальных управ, благочинных, приходов, братств и миссионерской деятельности [7, с. 63].

Оживленная деятельность в религиозной сфере проходила и на региональном уровне. В конце 1924 года было проведено две конференции по религиозной и культурной политике государства относительно национальных меньшинств. Первая прошла в Люблине, где советник министра по делам религии и народного просвещения М. Боровский заявил: «На той стороне Буга нужно проводить агрессивную политику. Мы являемся штурмующей колонной польскости, обязаны быть атакующей стороной и отказаться от федеративных настроений». Вторая конференция прошла 3 декабря 1924 года в Белостоке, где местные чиновники выступали с критикой центральной власти по причине отсутствия четкой программы деятельности относительно религиозных меньшинств [2, с. 34].

После переворота 1926 года государство переходит на более мягкую политику ассимиляции путем нормализации отношений с православной церковью. Власти продолжали политику относительно введения польского языка. Но на деле польский язык не воспринимался населением, оно считало введение польского языка как попытку навязывания католицизма или неонунии. Религиозное обучение и проведение проповедей шло в основном на русском языке.

Но уже во второй половине 1930-х годов в польском государстве активизируется политика полонизации. В 1934 году был создан Комитет по национальным вопросам. На первом заседании комитета, которое состоялось 20 декабря 1935 года, было решено использовать церковь как средство распространения польской культуры в восточных землях. В этих целях планировалось использовать в богослужении польский язык и окончательно избавиться от старославянского. Обучение духовенства должно проводиться на польском языке, и сами школы должны находиться в Варшаве, что должно приобщить воспитанников к польской культуре. Духовные семинарии в Вильно и Кременце должны были ликвидироваться. Делопроизводство в церкви должно также вестись на польском.

В том же году Польша отказывается от своих обязанностей перед Лигой Наций об обеспечении прав национальных меньшинств, которые были закреплены еще условиями Рижского мира. В кадровой политике государство стремилось контролировать весь клир православной церкви Польши. Духовенство, по их мнению, должно было быть лояльным к властям и обязано было иметь польское гражданство. Польский язык становился единственным языком для церковного делопроизводства и печати [7, с. 83].

Православные иерархи не желали допустить экспансии католицизма и в то же время равнодушно относились к национальным устремлениям белорусов и украинцев. То духовенство, которое не желало вводить польский язык в богослужениях, лишалось местными властями финансовых дотаций.

С целью ассимиляции местного населения было создано движение «польских поляков». 9 декабря 1934 года в Белостоке прошло собрание поляков православного вероисповедания. Товарищество имело поддержку со стороны воеводств.

В сентябре 1935 года гродненскими иерархами на польский язык было переведено делопроизводство консисторий, а также издано указание благочинным о частичном переводе богослужений и издании основ религии на польском языке. Против этого выступили национальные меньшинства, русские эмиграционные круги и русские благотворительные организации. Они начали винить епископа Антония, что тот не бережет церковнославянский язык, и в итоге он был смещен с должности в декабре 1936 года. С приходом на его место епископа Саввы (Советова) ситуация в епархии не поменялась, так как он был сторонником полонизации церкви и опекал «общество православных поляков». В 1937 году он издал циркуляр, в котором обязал духовенство выучить польский язык и активно участвовать в жизни польских общественных организаций. Также предусматривалось проведение богослужений на польском языке для тех, кто этого захочет [7, с. 85, 86].

Руководитель Департамента вероисповеданий Министерства по делам религии и народного просвещения П. Дунин-Барковский на конференции в Бресте 1939 года четко определил политику польского государства относительно православной церкви Западной Беларуси: «Политика относительно Православной церкви направлена на полную государственную ассимиляцию православного населения, а также на увеличение, где это только возможно, экспансии польской культуры. Можем ясно сказать, что в отношении территорий Виленского, Полесского, Белостокского, Люблинского и трех северных уездов Волынского воеводства ставим целью полонизацию. Цель эту нужно достичь, и это не подлежит дискуссии, зато необходимо уделить дискуссии методы, которыми будем пользоваться. Специально нажим необходимо сделать на регион: Гродно – Белосток – Полесье – Новогрудок как наиболее податливый» [3, с. 80; 7, с. 89].

Польское правительство стремилось создать мощное унитарное государство, для этого ему нужно было решить национальный вопрос в православной церкви. Церковь должна была стать инструментом для культурной ассимиляции Западной Беларуси.

Список использованных источников

1. *Мартос Афанасий, архиепископ.* Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / Афанасий Мартос, архиепископ. – Минск: Изд-во Белорус. экзархата, 2000 – 351 с.
2. *Костюк, В., иеродиакон.* История Полесской епархии (1922–1944) / В. Костюк, иеродиакон. – Брест: Брест. обл. тип., 1999. – 152 с.
3. *Мірановіч, Я.* Праваслаўная царква ў палітыцы Польскай дзяржавы (1920–1932 гг.) / Я. Мірановіч // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2007. – Вып. 2. – С. 72–83.
4. Православный белорус. – 1925. – № 17–18.
5. *Свитич, А.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия / А. Свитич // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1980 гг.: сб. / редкол.: В. Чаплин [и др.]; предисл. И. Соловьева. – М.: Крутиц. Патриар. подворье. Общ-во любителей церк. истории, 1997. – С. 88–298.
6. *Цымбал, А. Г.* Абвяшчэнне аўтакефаліі праваслаўнай царквы ў П Рэчы Паспалітай (першая палавіна 1920-х гг.) / А. Г. Цымбал // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2009. – № 4. – С. 78–88.
7. *Цымбал, А. Г.* Палітыка польскіх улад у адносінах да праваслаўнай царквы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. Г. Цымбал; БДПУ імя М.Танка. – Минск, 2008. – 157 л.

(Дата поступления: 25.10.2017).

Цуба Міхал

УА «Палескі дзяржаўны ўніверсітэт», Пінск, Беларусь

Tsuba Michail

Polesky State University, Pinsk, Belarus

УДК 947.6(=411.6)«1914/1916»

СТАЎЛЕННЕ САМАДЗЯРЖАЎЯ І ПРАВЫХ ШАВІНІСТЫЧНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ ДА БЕЛАРУСКАГА АДРАДЖЭННЯ Ў 1907–1914 ГАДЫ

THE ATTITUDE OF THE AUTOCRACY AND THE RIGHT CHAUVINISTIC ORGANIZATIONS TO THE BELARUSIAN REVIVAL IN 1907–1914

Артыкул адлюстроўвае разнастайнасць раней маладаследаваных праблем, звязаных з сістэматычнымі ганеннямі, рэпрэсіямі, адміністрацыйнымі забаронамі з боку царскіх улад і пастаяннымі нападамі з боку правых расійскіх і польскіх шавіністычных арганізацый на беларускі нацыянальны рух у паслярэвалюцыйны перыяд (1907–1914). Асабліва ўвага надаецца ўмовам і абставінам, якія мелі месца падчас даследуемага перыяду, а таксама формам і метадам дзейнасці антыбеларускіх сіл, накіраваных супраць беларускага нацыянальнага адраджэння.

Ключавыя словы: самадзяржаўе; шавіністычныя арганізацыі; беларускае адраджэнне; рэпрэсіі; царскія ўлады; беларускія губерні; Дзяржаўная дума.

This article reflects a variety of previously insufficiently explored problems associated with systematic persecutions, repressions, administrative prohibitions from the side of the tsarist authorities and constant attacks by right-wing Russian and Polish chauvinist organizations on the Belarusian national movement in the post-war period 1907–1914.

Particular attention is paid to the conditions and circumstances that took place during the investigated period, as well as to the forms and methods of activity of anti-Belarusian forces directed against the Belarusian national revival.

Keywords: Autocracy; chauvinist organizations; Belarusian revival; repressions; tsarist power; Belarusian gubernias; state Duma.

Рэвалюцыя 1905–1907 гадоў садзейнічала абуджэнню і пашырэнню нацыянальна-вызваленчых працэсаў як у беларускіх губернях, так і па-за іх межамі. Згодна з Законам «Аб свабодзе друку», выдадзеным царскім урадам падчас рэвалюцыйных падзей, дазвалялася друкаваць творы беларускай мастацкай літаратуры і публіцыстыкі на роднай мове, у выніку чаго былі заснаваны беларускія выдавецтвы на роднай мове «Загляне сонца і ў наша аконца» ў Пецярбург і «Наша хата» ў Вільні. Аднак гэта

толькі частковыя ўступкі самадзяржаўя падчас рэвалюцыі, якія пасля яе паражэння былі значна абмежаваны і ўрэзаны. У паслярэвалюцыйны перыяд (1907–1914) гісторыя беларускага нацыянальнага руху непарыўна была звязана з сістэматычнымі ганеннямі, рэпрэсіямі, адміністрацыйнымі забаронамі з боку царскіх улад і пастаяннымі нападамі з боку правых расійскіх і польскіх шавіністычных арганізацый.

Царскія ўлады, праводзячы вялікадзяржаўную палітыку на заходніх ускраінах імперыі, рабілі ўсе захады, каб стрымаць развіццё інтэлектуальных сіл беларускага народа, перашкаджалі стварэнню ў беларускіх губернях навуковых, навучальных і культурна-асветніцкіх устаноў. Любыя праявы беларускага нацыянальнага руху, нават у культурна-асветніцкай справе, абмяжоўваліся цэнзурнымі дамаганнямі і знаходзіліся пад пільным наглядом паліцэйскіх улад. Вось як аб становішчы ў беларускіх губернях у гэты час сведчыць вядомы гісторык М. В. Доўнар-Запольскі: «Цяжкая, прыгнятаючая рука царскага ўраду не дазваляла тут ствараць навуковыя цэнтры, разганяла інтэлігентных работнікаў, зганяла сюды русіфікатараў, цікавілася краем толькі з паліцэйскага пункта гледжання, таму нават нашыя губернскія цэнтры ў навуковых і грамадскіх адносінах далёка адставалі ад губернскіх цэнтраў Украіны ці Вялікаросіі» [1, с. 1].

Найбольш важным кірункам русіфікатарскай палітыкі была забарона беларускай мовы і распаўсюджванне рускай. Напрыклад, у часопісе Камітэта Міністраў з нагоды выканання §7 Іменнага ўказа ў адносінах да заходніх губерняў падкрэслівалася: «Расійскай мове, як дзяржаўнай, павінна быць, па перакананню Камітэта, і далей па-ранейшаму забяспечана пануючае становішча. Неабходнасць гэтага выцякае з факта прыналежнасці края да Расійскай дзяржавы і ўсведамлення, што заходнія губерні, якія здаўна ўваходзілі ў яе склад, маюць у значнай сваёй частцы спрадвечна рускае насельніцтва» [2, арк. 586]. У 1906 годзе Дзяржаўная дума дазволіла навучанне на роднай мове палякам, армянам, чэхам, грузінам, буратам, калмыкам і яўрэям. Аднак беларусам і ўкраінцам было адмоўлена ў праве мець школу на роднай мове. Па-беларуску можна было вучыцца толькі ў прыватных школах. Такія падыходы садзейнічалі выкарыстанню рускай мовы ў самых розных сферах: дзяржаўнай, грамадска-палітычнай, сацыяльна-эканамічнай, рэлігійна-культывай і бытавой. У барацьбу за «ўвядзенне рускага элемента» і ператварэнне Беларусі ў «сапраўдны рускі край» уключыліся не толькі царскія чыноўнікі, але і праваслаўнае духавенства, якое ў сваёй большасці выступала за ўмацаванне манархічных і праваслаўных асноў расійскай дзяржаўнасці. Такая палітыка вяла да асіміляцыі і бязграмадскіх беларускага народа, а таксама да заняпаду яго культуры.

У гады рэакцыі ў большасці беларускіх губерняў было ўведзена надзвычайнае становішча. Царская адміністрацыя на месцах (генерал-губер-

натары, губернатары і граданачальнікі) атрымала права выдаваць «абавязковыя пастановы», якія мелі сілу закона. Для барацьбы з «іншадумствам» і рэвалюцыйным рухам толькі ў Мінскай губерні (кастрычнік 1907 года) у баявой гатоўнасці знаходзіліся 4 палкі пяхоты, 6 спецыяльных рот салдат і 2 артылерыйскія брыгады. Праводзіліся шматлікія вобыскі і арышты «палітычна ненадзейных». Турмы былі перапоўнены. Толькі за 1908 год праз Мінскую турму прайшло больш за 24 тысячы чалавек. Большасць з іх была арыштавана па палітычных справах [3, арк. 87–102]. У многіх паведах і буйных гарадах аж да 1909 года працягвала дзейнічаць «Палажэнне аб узмоцненай і надзвычайнай ахове».

Правадніком і натхняльнікам барацьбы супраць адраджэнскіх працэсаў і рэвалюцыйных настрояў з'яўляўся старшыня Савета Міністраў П. А. Стальпін, які з лета 1907 года ўзвёў вялікадзяржаўны шавінізм у ранг афіцыйнай дзяржаўнай палітыкі. Гэта ярка праявілася ў ходзе выбарчай кампаніі (восень 1907 года) у III Дзяржаўную думу. Падчас яе асаблівасці палітычнай тактыкі былі звязаны са спецыфікай нацыянальнага сацыяльна-класавага складу насельніцтва, у першую чаргу пануючых класаў, і імкненні самадзяржаўя зменшыць ролю палякаў і яўрэяў у палітычным і эканамічным жыцці краю. Гэтым тлумачацца тая змены, якія былі ўнесены ў новы выбарчы закон. У адпаведнасці з ім выбаршчыкі на заходніх губернях былі падзелены не толькі па класавым, але і па нацыянальным прынцыпе. Каб забяспечыць перамогу «рускіх», урад прадугледзеў стварэнне ў Віленскай губерні, дзе пераважала каталіцкае насельніцтва, асобнай «рускай» куры і забяспечыў ёй два абавязковыя месцы ў Думе. У Гродзенскай, Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях утвараліся «рускае» і «польскае», а ў гарадах – і яўрэйскае аддзяленні [4, с. 75–76].

Да «рускіх» аддзяленняў былі далучаны праваслаўныя беларусы, татары, немцы, літоўцы і інш., да «польскіх» – беларусы-католікі. Такім чынам, беларускі народ быў падзелены на «рускіх» і «палякаў». З мэтай загітавання насельніцтва за праўрадавых прадстаўнікоў самадзяржаўе з дапамогай чарнасоценна-акцыябрысцкіх групавак на месцах разгарнула шырокую прапагандысцкую кампанію, у ходзе якой чарнасоценным арганізацыям было прадастаўлена права наладжвання сходаў у казённых памяшканнях «для абмеркавання пытанняў аб выбарах у Дзяржаўную думу, а таксама аб паездках членаў (чарнасоценскага) таварыства па сёлах і вёсках... для аб'яднання дзейнасці насельніцтва і для падпісання ўсімі жыхарамі (у дадзеным выпадку Бабруйскага павета) вернападданніцкай на імя Гасудара тэлеграмы». Прычым ставілася пытанне і аб узбраенні чарнасоценскіх агітатараў рэвальверамі за кошт дзяржавы [5, арк. 621, 623]. У выніку «рускае» насельніцтва атрымала перавагу на выбарах. У Мінскай, Магілёўскай, Віцебскай і Гродзенскай губернях праўрадавыя вылучэнцы-чарнасоценцы і акцыябрысты правялі ў III Дзяржаўную думу

27 з 29 дэпутатаў. Да іх далучыліся два чарнасоценцы, выбраныя ад «рускага» насельніцтва Віленскай губерні. Астатнія выбаршчыкі гэтай губерні аддалі свае галасы пяці кандыдатам групойкі польска-беларускіх памешчыкаў і ксяндзоў [4, с. 81].

Вялікую ўвагу ў гэты перыяд надавала самадзяржаўе і выбарам у Дзяржаўны савет. Значная перавага тут буйных землеўласнікаў польскага паходжання давала ім магчымасць выбіраць на дваранскіх сходах у Дзяржаўны савет амаль толькі сваіх прадстаўнікоў. З гэтай нагоды ўрад, абапіраючыся на фракцыю чарнасоценцаў-акцыябрыстаў у III Дзяржаўнай думе, увёў у 1911 годзе ў заходніх губернях земствы. Вось як аб гэтым расказвала «Наша ніва»: «На акцыябрыстаў цяпер вельмі востра нападаюць усе, кажучы, што яны ўсё рабілі паводле жадання старшыні міністраў Стальпіна. Так, жаданнем выслужыцца перад ім тлумачаць тое, што акцыябрысты зацвердзілі яго праект аб земствах у 6-ці заходніх губернях» [6, с. 1]. Ствараючы земствы па выбарчай сістэме, якая забяспечвала перавагу «рускага элемента», ўрад спадзяваўся не толькі на станоўчы для сябе вынік выбараў у Дзяржаўны савет, але і на пашырэнне манархічнай ідэалогіі на месцах. Неабходна адзначыць, што пэўныя надзеі на абнаўленне, звязаныя з земствамі, ускладала і «Наша ніва», якая пісала: «... усімі справамі, што дагэтуль былі ў руках чыноўнікаў, будучь запраўляць выбарныя людзі... трэба, каб туды выбіралі людзей, якія шчыра захочуць і здолеюць працаваць для нашага народу, несучы ў вёску свет навукі і дапамагаючы ёй устаць на свае ногі» [7, с. 3]. Аднак адзіны цэнтр у выглядзе рэдакцыі газеты «Наша ніва», вакол якога групуваліся ўсе нацыянальна свядомыя сілы беларусаў, меў непараўнальна меншыя фінансавыя магчымасці і значна ўступаў у агітацыйным вопыце сваім больш магутным канкурэнтам – урадавым і польска-клерыкальным структурам. У выніку земствы, выбраныя ў 1911 годзе ў беларускіх губернях, былі прадстаўлены прарасійскімі і часткова прапольскімі нацыяналістамі і ў сваёй дзейнасці цалкам ігнаравалі мову, культуру і іншыя нацыянальныя адметнасці беларусаў.

На выбарах у IV Дзяржаўную думу ў 1912 годзе насельніцтва беларускіх губерняў, як і раней, было падзелена на тры куры: «рускую», «польскую» і «яўрэйскую». У «рускую» курыю запісвалі праваслаўных беларусаў, старавераў, лютэранаў, магаметанаў; у «польскую» – беларусаў-католікаў [8, с. 1]. Вынік выбараў для беларускага нацыянальнага руху мала чым адрозніваўся ад выбараў у земствы: ніхто з дзеячаў-адраджэнцаў у IV думу не трапіў.

Адзначаныя мерапрыемствы расійскага ўрада былі накіраваны ў першую чаргу на колькаснае абмежаванне прадстаўнікоў польскага і яўрэйскага насельніцтва, а таксама на правядзенне на выбарах як мага большай колькасці прадстаўнікоў праўрадавай арыентацыі. Разам з тым гэта азначала адмаўленне самадзяржаўем існавання беларускай нацыі, яе

самабытнай мовы і культуры. Даволі значныя слаі праваслаўнага беларускага насельніцтва – чыноўнікі, духавенства, большасць настаўнікаў, урачоў і іншых прадстаўнікоў інтэлігенцыі, а таксама частка сялянства, далучаныя згодна з законам да пануючых вярхоў грамадства, атрымалі пэўныя прывілеі ў параўнанні з палякамі і яўрэямі. Так, большасць мясцовых дэнацыяналізаваных прадстаўнікоў карэннага насельніцтва з ліку адукаваных слаёў (як і тыя, што прыехалі на Беларусь здалёку) працягвалі ўспрымаць беларускае адраджэнне як з’яву непатрэбную і заўчасную, як задуму вузкага кола дзеячаў культуры. Яны падтрымлівалі шавіністычную русіфікатарскую палітыку самадзяржаўя і рашуча выступалі супраць беларускага нацыянальнага руху.

У якасці навуковага абгрунтавання сваёй русіфікатарскай палітыкі царскі ўрад выкарыстоўваў ідэалогію «заходнерусізма», якая адмаўляла існаванне беларускай нацыі і беларускай мовы. Гэта ідэалогія з’яўлялася адным з кірункаў грамадскай думкі ў заходніх губернях на працягу XIX – пачатку XX ст. Згодна з яе канцэпцыяй, «Беларусь не з’яўляецца краінай з асобнай нацыянальнай культурай і не мае дзеля гэтага права на самастойнае культурнае і палітычнае развіццё, але што яна з’яўляецца культурна і дзяржаўна часткай Расіі і таму павінна разглядацца як адзін з яе састаўных элементаў» [9, с. 7]. За перыяд свайго існавання «заходнерусізм» набыў у нашым краі нямала прыхільнікаў і выпрацаваў сваю ўласную канцэпцыю, якая супрацьстаяла беларускай нацыянальнай ідэі.

Найбольш буйным арганізацыйным стварэннем гэтай ідэалагічнай плыні з’яўлялася «Западнорусское общество», якое было заснавана 29 студзеня 1911 года ў Пецярбургу. Статут і праграма дадзенага таварыства ставілі на мэце «ўзмацненне расійскай культуры і развіццё духоўных і матэрыяльных сіл расійскай народнасці ў Заходнім краі, вывучэнне яго сучаснага становішча і мінулага» [9, с. 310]. «Западнорусское общество» сваю дзейнасць ажыццяўляла шляхам напісання і папулярызавання навуковых прац, чытання лекцый для студэнтаў-беларусаў, правядзення палітычных сходаў у час паездак на Беларусь.

Патрэбна адзначыць, што «заходнерусізм» ніколі не быў суцэльнай аднастайнай плыняй. Ён выразна падзяляўся на два крылы. Калі прадстаўнікі правага крыла (Кулакоўскі, Бажэлка, Саланевіч, Патабня, Пшчолка, Кавалюк, Сразнеўскі, Уруцэвіч, Сабалеўскі і інш.) у асноўным займаліся палітыканствам і нападкам на беларускае адраджэнне, то левае крыло (Сапуноў, Карскі, Раманаў, Нікіфароўскі, Стукаліч, Баброўскі, Доўнар-Запольскі і інш.), якое складалася з навукоўцаў, будучы прыхільнікамі асноў самадзяржаўя, імкнулася ў яго межах развіваць культуру і даследаваць гісторыю сваёй Бацькаўшчыны-Беларусі. Такая двайная арыентацыя прыводзіла да супярэчнасцяў і расколу як унутры саміх групавак «заходнерусізма», так і ў ідэалагічнай платформе плыні ў цэлым. Напрыклад, прадстаўнік правага крыла Ц. Бажэлка на старонках

«Крестьянина» апублікаваў артыкул, накіраваны адначасова супраць «Нашай нівы» і левага крыла, якому непасрэдна адрасаваны заклік: «Здрайцы і прадаўцы свайго народу з нібы вучоных нам добра вядомыя!» [10, с. 2]. У сваю чаргу левому крылу часта не хапала самых малых дробязей, а можа і часу, каб назаўсёды парваць з «заходнерусізмам» і далучыцца да беларускага нацыянальнага руху. Аб гэтым сведчыць і выступленне А. Сапунова з рэфератам на тэму «Белоруссия и белорусы» (26 кастрычніка 1910 года) у Віцебскай архіўнай камісіі, дзе вучоны сказаў: «Я заклікаю Беларусь да самавызначэння, да нацыянальнага ўсведамлення, да адроджанае будучыні, якая будзе ў руках саміх беларусаў», скончыўшы прамову прыгожым патрыятычным вершам Я. Неслухоўскага [11, с. 167].

Нягледзячы на некаторыя станоўчыя моманты для беларускай культуры і навукі, якія мелі месца ў гэтай плыні ў сувязі з наяўнасцю ў ёй прадстаўнікоў левага крыла, усё ж неабходна адзначыць, што, дзякуючы дзейнасці ідэалогіі «заходнерусізма», самадзяржаўя ў многім удалося адурманіць і павесці за сабой значную частку беларускага насельніцтва.

Заўзятымі прыхільнікамі гэтай ідэалогіі таксама з'яўляліся праманархічныя чарнасоценна-акцыябрысцкія партыі («Союз русского народа», «Всероссийский национальный союз», «Русское окраинное общество», «Совет объединённого дворянства»), якія надавалі вялікую ўвагу барацьбе з нацыянальнымі рухамі, «іншародніцкім засіллем», выступалі за скасаванне Маніфеста 17 кастрычніка [12, с. 63]. Галоўная задача палітыкі расійскага ўрада і дадзеных партый заключалася ў тым, каб задушыць вызваленчы рух, прывесці да поўнай пакорнасці ўсе нярускія народы Расійскай імперыі, паралізаваць іх волю да барацьбы за нацыянальнае раўнапраўе.

З гэтай мэтай у многіх гарадах пачалі ўзнікаць своеасаблівыя філіялы названых вышэй партый («Крестьянин», «Белорусское общество», «Бобруйское Христианское общество» і інш.) [13, арк. 608]. Дадзеныя арганізацыі аб'ядноўвалі ў асноўным чыноўнікаў, праваслаўных дзеячаў, памешчыкаў і заможныя пласты беларускага сялянства. Нягледзячы на пэўныя супярэчнасці па асобных пытаннях, іх палітычная праграма, скіраваная на абарону асноў самадзяржаўя на Беларусі, заставалася нязменнай. Наглядным прыкладам гэтага служыць статут створанага 25 сакавіка 1911 года «Гродненского русского национального союза», дзе вызначаны наступныя мэты яго дзейнасці:

а) панаванне рускай народнасці ў межах рускай зямлі, у прыватнасці, Гродзенскай губерні;

б) умацаванне свядомасці рускага народнага адзінства;

в) наладжванне рускай бытавой самадапамогі і развіццё рускай культуры;

г) умацаванне рускай дзяржаўнасці на аснове самадзяржаўнай улады цара ў яднанні з заканадаўчымі народнымі прадстаўнікамі» [14, с. 40].

З гэтай падрыву нашаніўскага руху і адначасова пашырэння свайго ўплыву сярод праваслаўнага беларускага насельніцтва гэтыя псеўдабеларускія арганізацыі з фінансавай дапамогай мясцовых улад распачалі ў губернскіх гарадах Беларусі перыядычную выдавецкую дзейнасць.

Найбольш актыўнымі дзеячамі чарнасоценна-акцыябрысцкіх арганізацый у заходніх губернях і іх органаў друку – часопіса «Крестьянин», газет «Минское слово», «Виленский вестник», «Окраины России», «Белорусская жизнь», «Северо-западная жизнь» і інш. – з'яўляліся чыноўнікі Л. Саланевіч, Г. Шмід, В. Цяплоў, П. Каранкевіч, С. Кавалюк, П. Бывалькевіч, Д. Скрынчанка. Яны патрабавалі ад урада закрыць «Нашу ніву», Беларусь называлі «исконно-русским краем», а беларускае праваслаўнае насельніцтва – «западнороссами». Часопіс «Крестьянин» (орган арганізацыі заможнага праваслаўнага беларускага сялянства «Крестьянин», кіраўнік С. Кавалюк) у артыкуле «Расія для рускіх» зазначаў, што надышоў час гаварыць аб тым, што Расія павінна належаць рускім і яны абавязаны ёю кіраваць: «Хочаш жыць з Расіяй, падпарадкоўвайся яе законам і ўладзе, не хочаш – гладкай дарогі, а ўпартасць можна ўціхамірыць сілаю» [15, с. 2].

«Белорусское общество» (кіраўнік Л. Саланевіч), якое выдзелілася з «Крестьянина», ставіла ў якасці галоўнай задачы «развіццё ў беларускай народнасці самасвядомасці на аснове рускай дзяржаўнасці». Ужо ў першым нумары газеты «Белорусская жизнь» (9 лютага 1909 года), органе гэтай арганізацыі, абвешчалася аб'яднанне ўсіх прадстаўнікоў беларускай народнасці без адрознення саслоўя, звання і веравызнання на адной нацыянальна-культурнай платформе. Беларусы называліся самастойнай народнасцю, але іх роднай мовай абвешчалася «мова Пушкіна і Гогаля» [16, с. 425].

З 1911 года «Белорусская жизнь» пачала выходзіць штодзённа. Выступаючы ад імя беларускага народа, яна пісала: «Нам перш за ўсё неабходна паставіць свае нацыянальныя задачы, самавызначыцца, аб'яднацца, арганізавацца і згуртавацца як беларусам» [17, с. 1]. Але псеўдабеларуская, антынацыянальная маска газеты Л. Саланевіча была паслядоўна і аргументавана выкрыта «Нашай нівай». У канцы 1911 года «Белорусская жизнь» поўнасю адкінула маскіроўку, змяніла назву на «Северо-западную жизнь» і разам з чарнасоценнымі газетамі адкрыта стала рупарам вялікадзяржаўнага шавінізму ў заходніх беларускіх губернях.

Аднак асабліва актыўна выступала супраць нацыянальна-адраджэнскага руху беларусаў і развіцця беларускай літаратуры газета «Минское слово», якая выходзіла, пачынаючы з 1906 года, пад дэвізам: «Цар, дума і народ. Расія для рускіх. Свабода, парадак, праца і ўласнасць». Рэдактарам гэтай газеты быў прыбалтыйскі немец Г. Шмід – фігура адыёзная ва ўсіх адносінах: служачы на расійскім ваенным флоце, ён выдаў немцам планы крэпасці Кранштат, за што быў асуджаны на дзесяць гадоў катаргі. Аднак

Мікалай II памілаваў яго, пасля чаго Г. Шмід з'явіўся ў Мінску і ўзначаліў барацьбу супраць «беларускага сепаратызму». Сама праграма «Мінскаго слова» найбольш выразна сведчыць аб рэакцыйным абліччы гэтай газеты: «Мінское слово» з'яўляецца адзіным на ўвесь Паўночна-Заходні край рускім нацыянальна-перадавым органам друку, па-ранейшаму застаецца на варце непадзельнасці Расіі, інтарэсаў рускага насельніцтва – гістарычнага гаспадара краіны, праваслаўя і шырокага, свабоднага і мірнага развіцця духоўных і матэрыяльных сіл Расіі» [14, с. 42].

«Наша ніва» і беларускі адраджэнскі рух, які яна ўзначальвала, абвінавачваліся ў «мазепінстве» і апалячванні беларусаў. Чарнасоценцы заяўлялі, што адраджэнне беларускай літаратуры – гэта нібыта ні больш ні менш як «інтрыга» палякаў, якім патрэбны беларускі «сепаратызм», каб разбіць і аслабіць «літаратурнае і нацыянальнае адзінства, а праз гэта і палітычную магутнасць рускага народа» [18, с. 194].

У адпаведнасці з такім падыходам у «Мінском слове» ў артыкуле «Новы паход на Беларусь» даказвалася, што «Дудка беларуская» і «Смык беларускі» Ф. Багушэвіча і «Скрыпка беларуская» Цёткі напісаны «на варварскім жаргоне» і носяць «ярка сацыялістычную афарбоўку» [19, с. 2]. Праз нейкі час на старонках таго ж «Мінскаго слова» паведамлялася, што беларускія пісьменнікі маюць быццам бы паланізатарскія мэты, а беларусы не разумеюць мову, на якой напісаны кнігі «рознымі Цёткамі, Янкамі Неслухоўскімі, Францішкамі Багушэвічамі і іншымі самазванымі “песнярамі”» [20, с. 2]. А вось як сустрэла дадзеная газета з'яўленне першых беларускіх буквароў: «Дастаткова знаёмства з беларускімі “лемантарами” апошняга часу, каб пераканацца ў тым, што палякі ў стварэнні “беларускай мовы” і яе прапагандзе бачаць сродак для апалячвання беларусаў» [14, с. 44].

Гэтыя паклёпніцкія паведамленні паўтарала і сталічная перыёдыка: «У мэтах палітычнай агітацыі ў польскім кірунку распаўсюджваюцца кніжкі і газеты, а таксама польскі буквар у выглядзе “лемантара” (беларускага буквара), беларускія выданні ў польскім напрамку адстойваюць польскую справу і падбухторваюць супраць урада» [21, с. 2].

У 1913 годзе на кніжным рынку з'явілася і рэлігійна-багаслоўская літаратура, надрукаваная лацінкай на беларускай мове ў выдавецтве «Беларус». Але і яна была сустрэта чарнасоценным друкам падобнымі нападамі.

Патрэбна адзначыць, што царская цэнзура лепш ведала, з кім мае справу. Да забароны беларускай кнігі яна падыходзіла з пэўнай дыферэнцыяцыяй. Каталіцка-багаслоўскай і дыдактычнай літаратуры, дзе грамадскія падзеі атрымлівалі афіцыйнае тлумачэнне, ніякіх пярэчанняў не было. Затое беларуская рэалістычная кніга, дзе адлюстроўвалася праўда жыцця, узнімаліся сацыяльныя і агульна-дэмакратычныя праблемы і пытанні развіцця нацыянальнай культуры і асветы, як правіла, падвяргалася забароне.

Увогуле газеты «Минское слово», «Северо-западная жизнь», «Виленский вестник», часопіс «Крестьянин» – самая змрочная старонка ў гісторыі перыёдыкі краю. Гэтыя выданні асабліва зацята выступалі супраць дэмакратычных змен, распальвалі нацыянальную варожасць, не прызнавалі права беларускага народа на развіццё сваёй культуры, звярталіся да правакацый і даносаў.

У такім жа напрамку, толькі з польскай арыентацыяй, супраць беларускага нацыянальнага адраджэння змагаліся польскія памешчыцка-клерыкальныя групы. У гады рэвалюцыі (1905–1906 гады) у Вільні выдавалася 11 польскіх газет і часопісаў. Аднак падчас сталыпінскай рэакцыі колькасць іх скарацілася да 8–9 за кошт ліквідацыі левых выданняў. Затым адбыўся хуткі рост: у 1910 годзе польскамоўны друк у Вільні быў прадстаўлены 18, а ў 1914 годзе – 28 перыядычнымі выданнямі. Разам з тым некаторыя газеты і часопісы выдаваліся ў асобных беларускіх гарадах. У пераважнай большасці ў дачыненні да беларусаў гэта былі шавіністычныя выданні. Падобна расійскаму ўрадаваму і чарнасоценна-акцыбрыцкаму руху, яны адмаўлялі існаванне асобнага беларускага этнасу, адмоўна ставіліся да адраджэння беларускай мовы і навязвалі беларусам засвойванне і вывучэнне польскай мовы і культуры. Ігнаруючы натуральнасць і заканамернасць абуджэння беларускага нацыянальнага руху, гэтыя выданні сцвярджалі, што за ім стаіць інтрыга Масквы, што «Наша ніва» выдаецца за казённых грошы з мэтай русіфікацыі беларусаў, якія быццам бы цягнуліся да польскай культуры [22, с. 21].

Найбольш рэакцыйныя газеты польскага друку («*Slowo*», «*Kurjer Warszawski*», «*Prawda*», «*Gazeta Codzenna*»), у публікацыях якіх адчувалася асабліва нянавісць да беларускага народа і яго культуры, выступалі адзіным фронтам супраць беларускай літаратуры і беларускіх перыядычных выданняў. Выконваючы планы аб аднаўленні Польшчы з уключэннем беларускіх зямель, яны стараліся даказаць, што нібыта няма ні Беларусі, ні беларускага народа, ні беларускай мовы, ні, тым больш, беларускай літаратуры. Напрыклад, польскі пісьменнік З. Пяткевіч у артыкуле пра купалаўскую «Адвечную песню» сцвярджаў: «Беларускі народ ніколі не меў і не мае сваёй літаратуры. Стварыла яе польская інтэлігенцыя. Створана яна штучным чынам, у значнай меры не адлюстроўвае ні душы, ні яго звычаяў, традыцый, вераванняў, ні нават складу яго мовы» [23, с. 2].

Такім чынам, польскія памешчыцка-клерыкальныя групы, маючы добра сфарміраваную нацыянальную культуру, уласную эліту, імкнуліся пашырыць свой уплыў у беларускіх губернях, што вымушала іх весці барацьбу не толькі супраць антынацыянальнай палітыкі царызму, але і супраць беларускага адраджэнскага руху.

Характэрнымі рысамі акрэсленага вышэй перыяду з’яўляліся нарастанне рэакцыі, выпрацоўка мер паліцэйскага нагляду за распчатымі працэсамі беларускага адраджэння, распаўсюджванне вялікадзяржаўных

прарасійскіх настрояў сярод беларускага насельніцтва. Гэтыя падыходы для самадзяржаўя мелі адзіную мэту – захаваць непарушным існуючы сацыяльны і дзяржаўны лад і пераадолець глыбокі крызіс, у якім аказалася расійскае грамадства пасля рэвалюцыі 1905–1907 гадоў.

Царызм, абапіраючыся на ідэалогію «заходнерусізма», праводзіў у адносінах да беларускага народа палітыку вялікадзяржаўнага шавінізму. Не без удзелу «западноруссов» забаранялася ўжыванне беларускай мовы ў школах, адбываліся сістэматычныя напады на беларускі адраджэнскі рух на чале з «Нашай нівай». Пры гэтым палітыка самадзяржаўя на беларускіх губернях, накіраваная на раскол беларускага этнасу па веравызнанні на «рускіх» і «палякаў», поўнасьцю задавальняла і мясцовыя польскія памешчыцка-клерыкальныя групы. Па гэтым пытанні з чарнасоценна-акцябрысцкімі арганізацыямі ў іх было поўнае разуменне. У дачыненні ж да Беларусі і беларускага адраджэнскага руху абедзве групы адносіліся з непрыкрытай варожасцю. Праз свой друк яны выступалі супраць беларускай культуры, не прызнавалі беларускі этнас.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Довнар-Запольский, М. В.* Народное хозяйство Белоруссии 1861–1914 гг. / М. В. Довнар-Запольский. – Минск: Изд-во Госплана БССР, 1926. – 240 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси, г. Минск (НИАБ). – Фонд 295. – Воп. 1. – С. 7509, ч. VI.
3. НИАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – С. 7611.
4. *Забяўскі, М. М.* Палітычная барацьба ў Беларусі ў перыяд выбараў у III Дзяржаўную думу / М. М. Забяўскі // Весці АН БССР. Сер. грам. навук. – 1987. – № 5. – С. 74–82.
5. НИАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – С. 7509, ч. VII.
6. Перадавіца // Наша ніва. – 1911. – 21 крас.
7. З Беларусі і Літвы // Наша ніва. – 1911. – 26 мая.
8. Перадавіца // Наша ніва. – 1912. – 18 ліп.
9. *Цьвікевіч, А.* «Западно-русизм»: нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
10. *Божелко, Т.* Нашей ниве / Т. Божелко // Крестьянин. – 1909. – 17 мая.
11. З гісторыяй на «Вы»: артыкулы, дакументы, успаміны. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 347с.
12. Сборник программ политических партий в России. – СПб., 1906. – Вып. 2. – 87 с.
13. НИАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – С. 7509, ч. VI.
14. *Цуба, М. В.* Беларускі нацыянальны рух у перыяд паміж дзвюма дэмакратычнымі рэвалюцыямі (1907 – люты 1917 г.). Матэрыялы да курса «Гісторыя Беларусі» / М. В. Цуба. – Брэст: Выд-ва С. Лаўрова. – 196 с.
15. Россия для русских // Крестьянин. – 1909. – 24 марта.

16. *Біч М. В.* Барацьба за нацыянальнае адраджэнне: нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М. В. Біч; пад рэд. М. П. Касцюка. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 528 с.

17. Передовая статья // *Белорусская жизнь*. – 1911. – 2 студ.

18. *Александровіч, С. Х.* Пуцявіны роднага слова (праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX – пачатку XX стагоддзя) / С. Х. Александровіч. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1971. – 248 с.

19. *Белорус.* Новый поход на Белоруссию / *Белорус* // *Минское слово*. – 1908. – 4 мая.

20. *Божелко, Т.* О книжном белорусском языке / Т. Божелко // *Минское слово*. – 1908. – 5 июля.

21. *Эльфи.* Польские когти в Белой Руси / *Эльфи* // *Окраины России*. – 1909. – 2 авг.

22. *Біч, М. В.* Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. Гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі / М. В. Біч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 29 с.

23. «Prawda». – Warszawa, 1910. – № 39.

(Дата паступлення: 13.09.2017).

Андруцкая Тат'яна

УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»,
Витебск, Беларусь

Andrutskaya Tatyana

Vitebsk state university named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus

УДК 930(47:929.7)«19/20»

ИЗУЧЕНИЕ ПРАКТИКИ ДВОРЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

STUDYING THE YARD SELF-GOVERNMENT IN MODERN RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE

В статье рассматриваются особенности изучения дворянского самоуправления в современной российской исторической науке. Сравниваются цели и задачи, выводы исследователей данной проблематики, относящиеся к различным регионам Российской империи.

Ключевые слова: дворянство; дворянское собрание; сословие; корпоративные организации; шляхта; предводители дворянства.

The article examines the peculiarities of studying noble self-government in modern Russian historical science. The goals and tasks, the conclusions of researchers of this problem, relating to different regions of the Russian Empire.

Keywords: nobility; noble assembly; estate; corporate organizations; gentry; leaders of the nobility.

Одной из актуальных тем российской историографии в последние десятилетия становится изучение дворянства Российской империи. За двухтысячные годы в Российской Федерации был написан ряд диссертаций, посвященных истории дворянского сословия. Материалы данной статьи основаны на авторефератах монографий, с которыми можно ознакомиться на сайте российской библиотеки диссертаций. Эта проблематика охватывает хронологический промежуток с конца XVIII века до 1917 года, когда в результате революционных событий принадлежность к дворянскому сословию не только перестала давать преимущества, но даже стала представлять определенную угрозу. Интересующие нас работы можно разделить на две группы: об истории сословия в целом и о сословных органах власти.

Российскими исследователями были изучены различные аспекты жизни дворян в конце XVIII – начале XX века:

- изменение сословного законодательства;
- характеристика потомственного и личного дворянства;
- социально-экономическое положение дворян;
- дворянская семья и внутрисемейные отношения;
- развитие дворянского образования;
- участие дворянства в подготовке и проведении крестьянской и земской реформ;
- помещичье хозяйство;
- культурно-просветительская деятельность.

В появившихся за последние 20 лет работах затрагиваются такие немаловажные для понимания положения дворянства вопросы, как дворянство и власть, взаимодействие с губернским управлением, дворянское самоуправление и создание корпораций. Необходимость их изучения современные российские исследователи связывают с теми процессами, которые происходят в современном российском обществе.

«Современная историческая наука в поисках опыта взаимодействия власти и гражданского общества все чаще обращается к исследованию политических и социальных аспектов прошлого российской государственности. Данный подход открывает перспективы осмысления и решения не только проблем современной России, но и позволяет выявить вектор развития нынешнего гражданского общества», – отмечает В. Е. Миронова [1].

«Одним из наиболее актуальных вопросов современности является проблема становления гражданского общества в Российской Федерации. В этих условиях максимальную остроту приобретают вопросы взаимоотношений государства и различных социальных групп населения, го-

сударства и отдельных корпораций. Значимость данной проблематики делает исключительно важной задачу всестороннего изучения исторического опыта развития дворянских корпоративных организаций, принципов взаимодействия с государственной властью», – указывает Н. К. Леднёва [2].

Несмотря на всю важность, проблема функционирования дворянского сословного самоуправления ещё не получила должного освещения в белорусской исторической науке. Исследование региональных особенностей самоуправления вносит вклад в формирование представления о положении бывшей шляхты Речи Посполитой в новом государстве и механизмах унификации региональных элит с целью повышения уровня их лояльности.

Нахождение в едином государстве продолжительное время позволяет проследить общие закономерности сословной жизни. Процесс раздела Речи Посполитой, «разбор шляхты», взаимное недоверие со стороны белорусской шляхты и имперской власти формируют ряд особенностей сословной политики на региональном уровне. Анализ диссертаций российских исследователей позволяет сформировать общее представление об основных изменениях, произошедших в сословной политике после включения белорусских земель в состав Российской империи.

География охвата проблемы в диссертационных работах разнообразна, исследования посвящены дворянству Московской, Рязанской, Казанской, Воронежской, Ярославской, Симбирской и ряда других губерний.

Исследователи дворянских корпоративных организаций выдвигали схожие по своему содержанию цели. Они исследовали деятельности регионального дворянского самоуправления, изучали место и роль дворянства и дворянской корпорации в общественно-политической и социально-экономической областях жизни.

Проанализировав задачи, можно заметить, что у большинства авторов они схожи:

- изучить основные направления общественной деятельности дворянской корпорации (В. С. Цветков, Н. К. Леднёва, Е. В. Миронова);
- рассмотреть особенности проведения губернских дворянских собраний (В. С. Цветков, С. В. Першин, Т. Н. Литвинова, Е. С. Корчмина);
- определить степень влияния региональной практики на направления политики страны (С. В. Першин, Е. В. Миронова, Н. К. Леднёва);
- представить историю становления и развития дворянских сословных учреждений (Е. В. Миронова, Т. Н. Литвинова, Н. К. Леднёва).

Однако встречаются и другие задачи. В. С. Цветков и Т. Н. Литвинова исследуют деятельность дворянской опеки, благотворительную деятельность дворянства. С. В. Першин и Н. К. Леднёва устанавливают соответствие изменений сословных учреждений социально-политическому и экономическому развитию страны, исследуют роль представительных

органов в социально-политическом развитии российской провинции. Е. С. Корчмина анализирует процесс выборов в органы дворянского сословного самоуправления.

Хронологически материал рассмотренных нами диссертаций затрагивает период XIX – начала XX века. Прослеживаются изменения, произошедшие в государственной политике после издания «Манифеста о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным» (1831), а также после отмены крепостного права (1861).

В отдельную группу имеет смысл выделить работы, затрагивающие развитие дворянского института в первой половине XIX века: С. В. Першин «Сословные учреждения в России в первой половине XIX века: по материалам дворянских и городских обществ средневолжских губерний», Т. Н. Литвинова «Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.», Е. С. Корчмина «Дворянское сословное самоуправление в первой половине XIX в.: на материалах Рязанской губернии», В. В. Чижова «Выборные от дворянства в системе местного управления российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века: на материалах Тверской губернии».

В диссертации С. В. Першина была исследована роль сословных организаций в жизни Среднего Поволжья; порядок и проведение выборов; взаимоотношение власти на всех ее уровнях и выборных органов; рассмотрен процесс адаптации дворянских собраний к существующим реалиям. Исследователь пришел к выводу, что в связи с непродуманностью в законодательстве некоторых практических моментов формирование сословных организаций на местах происходила с учетом местных особенностей, также наблюдается принятие решений в обход нормативно-правовых актов. Из-за отсутствия опыта проведения выборов избирательные компании проходили с большим количеством нарушений. Отдаленность от политического центра страны приводила к тому, что многие решения сословных организаций принимались с учетом местных нужд и потребностей, что зачастую противоречило требованиям государственной власти (не выполнялись нормы поставок на нужды армии). На протяжении XIX века политика самодержавия в отношении дворянских выборных органов менялась, стремясь не допустить концентрации власти в руках дворян и защиты их узко-сословных интересов. В результате к середине XIX века сословные органы утратили часть своей автономии [3].

Изучением деятельности дворянских собраний Воронежской губернии занималась Т. Н. Литвинова. Ею была рассмотрена законодательная база, прослежен процесс создания дворянской корпорации, исследованы особенности устройства и деятельности дворянских собраний. Третью главу Т. Н. Литвинова посвятила определению роли института предво-

дителей дворянства во внесловных структурах (учреждения просвещения, здравоохранения и др.).

Региональные особенности сословного самоуправления Рязанской губернии в первой половине XIX века рассматривались Е. С. Корчминой во взаимосвязи с характеристикой и социально-экономическим положением потомственного дворянства, так как, согласно законодательству, от этого зависело количество представителей сословия, участвовавших в выборах. Так, было выявлено сокращение количества дворян, обладавших избирательными правами, после принятия Положения 1831 года, однако появление этого документа способствовало привлечению дворян к участию в выборах. Было определено подчиненное положение дворянского сословного самоуправления, так как все спорные вопросы решались при участии Министерства внутренних дел. Это было возможным из-за отсутствия в законах четких формулировок в отношении деятельности дворянских собраний.

Предметом исследования В. В. Чижовой стал процесс формирования выборных дворянских структур Тверской губернии конца XVIII века, изменение функций и роли каждой из них на протяжении первой половины XIX века, качественный состав выборных от дворянства и отношение дворян к службе по выборам [4]. Автором были исследованы те выборные от дворянства, кто работал в сословных структурах: дворянских собраниях, дворянских опеках, комиссиях по составлению смет и раскладок земских повинностей и др.

Таким образом, в первой половине XIX века происходит процесс становления института представительства дворянства, формируется опыт организации выборов, прослеживается изменение государственной политики в отношении сословных органов самоуправления.

В следующую группу исследований необходимо выделить материалы, относящиеся ко второй половине XIX – началу XX века. Над ними работали: В. С. Цветков «Дворянское самоуправление России во второй половине XIX – начале XX в.: по материалам Московского дворянского собрания», Е. В. Миронова «Организация и деятельность дворянских учреждений Казанской губернии в 1861–1917 гг.», Н. К. Леднёва «Ярославское дворянство и его корпоративные организации во второй половине XIX – начале XX в.».

В диссертациях В. С. Цветкова «Дворянское самоуправление России во второй половине XIX – начале XX в.: по материалам Московского дворянского собрания» представлены биографические данные губернских предводителей дворянства и чиновников канцелярии Московского дворянского депутатского собрания, рассматриваются все аспекты работы институтов дворянского самоуправления, влияние изменений, как социальных, так и политических, на жизнь и деятельность дворянства. Исследователь акцентирует внимание на том, что деятельность Москов-

ского дворянского собрания отражает процессы, происходящие во всей стране, является одной из самых влиятельных организаций в Российской империи. В своей работе В. С. Цветков делает вывод, что благодаря финансовой деятельности корпоративных учреждений дворянство активно втягивается в капиталистические отношения. Опыт деятельности в должности дворянских предводителей был одной из причин для утверждения на государственные должности, существование органов опеки позволяло сохранить целостность сословия.

Е. В. Миронова говорит о том, что во второй половине XIX века дворянство остается опорой самодержавия, однако происходит ряд изменений в социальной политике. Дворянские органы самоуправления были лишены некоторых административных функций, что позволило дворянству свободнее реализовывать свои социальные и политические потребности. Губернские и уездные дворянские корпоративные организации способствовали сохранению идентичности дворянства, регулировали вопросы сословного и административного характера. На первый план выдвигаются вопросы, связанные с отменой крепостного права, благотворительной и культурно-образовательной деятельностью [4].

Опыт реализации местного дворянского самоуправления является частью истории дворянства России. Дворянским корпорациям Ярославской губернии посвящено исследование Н. К. Леднёвой. Близость к Москве и наличие крупного землевладения позволяют говорить об особом положении ярославского дворянского общества в масштабах России и его роли в социально-политических и экономических процессах. Исследователь проследила направления деятельности и процесс развития ярославской корпоративной организации в связи с данными соседних губерний для выявления общих закономерностей. Подчеркивается нежелание дворян участвовать в выборах, что было характерно для большинства российских губерний. Такое отношение прослеживается до начала реформ, после которых дворянство, желая быть в курсе изменений, активизирует свое участие в дворянских собраниях.

В начале XX века дворянские собрания отстаивали право на собственность выморочных дворянских имений, что привело к концентрации значительного объема финансов в руках дворян. В этот период происходит усиление активности в благотворительной деятельности: открываются пансионы-приюты для детей беднейшего дворянства. Возникают дворянские кассы, цель которых – поддержка и оказание помощи потомственным дворянам.

Среди российских диссертаций, написанных на современном этапе развития истории, встречаются работы, посвященные положению дворянства различных губерний Российской империи. Историки рассматривают сословное законодательство, структуру дворянства, имущественное деление. Как правило, отдельная глава отводится вопро-

сам, связанным с деятельностью дворянских организаций. Среди таких работ можно выделить исследования: Т. В. Филатовой «Российское поместное дворянство в начале XX в.: организация, деятельность, попытки самоидентификации», О. П. Пеньковой «Дворянство Тамбовской губернии, 1861–1906 гг.», В. А. Шаповалова «Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период», Д. Ю. Мурашова «Провинциальное дворянство в конце 50–70-х гг. XIX века: по материалам Пензенской губернии», М. В. Шестакова «Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.: на материалах Тамбовской губернии». Тема таких работ не может быть раскрыта без анализа деятельности дворянских собраний как важной части жизни «первого» сословия Российской империи. Исследователи приводят факты, характеризующие деятельность дворянских собраний, организацию выборов, дворянскую опеку, участие экономической деятельности, прослеживают процесс разделения дворянства по своим идейным взглядам на либералов и консерваторов. Данные исследований свидетельствуют о том, что в начале XX века предпочтение для участия в собраниях старались отдавать консерваторам как защитникам идеи «дворянства».

Так, М. В. Шестаковым были рассмотрены материалы губернского дворянского депутатского собрания, касающиеся вопросов, связанных с развитием дворянского образования в Тамбовской губернии, сборе денежных сумм и пожертвований, деятельности дворянских опеков.

Положение поместного дворянства в начале XX века, их участие в деятельности дворянских собраний, место представителей сословия в общественной и государственной сфере исследует Т. В. Филатова. Она указывает на тот факт, что процент посещаемости тех или иных собраний среди дворянства был мал, что приводило к неэффективности работы дворянского собрания. Исследователь склоняется к мысли, что такое положение сложилось в связи с тем, что дворяне не желали участвовать в сословной жизни, считали, что дворянские собрания не имеют реальной власти и потому бесполезны.

Приводятся факты, когда губернатор Воронежской губернии вынужден был «напоминать» уездным предводителям о необходимости посетить собрание. В 1904 году Канцелярия министра внутренних дел по делам дворянства была вынуждена разослать всем губернаторам циркуляр о том, что уездные предводители дворянства обязаны по приглашению губернского предводителя являться в Собрание предводителей и депутатов дворянства или же присылать вместо себя лиц, заступающих их место [5].

Протоколы заседаний дворянских собраний в начале XX века отражают реакцию представителей сословия на события, происходившие в государстве, и на политическую ситуацию в целом. Уже во время пер-

вой российской революции многие земские собрания высказывали негативное отношение к методам подавления выступлений и призывали к немедленному реформированию системы. Лишь Московское собрание говорило о несвоевременности реформ, а в дальнейшем выступало за продолжение войны.

Таким образом, вышеперечисленные исследования российских историков рассматривают процесс формирования, становления и трансформации дворянских сословных организаций, подчеркивают отсутствие опыта в реализации избирательного права, нарушения нормативно-правовой базы. Расширение политических прав дворянства и возможность оказывать влияние на общегосударственную политику приводят к консолидации сословия и способствуют сохранению целостности. На сегодняшний день данная проблематика является актуальной, так как позволяет исследовать процесс становления гражданского общества и участия в данных процессах дворянства как привилегированного сословия Российской империи, а также проследить изменения, происходящие в государственном устройстве страны.

Список использованных источников

1. *Миронова, Е. В.* Организация и деятельность дворянских учреждений Казанской губернии в 1861–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. В. Миронова. – Казань, 2011. – 318 с.
2. *Леднёва, Н. К.* Ярославское дворянство и его корпоративные организации во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. К. Леднева. – Ярославль, 2010. – 211 с.
3. *Першин, С. В.* Сословные учреждения в России в первой половине XIX века: по материалам дворянских и городских обществ средневожских губерний: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / С. В. Першин. – Саранск, 2010. – 512 с.
4. *Литвинова, Т. Н.* Дворянские сословные учреждения Воронежской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.: монография / Т. Н. Литвинова; под науч. ред. А. Н. Акиншина. – Воронеж: «НАУКА-ЮНИ-ПРЕСС», 2010. – 246 с.
5. *Корчмина, Е. С.* Дворянское сословное самоуправление в первой половине XIX в.: на материалах Рязанской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. С. Корчмина. – Рязань, 2010. – 275 с.
6. *Чижова, В. В.* Выборные от дворянства в системе местного управления российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века: на материалах Тверской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. В. Чижова. – Тверь, 2001. – 242 с.
7. *Цветков, В. С.* Дворянское самоуправление России во второй половине XIX – начале XX в.: по материалам Московского дворянского собрания: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. С. Цветков. – М., 2012. – 374 с.
8. *Шестаков, М. В.* Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. (на материалах Тамбовской губернии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. В. Шестаков. – Тамбов, 2006. – 365 с.

9. Филатова, Т. В. Российское поместное дворянство в начале XX в.: организация, деятельность, попытки самоидентификации: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. В. Филатова. – Москва, 2000. – 320 с.

(Дата поступления: 20.10.2017).

Гвардиян Сергей

ГУО «Республиканский институт высшей школы», Минск, Беларусь

Hvardziyan Sergei

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

УДК 930(47):355.11«18/19»

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

MODERN RESEARCH ON THE MILITARY HISTORY OF RUSSIA OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: THE REGIONAL ASPECT

В статье выделены наиболее актуальные и востребованные за последние 25 лет направления исследований в области военной истории Российской империи периода XIX – начала XX века в русскоязычном пространстве. Для анализа работ автор использует Единый электронный каталог Российской государственной библиотеки, в котором размещены авторефераты диссертаций по разным социально-гуманитарным наукам. Автор выявил более 300 авторефератов по разным проблемам российской военной истории обозначенного периода, а также наиболее популярные у современных российских и русскоязычных исследователей направления изучения военной истории. Рассматриваются диссертационные работы, в которых исследуются разные аспекты влияния военной сферы на развитие социально-экономической, политической и общественной жизни в империи. Особое внимание в данных исследованиях уделяется региональному фактору.

Ключевые слова: военная история России XIX – начала XX века; история армии; исследования по военной истории России XIX – начала XX века; «долгий XIX век».

The article highlights the most relevant and popular in the past 25 years of research in the military history of the Russian Empire of the XIX – early XX century in the Russian-speaking space. For analysis the author uses the Unified Electronic Catalog of the Russian State Library, in which the author's abstracts of dissertations on various social and human sciences are placed. The author has revealed more than 300

abstracts on various problems of military history of the designated period, revealed the most popular directions for the study of military history among contemporary Russian and Russian-speaking researchers. To a greater extent, this article focuses on dissertational works, in which various aspects of the influence of the military sphere on the development of socio-economic, political, social life in the empire are explored. The author pays special attention to the regional factor in these dissertational studies.

Keywords: military history of Russia XIX – the beginning of XX century; history of the army; research on the military history of Russia XIX – early XX century; «long XIX century».

Вопросы военной истории периода «долгого XIX века» в современной российской исторической науке являются одними из самых востребованных для исследователей. Показателем данного факта стало наличие более 300 диссертационных исследований, выполненных историками, а также социологами, юристами, политологами, философами, культурологами, педагогами и другими представителями русскоязычного научно-образовательного пространства по военной проблематике XIX века.

Представление о количестве и качестве научных исследований по указанной тематике позволяет получить электронный каталог Российской государственной библиотеки [1]. При этом необходимо понимать, что коллекция авторефератов диссертаций комплектуется не только в границах современного российского государства, но с учетом поступлений и из других постсоветских государств. Таким образом, мы можем получить более-менее четкое представление об интенсивности проводимых исследований, наиболее востребованной, актуальной проблематике, региональной специфике и других параметрах исследовательской активности. При этом у нас есть четкое понимание того, что данное исследование не может претендовать на абсолютную полноту, поскольку выполнено не на основе жестких научных методов социологии, а использует достаточно удобный, но неформальный подход для изучения определенного научного явления. Электронный каталог дает возможность получить более-менее полную, но не абсолютную выборку интересующих нас изданий по сочетанию ключевых слов. Таким образом, по ключевым словосочетаниям «история армии», «военная история XIX века», «военные реформы XIX века» мы сформировали список диссертационных исследований по указанной тематике за последние 20 лет и подтвердили его систематизации на основе разных критериев отбора, прежде всего хронологического и проблемного.

Стоит отметить, что в 1990-х годах, в первом постсоветском десятилетии, было выполнено только около 30-ти исследований из более чем трехсот выявленных в базе данных библиотеки диссертаций. Основная масса диссертаций 1990-х относится к последним годам десятилетия, единичные – к первой половине десятилетия. Таким образом, около 90 %

диссертаций по военной истории постсоветского периода выполнено после 2000 года.

Отдельный интерес представляет динамика изменений тем исследований, формулирование целей и задач, положений, выносимых на защиту. Это требует отдельного рассмотрения в рамках отдельной научной статьи либо монографии. Без глубокого изучения данного аспекта можем отметить, что в 1990-х годах тематика исследований формулировалась зачастую под влиянием марксистских установок, также исследователи формулировали темы глобально, без детализации объекта исследования. Объектами изучения в эти годы становились: российская государственность и армия, российское военное законодательство в обозначенный период; военные реформы в политической жизни России; участие офицеров русской армии в революционно-демократической борьбе против самодержавия; общественно-политическое движение в русской армии и на флоте; процессы воспитания воинской чести у офицеров; общие подходы к подготовке офицеров русской армии и т. д.

Большая конкретизация исследований произошла в 2000-х годах, при этом значительное число исследований касается как развития узких вопросов организации военного дела, так и региональных проблем военной истории Российской империи XIX – начала XX века [1]. При этом исследования, выполненные на региональном материале, затрагивают военную историю почти исключительно в границах современной Российской Федерации, военная история регионов бывшей Российской империи, в данный момент представленных суверенными государствами, в частности, белорусских земель, напрямую самостоятельными исследованиями не представлена.

Если в качестве критерия типологии использовать тематическую направленность исследований, то прежде всего необходимо отметить значительное число исследований, посвященных военным событиям, в которых участвовала армия Российской империи в XIX – начале XX века. Это военные действия в ходе Отечественной войны 1812 года и заграничного похода, Русско-турецких войн (в первую очередь войны 1877–1878 годов), а также Русско-японской войны 1905–1907 годов. Мы сознательно не останавливаемся на рассмотрении данных исследований, как и на еще более многочисленных исследованиях, посвященных событиям и обстоятельствам Первой мировой войны и событиям гражданской войны начала XX века, в силу ограниченного формата данной статьи и многочисленности иных исследований, тематика которых нас интересует в большей степени.

Для нас непосредственный интерес представляют исследования, цель которых – изучение влияния событий, связанных с военной сферой на политическую, социальную, культурную жизнь империи и ее регионов, на формирование определенных социально-экономических, по-

литических, культурных аспектов и традиций в обществе. Этот сюжет представляется особо актуальным для белорусской исторической науки. Армия в Российской империи являлась очень действенным инструментом имперской унификации и, одновременно, модернизации в условиях трансформации позднефеодального общества империи в период его перехода к индустриальному обществу. Для правящих кругов империи унификация белорусского региона являлась важной задачей в рамках проведения внутренней политики, а региональные элиты наиболее эффективно привлекались к общеимперским ценностям именно через службу в армии [2, с. 201–203].

На территории современной Беларуси данные процессы имели свою организационную и содержательную специфику. Тем не менее армия как общеимперский государственный институт руководствовалась едиными требованиями к организации своей структуры и правилам внутреннего распорядка, что способствовало нивелированию многих региональных особенностей, в частности в европейской части государства.

Для нас непосредственный интерес представляют такие исследования по направлениям военной истории, как: государственная политика в военной сфере и военный фактор в государственной политике, особенно на региональном уровне; развитие военного образования и подготовка офицерских кадров для армии; процессы патриотического воспитания и формирование верноподданнических установок как в среде офицерства, так и в рядовом составе (сейчас это принято называть идеологической работой); иные, более узкие аспекты, связанные с развитием военного дела.

Тематически корпус исследований можно разделить на достаточно большие группы работ. В первую очередь необходимо выделить исследования по общим основам государственной политики в военной сфере (более 50-ти авторефератов). Они включают вопросы формирования принципов военной политики, взаимоотношения государства, армии и общества, формирования системы управления военной сферой в Российской империи и т. д. (27 работ). К данной группе исследований также можно добавить диссертации, посвященные разным аспектам проведения военных реформ в обозначенный период времени (15 работ), а также исследования о вкладе отдельных видных военных деятелей империи в развитие российской армии и флота (16 работ). Наиболее интересные исследования, касающиеся региональной проблематики в данной группе диссертаций, представлены работами Р. С. Авилова, А. Ф. Агаркова, А. В. Емельянова, А. И. Кукушина, И. С. Рудакова, В. М. Петренко, А. В. Седунова, Е. В. Фаворисова и др. [3].

Достаточно многочисленную группу (более 20 работ) представляют исследования, касающиеся государственного регулирования и развития разных отраслей и сфер военного дела и развития отдельных военных формирований (казацкие войска, артиллерия, авиация, средства

ПВО, военная медицина, контрразведка, картография, ж/д войска, пограничная служба и т. д.). Более 10 работ затрагивают разные аспекты материального снабжения армии и деятельности интендантских служб, часть из этих исследований выполнена на материалах отдельных регионов Российской империи. Среди них, на наш взгляд, наибольший интерес представляют работы А. В. Ганина, В. Н. Голято, в которых рассматриваются разные аспекты включения территориальных казачьих войск в военную сферу империи, а также исследование Е. В. Брацуна, посвященное горцам Северо-Западного Кавказа на воинской службе России в XIX веке [4].

Самая многочисленная группа исследований затрагивает вопросы, связанные с реализацией государственной кадровой политики в военной сфере (13 работ), функционирования системы военного образования (29 работ), развития военной науки (7 работ, без учета диссертаций, посвященных деятельности видных военачальников, о которых упомянуто выше). В родственной связи с вышеотмеченными работами находятся исследования, изучающие аспекты патриотической и воспитательной работы в российской имперской армии в XIX – начале XX века (34 работы), формирования правил и норм функционирования офицерства как особой социальной группы российского общества, повседневной жизни офицеров (21 работа). Эти работы как раз и представляют особый интерес в связи с проводимой политикой имперской унификации в разных регионах империи, в том числе и в белорусском регионе. Представители региональных элит, включенные в данный общеимперский институт, постепенно приобщались к глобальным ценностям, у них вырабатывались соответствующие нормы поведения. Особо необходимо выделить исследования, касающиеся изучения разных аспектов социально-культурного взаимодействия и взаимовлияния армии и общества в указанный период (16 работ).

Данные группы работ крайне неравномерно представлены исследованиями на региональном материале. Так, ожидаемо отсутствуют диссертации по региональным аспектам кадровой политике в военной сфере, поскольку принципы этой политики были более-менее универсальны для всех регионов империи и преследовали цели имперской унификации. Единичными работами представлены исследования по региональным аспектам военного образования, поскольку это также было обусловлено целями имперской унификации. Тем не менее, часть данных исследований выполнена на региональном материале и интересна для нас с точки зрения формирования объекта и направления исследования. Среди них исследования по развитию системы обучения казаков Кубанского казачьего войска (И. В. Холин, А. А. Шахторин), история становления военного образования в разных регионах империи, в том числе на ее окраинах (Осетия – Е. В. Бледных, Иркутская область –

Г. А. Островский), а также деятельность отдельных учреждений военного образования, в частности Севастопольской (Качинской) лётной школы (В. Г. Аллахвердянц) [5].

Остальные исследования по теме развития военного образования и деятельности учреждений военного образования претендуют на универсализм и широкий охват изучаемой проблемы.

Обширный перечень диссертаций (более 30 работ), посвященных разным аспектам воспитательной и патриотической работы в российской армии и воинской дисциплине в XIX – начале XX века, обусловлен актуальностью данной проблематики и в наше время. Сегодня эта деятельность понимается как идеологическая работа с личным составом в военных частях, и ей уделяется особое внимание как в России, так и в Беларуси. При этом на региональном материале выполнена только одна диссертация В. О. Дубинина, посвященная воспитательной работе в гарнизонах Западной Сибири [6].

Основная масса исследований в данной группе посвящена рассмотрению как общих аспектов патриотического (нравственного, этического и т. д.) воспитания офицеров и солдат армии, так и самых разных узких аспектов воспитательной и патриотической работы с личным составом, в частности роли воинских ритуалов, символики, мундира в формировании моральных и патриотических качеств, роли физического воспитания, культурно-досуговой деятельности и т. д. Так, значение ритуалов и военной символики изучали С. О. Гонюхов, В. Ю. Ростовский, В. Л. Минёр, В. С. Шнышко [7].

Роль музеев войсковых частей в воспитательной работе в дореволюционной России изучала Т. П. Спиридонова, а воспитательное значение для военнослужащих отечественной истории – Н. А. Печень [8]. Разные аспекты физического воспитания в армии в рамках спортивно-массовой работы изучали А. В. Николаев, В. Г. Семенов, С. В. Федорин [9]. Здесь же представлены работы, затрагивающие роль религии и религиозных институтов в военном воспитании, при этом как доминирующей в империи православной церкви, так и мусульманского духовенства (Х. М. Абдуллин, С. Ю. Чимаров, В. П. Иванов) [10].

Интерес представляют диссертации, в которых изучается офицерство как особая социальная группа, их социокультурный облик, культура быта, повседневное поведение, многие другие аспекты, связанные с пониманием института офицерства как особой касты в обществе Российской империи (более 20 диссертаций). Несколько исследований выполнено на региональном материале либо апеллируют к региональному контексту, это работы Ю. А. Асадова, А. В. Гайворонской, О. В. Гефнер, М. В. Нечитайлова, Л. А. Чернова [11].

Кандидатская и докторская диссертации О. А. Грачевой посвящены изучению вклада российских офицеров в развитие художественной

культуры. Ряд исследований посвящен деятельности офицерских общественных организаций (С. И. Журавлев, А. В. Тихомиров, А. М. Панченко). В целом культуру быта российских офицеров изучают В. И. Плюхин, А. А. Чинаев [12].

Значительный интерес представляют исследования влияния военной проблематики на повседневную жизнь гражданского общества. Эта группа диссертаций пока не так представительна, как диссертации по военному образованию либо кадровой политике, но здесь можно отметить очень своеобразные и интересные исследования Э. Г. Клейна, П. П. Щербинина, Ю. В. Щербининой, посвященные военным оркестрам в провинциальной культурной жизни, влиянию военного фактора на повседневную жизнь русской женщины, социальной адаптации отставных солдат [13].

Таким образом, наибольшее число исследований по вопросам реализации разных аспектов военной политики в Российской империи выполнено в последние 20 лет. Они посвящены разным аспектам реализации кадровой политики по подготовке офицеров для действующей армии. В родственной связи с данными исследованиями находятся работы по истории становления системы военного образования в империи, а также исследования по изучению воспитательной и патриотической работы в войсках. Особый интерес представляют работы, в которых всесторонне изучается офицерство как своеобразная социальная группа.

Список использованных источников

1. Официальный сайт Российской государственной библиотеки: Единый электронный каталог [Электронный ресурс]. – Москва: РГБ, 1999–2017. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/search>. – Дата доступа: 15.10.2017.
2. Шимукович, С. Ф. Методологические подходы к исследованию политики имперской унификации в отношении белорусского региона в XIX – начале XX века / С. Ф. Шимукович // Духовная жизнь российских региональных сообществ: история, традиции, современность: сб. ст. IV Междунар. науч. конф., Казань, КазГАСУ, 20–21 окт. 2015 г. – Казань: Изд-во КазГАСУ, 2015. – с. 197–205.
3. Авилов, Р. С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке: 1865–1895 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Владивосток, 2013. – 22 с.; Агарков, А. Ф. Взаимодействие военной администрации и местных органов власти по расквартированию и пребыванию военных частей в российской провинции в 1874–1908 гг.: на материалах Курской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Брянск, 2009. – 25 с.; Емельянов, А. В. Проведение военных реформ в 60–70-е годы XIX века в России: по материалам Казанского военного округа: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2003. – 19 с.; Куксин, А. И. Боеготовность русской армии и военно-окружной аппарат в начале XX века (1904–1913 гг.): по материалам Московского военного округа: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2001. – 16 с.; Петренко, В. М. Становление и развитие системы территориальных органов военного управления на

Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Хабаровск, 2009. – 25 с.; *Рудаков, И. С.* Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России: 1884–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Хабаровск, 2009. – 25 с.; *Седунов, А. В.* Обеспечение общественной и государственной безопасности в XIX – первой половине XX века: на материалах Северо-Запада России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2006. – 40 с.; *Фаворисов, Е. В.* Деятельность воинских присутствий по реализации военной политики российского правительства в 1874–1912 гг.: на примере Симбирской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Казань, 2012. – 287 с.

4. *Брауун, Е. В.* Горцы Северо-Западного Кавказа на воинской службе России: конец XVIII – XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Краснодар, 2014. – 26 с.; *Ганин, А. В.* Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX вв.: 1891–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2006. – 27 с.; *Голято, В. Н.* Забайкальское казачье войско в военной политике России в середине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 2007. – 251 с.

5. *Аллахвердянц, В. Г.* Подготовка авиационных кадров отечественных Военно-Воздушных Сил: на примере деятельности Севастопольской (Качинской) летной школы в 1910–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Астрахань, 2008. – 18 с.; *Бледных, Е. В.* Зарождение и развитие военного образования в Осетии: конец XVIII века – 1917 год: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Владикавказ, 2009. – 161 с.; *Островский, Г. А.* История военного образования в Иркутской области: XIX – начало XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ, 2008. – 29 с.; *Холин, И. В.* Становление и развитие военного обучения Кубанского казачьего войска во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Москва, 2007. – 26 с.; *Шахторин, А. А.* Подготовка казаков Кубанского казачьего войска во второй половине XIX – начале XX веков: историческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Воен. ун-т. – Москва, 2006. – 25 с.

6. *Дубинин, В. О.* Воинское воспитание в гарнизонах Западной Сибири: 1865–1906 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Омск. гос. техн. ун-т. – Омск, 2006. – 23 с.

7. *Гонюхов, С. О.* История эволюции российского военного мундира и его роль в нравственном и патриотическом воспитании российской армии конца XVII – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Красноярский гос. пед. ун-т. – Красноярск, 1999. – 23 с.; *Ростовский, В. Ю.* Воинская символика и ритуалы в культуре российского офицества: конец XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Волгогр. гос. мед. ун-т. – Волгоград, 2007. – 24 с.; *Минёр, В. Л.* Воинские ритуалы российской армии: История зарождения и развития: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2005. – 46 с.; *Шньитко, В. С.* Отечественные воинские знамёна XVIII – начала XXI вв.: историографическое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Воен. ун-т. – Москва, 2010. – 24 с.

8. *Спиридонова, Т. П.* Музеи войсковых частей в дореволюционной России: Становление и историко-культурное значение: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03 / Рос. ин-т культурологии. – Москва, 2005. – 26 с.; *Печень, Н. А.* Вос-

питание воинов российской армии отечественной историей: вторая половина XIX века – февраль 1917 г.: опыт, проблемы, уроки: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Москва, 2000. – 52 с.

9. *Николаев, А. В.* Развитие физического воспитания в военно-учебных заведениях России во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. город. ун-т упр. Правительства Москвы. – Москва, 2004. – 24 с.; *Семенов, В. Г.* История спортивно-массовой работы среди военнослужащих русской армии и военно-морского флота: 1855–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ин-т воен. истории МО РФ. – Москва, 2008. – 33 с.; *Федорин, С. В.* Государственная система физического воспитания в русской армии и на флоте: Вторая половина XIX в. – 1914 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2002. – 42 с.

10. *Абдуллин, Х. М.* Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи: конец XVIII – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ин-т истории СО РАН. – Казань, 2007. – 23 с.; *Чимаров, С. Ю.* Русская Православная Церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота: 1800–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Санкт-Петербург, 1999. – 44 с.; *Иванов, В. П.* Становление и развитие системы религиозного воспитания военнослужащих русской армии в XVIII – начале XX века: автореф. дис. ... докт. пед. наук: 13.00.01 / Воен. ун-т. – Москва, 2014. – 40 с.

11. *Асадов, Ю. А.* Служба офицеров армянского происхождения в русской армии (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Пятигор. гос. технол. ун-т. – Пятигорск, 2001. – 24 с.; *Гайворонская, А. В.* Социокультурный облик офицеров Кубанского казачьего войска (1860–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2013. – 26 с.; *Гейфнер, О. В.* Военные в социокультурном пространстве г. Омска: 1870-е – 1903 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Омск, 1999. – 287 с.; *Нечитайлов, М. В.* Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817–1864 гг.): материальный аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2005. – 23 с.; *Чернов, Л. А.* Повседневная жизнь офицерского корпуса русской армии в Маньчжурии в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2014. – 24 с.

12. *Грачева, О. А.* Вклад российских офицеров в развитие отечественной художественной культуры XIX века: исторический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. погран. ин-т. – Москва, 2004. – 27 с.; *Грачева, О. А.* Художественное творчество российских офицеров XVIII – начала XX веков: исторический опыт и уроки: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Воен. ун-т. – Москва, 2009. – 49 с.; *Журавлев, С. И.* Возникновение и деятельность общественных организаций офицеров Российского Императорского военно-морского флота в 1905–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Самар. гос. пед. ун-т. – Самара, 2004. – 23 с.; *Тихомиров, А. В.* Офицерские собрания Русской армии: исторический опыт и уроки культурной деятельности (1796–1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2001. – 18 с.; *Панченко, А. М.* История войсковых офицерских библиотек в русской армии: XIX – начало XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.03 / Гос. публич. науч.-техн. б-ка СО РАН. – Новосибирск, 2005. – 21 с.; *Плюхин, В. И.*

Культура быта офицеров Российской армии в XVIII веке: историческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Москва, 1998. – 22 с.; Чинаев, А. А. Деятельность органов государственного и военного управления по совершенствованию культуры быта офицеров Русской армии: 1874–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Воен. ун-т. – Москва, 2009. – 24 с.

13. Клейн, Э. Г. Военные оркестры как феномен провинциальной культуры России: на материалах Костромской губернии до 1917 года: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Кострома, 2005. – 192 с.; Щербинин, П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ин-т рос. истории РАН. – Москва, 2005. – 47 с.; Щербинина, Ю. В. Социальная адаптация и правовое положение отставных и бессрочноотпускных солдат Русской Армии в XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Воронеж. гос. пед. ун-т. – Воронеж, 2007. – 24 с.

(Дата поступления: 30.10.2017).

Кароль Маргарыта

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, Мінск, Беларусь

Karol Marharyta

National Historical Archives of Belarus, Minsk, Belarus

УДК 94(476)«1863/1864»

**СУПРАЦІЎЛЕННЕ ПЕРАВОДУ Ў ПРАВАСЛАЎЕ
КАТАЛІЦКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ
ПАСЛЯ ПАЎСТАННЯ 1863–1864 ГАДОЎ: ВОБРАЗ
«ПАДБУХТОРШЧЫКАЎ» У РАСІЙСКИМ АФІЦЫЙНЫМ
ДЫСКУРСЕ**

**THE RESISTANCE OF THE CATHOLIC POPULATION OF
THE BELARUSIAN PROVINCES TO THE CONVERSION
TO ORTHODOXY AFTER THE 1863–1864 UPRISING: THE IMAGE
OF «INSTIGATORS» IN THE RUSSIAN OFFICIAL DISCOURSE**

У артыкуле разглядаецца рэакцыя расійскіх улад на выпадкі супраціўлення прымусоваму пераводу ў праваслаўе пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гадоў. Адзначаецца, што мясцовая адміністрацыя адмаўляла былым каталікам і ўніятам (пераважна сялянам) у актыўнай ролі ў адстойванні ранейшага веравызнання і ўскладала адказнасць за непадпарадкаванне на разнастайныя групы «падбухторшчыкаў». Галоўнымі сярод іх лічыліся ксяндзы, шляхта і мясцовыя грамадскія актывісты, якія маглі не належаць да прывіляваных саслоўяў. Аўтар прыходзіць да высновы, што часцей за ўсё галоўнымі арганізатарамі супраціўлення пераводу ў праваслаўе з'яўляліся не знешнія падбухторшчыкі, а самі сяляне.

Ключавыя словы: канфесійная гісторыя; рымска-каталіцкі касцёл; праслаўная царква; міжканфесійныя пераходы; Расійская імперыя; рэлігійная канверсія.

The article examines the reaction of Russian authorities to cases of resistance to compulsory conversion to Orthodoxy after the suppression of the uprising of 1863-1864. It is noted that the local administration denied the former Catholics and Uniates (mostly peasants) an active role in upholding the former religion and attributed responsibility for disobedience to various groups of «instigators». The main among them were the priests, nobles and local social activists, who could not belong to the privileged classes. The author comes to the conclusion that most often the main organizers of the resistance to the transfer to Orthodoxy were not external instigators, but the peasants themselves.

Keywords: confessional history; Roman Catholic Church; Orthodox Church; interfaith transition; Russian Empire; religious conversions.

Пасля паўстання 1863–1864 гадоў расійскія ўлады актывізавалі палітыку па пераводзе насельніцтва (пераважна сялянскага) з каталіцызму ў праваслаўе, якая амаль адразу сустрэла супраціўленне тых, на каго была накіравана. Пры гэтым расійская адміністрацыя адмаўляла сялянам у актыўнай ролі ў адстойванні ранейшага веравызнання і ўскладала адказнасць за непадпарадкаванне на разнастайныя групы «падбухторшчыкаў»¹ [1, р. 171]. Галоўнымі сярод іх, на думку ўлад, з’яўляліся ксяндзы, шляхта і мясцовыя грамадскія актывісты, якія маглі не належаць да прывілеяваных саслоўяў, а паходзіць з мяшчан або нават уласна сялян.

Нягледзячы на тое, што, паводле афіцыйнага меркавання², галоўнымі «падбухторшчыкамі» з’яўляліся «фанатычна настроеныя» ксяндзы [2, арк. 1 адв.; 3, арк. 2], часта завадатарамі супраціўлення былі самі сяляне. У такіх выпадках улады імкнуліся адшукаць арганізатараў пратэсту. Калі былыя парафіяне закрытага Ішкалдскага касцёла (Навагрудскі павет) звярнуліся ў Дэпартамент духоўных спраў замежнага веравызнання ў 1876 годзе з просьбай вярнуць ім названы касцёл, мясцовай адміністрацыяй было праведзена следства па пошуку «зачыншчыкаў і падбухторшчыкаў». Само прашэнне было адхілена, а падбухторшчыкамі прызнаны мешчанін мястэчка Ішкалдзь Карл Хвошч і селянін Іван Адамовіч, якія былі ўпаўнаважаныя іншымі сялянамі падаць гэтае прашэнне [4, арк. 4].

Падчас следства аб непадпарадкаванні сялян у вёсцы Хатава Тонава-Слабодскага прыходу мінскі губернатар В. І. Чарыкаў загадаў правесці негалоснае дазнанне аб падбухторванні сялян з боку іх аднавяскоўцаў

¹ «Падбухторшчыкамі» (рус. – «подстрекателями») у афіцыйным справядстве называліся людзі, якіх улады лічылі адказнымі за непадпарадкаванне пераводу ў праваслаўе.

² Афіцыйны погляд на каталіцкіх святароў як арганізатараў супраціўлення быў прыняты і ў гістарыяграфіі [7, с. 53–58; 8, с. 289–302].

Юзафа Ярмалкевіча, Вінцэнта Томкі і інш. [5, арк. 8]. У вёсцы Лапаравічы ў 1875 годзе ў якасці падбухторшчыкаў былі вылучаны Міхал Казак і Андрэй Татарын, падставай для гэтага стала тое, што яны неаднаразова звярталіся з прашэннямі аб вяртанні ў рыма-каталіцызм [6, арк. 23].

Паводле даклада міравога пасрэдніка ад 9 чэрвеня 1876 года, падчас рэвізіі да яго звярнулася вельмі шмат сялян з просьбай вызваліць іх ад «ганенняў» з боку мясцовага праваслаўнага святара. Гэтыя «ганенні» прывялі да таго, што сяляне сталі адмаўляцца запрашаць яго для выканання рэлігійных абрадаў і праводзілі пахаванні без святара. Раз'юшанасць сялян была такой моцнай, што яны не хаваючыся абражалі праваслаўнага святара, які не карыстаўся сярод іх аўтарытэтам [6, арк. 32]. У той самай мясцовасці жыў Леанард-Рыгор Іванавіч Бараноўскі, які, на думку ўлад, з'яўляўся галоўным падбухторшчыкам мясцовых жыхароў. Паводле меркавання пасрэдніка, Бараноўскі быў павераным сялян, а таксама «эксплуатуе іх, развівае паклёпніцтва і распальвае пачуцці і без таго ўжо незадаволеннага сялянскага саслоўя» [6, арк. 33]. На думку ўлад, Л.-Р. Бараноўскі зарабляў грошы напісаннем прашэнняў ад імя сялян. У выніку спраўнік прапанаваў выслаць Л.-Р. Бараноўскага ў аддаленыя губерні Расійскай імперыі як асобу «шкодную ў асяродку сялянскага насельніцтва» [6, арк. 52]. Акрамя Л. Бараноўскага, падбухторшчыкі расшукваліся і ў асяродку саміх сялян, якія падавалі прашэнні з Тонава-Слабодскага прыходу. Імі былі прызнаны сяляне вёскі Хатава Антоні Багданкевіч, вёскі Жыдавічы Антоні Чарняўскі і вёскі Лапаравічы Міхал Казак. Іх характарызувалі як галоўных «падбухторшчыкаў» сялян да ўхілення ад выканання абрадаў праваслаўнай веры [6, арк. 67]. А. Чарняўскі і А. Багданкевіч былі сасланы ў Валагодскую губерню пад нагляд паліцыі [6, арк. 76–76 адв.].

Гучная справа па пошуку падбухторшчыкаў была распачата ў мястэчку Волма Мінскага павета. Пасля закрыцця касцёла і пераводу насельніцтва ў праваслаўе адміністрацыя і мясцовы святар Міхаіл Валачкевіч сустрэлі актыўнае супраціўленне з боку жыхароў воласці. Епіскап мінскі і бабруйскі паведамляў аб атрыманых звестках ад станыкаўскага благачыннага аб сялянах вёсак Сурцыны і Хімароды Іване Антонавічы Чарняўскім і Іване Іосіфавічы Хімароду, якія першапачаткова выконвалі абрады праваслаўнай веры, а пасля, у выніку падбухторвання нядобранадзейных людзей, перасталі хадзіць у царкву, пакідалі без хрышчэння народжаных дзяцей і самастойна хавалі памерлых. Таму, на яго думку, неабходна даслаць у Валмянскі прыход чыноўніка, які правядзе следства і пошук падбухторшчыка, а таксама патлумачыць разам з духавенствам, што яны не могуць вярнуцца ў каталіцызм, а Валмянская царква ніколі не будзе ператворана назад у касцёл. У выніку ў Волму быў накіраваны чыноўнік для правядзення расследавання [9, арк. 6]. Паводле рапарта міравога пасрэдніка ад 21 сакавіка 1869 года, быў выяўлены галоўны падбухторшчык – селянін Іван Лапа. Ён быў абвінавачаны

ў зборы грошай для напісання хадайніцтваў аб захаванні ў каталіцызме і накіраваны ў Мінск для далейшага разбіральніцтва.

Аднак нават у выпадках, калі ўлады відавочна разумелі, што арганізатарамі супраціўлення з'яўляліся самі сяляне, яны спрабавалі прыцягнуць да адказнасці і ксяндзоў суседніх парафій. Так, у 1875 годзе ў сувязі з валмянскімі пратэстамі была распачата справа супраць ракаўскага ксяндза Адама Пласкавіцкага [3, арк. 2].

Нежаданне сялян заставацца ў праваслаўі часам прыводзіла да цяжкасцей у ажыццяўленні пэўных адміністрацыйных працэдур. Так, судовы следчы Мінскага павета падчас следства па справе аб «крадзяжы бульбы ў Шулінскага і Ігнатовіча» не змог правесці неабходны допыт сведак. Сяляне вёскі Якуты Валмянскай сельскай грамады адмовіліся выканаць прысягу, абгрунтоўваючы гэта тым, што былі гвалтоўна запісаны ў праваслаўе, а таму не жадаюць прысягаць святару, а патрабуюць для гэтага ксяндза Ракаўскага касцёла. Калі следчы прыгразіў штрафамі, незадаволенасць сунялася, але затым зноў аднавілася. Сярод сялян найбольш актыўна выказваўся Іван Грыгаровіч. Па словах следчага, на спробы яго супакоіць І. Грыгаровіч адказваў «дзёрзка і нахабна». Значны маральны аўтарытэт І. Грыгаровіча і яго роля завадатара ў справе непадпарадкавання падкрэслівалася тым, што толькі пасля яго сыходу іншыя вясцоўцы выканалі прысягу [9, арк. 17 адв.].

Святар Валмянскай царквы Міхаіл Валачкевіч у 1869 годзе паведамляў аб нежаданні жыхароў Волмы хадзіць у праваслаўную царкву, бо, паводле чутак, памешчык Ваньковіч будзе будаваць у сваім фальварку Набароўшчына каменны касцёл, да якога будуць належаць усе парафіяне ліквідаванага Івянецкага касцёла [10, арк. 20 адв.]. Ён таксама адзначаў, што сяляне кпілі з царкоўнага старасты Адама Трызны за здзяйсненне абрадаў паводле правілаў праваслаўнай веры і казалі: «Ды і нас цяпер просяць, а мы і слухаць не хочам, вось было два чыноўнікі, якія прызналі нас каталікамі» [9, арк. 20 адв.]. Падбухторшчыкамі да непаслушэнства былі прызнаны Адам Лапа і Юры Прыстрома, якія распусцілі чуткі пра тое, што тыя, хто не быў на споведзі ў 1869 годзе, застануцца ў каталіцызме і што быццам бы гэта сказана А. Лапу і Ю. Прыстрому «епіскапам Вайткевічам» [9, арк. 23 адв.].

Вялікую ролю ў «валмянскай справе» адыгрывалі і чуткі, якія распаўсюджваліся сярод насельніцтва і ўплывалі на іх нежаданне выконваць абрады паводле правілаў праваслаўнай веры. Пасля далучэння Валмянскай воласці да Вялікасельскага праўлення мясцовае насельніцтва было ўсцешана гэтым фактам, бо лічыла, што цяпер да іх перастануць ездзіць чыноўнікі, а ў святара не будзе магчымасці часта праводзіць з імі размовы аб неабходнасці выканання праваслаўных абрадаў. Апроч таго, яны спасылаліся на невядомага чалавека, які прычыніўся да закрыцця праўлення, і што менавіта ён дапаможа ім у хуткім часе далучыцца да

парафіі Ракаўскага касцёла. Нарэшце, сяляне распаўсюджвалі чуткі аб «вядомым ім чалавеку», які адчыніць у Волме касцёл. У выніку менавіта з-за распаўсюджвання чутак на адну з нядзельных службаў ніхто не прыйшоў [9, арк. 39–39 адв.].

На думку чыноўнікаў, якія праводзілі следства, было дзве прычыны, паводле якіх адбываліся хваляванні ў Слабодскай і Велікасельскай валасцях. Па-першае, значную ролю ў гэтым гралі мясцовыя ксяндзы, якія хрысцілі паводле рыма-каталіцкага абраду дзяцей новадалучаных у праваслаўе, здзяйснялі трэбы і папракалі новадалучаных за пераход. Па-другое, тое, што сярод сялян ёсць асобы, якія моцна настроены супраць праваслаўя, уплываюць на свой асяродак і падбухторваюць аднавяскоўцаў не хадзіць да споведзі, а некаторыя з іх нават займаюцца напісаннем прашэнняў і распаўсюджаннем такім чынам сярод людзей чутак [9, арк. 54 адв.].

Паводле паведамлення епіскапа Аляксандра мінскаму губернатару, было праведзена следства для пошуку падбухторшчыкаў з ліку ксяндзоў і памешчыкаў. У выніку аўтарам аднаго з прашэнняў апынуўся лёкай памешчыка Ваньковіча. У далейшым вінаватымі ў напісанні прашэнняў былі прызнаны селянін Квяткоўскі і унтэр-афіцэр Станіслаў Савіцкі, якія былі прысуджаны да турэмнага зняволення і штрафу. За распаўсюджанне чутак аб тым, што былы міравы пасрэднік быў звольнены за далучэнне сялян да праваслаўя і закрыццё касцёла, мясцовы памешчык Пратасевіч быў зняволены ў крэпасць. Што датычыцца памешчыка Л. Ваньковіча, то ён быў прызнаны невінаватым [9, арк. 59 адв., 77].

Асаблівую пагрозу адміністрацыя расійскай імперыі бачыла ў каталіках, якія жылі ў асяродку «новадалучаных» [11, с. 431–433]. Часта яны карысталіся вялікім аўтарытэтам сярод мясцовых жыхароў і маглі ўплываць на фарміраванне іх грамадскай думкі. Улады імкнуліся ўсімі магчымымі сіламі перавесці такіх асабліва адданых вернікаў у праваслаўе або выслать у аддаленыя рэгіёны Расійскай імперыі. Адзін з такіх выпадкаў адбыўся ў Ракаўскай воласці Мінскага павета. Паводле рапарта мінскага ваенна-павятовага начальніка ад 12 студзеня 1866 года, жонка селяніна Людвіга Янчэўскага Іаана Андрэеўна, якая была праваслаўнага веравызнання, не пусціла ў дом праваслаўнага святара Якава Мацкевіча, патлумачыўшы гэта тым, што ёй забараніў муж. Паводле дадзеных з рапарта, муж і сын Янчэўскай былі вядомы сваім «фанатызмам», «нянавісцю» да ўсяго «рускага» і «палітычнай нядобранадзейнасцю». Яе сын Юльян Янчэўскі быў ужо аднойчы аштрафаваны на 25 рублёў срэбрам за «спакушэнне праваслаўных» [12, арк. 2]. Ваенны начальнік прапаноўваў выселіць Людвіга Янчэўскага разам з сынамі Юльянамі ва ўнутраныя губерні Расійскай імперыі, каб пазбегнуць яшчэ большай шкоды для праваслаўнага насельніцтва. Аднак цікавымі тут з'яўляюцца паказанні Іааны Янчэўскай. Жанчына адмаўлялася ад таго, што быццам бы не пу-

скаць праслаўнага святара ёй загадаў муж, і сцвярджала, што не прыняла святара з прычыны непрыбранага дома, а мужа нават не было дома і ён не мог загадваць не пускаць святара [12, арк. 2 адв.]. У сваю чаргу кардынальна адрозніваюцца паказанні святара Я. Мацкевіча. Ён сцвярджаў, што 5 студзеня, перад святам, І. Янчэўская не пуściла яго ў дом са словамі «каталіцкі лацінскі ксёндз не бывае ў нас дома, так і вы не ідзіце, не патрэбна» [12, арк. 3]. На думку святара, такім словам яе маглі навучыць толькі палітычна нядобранадзейныя муж і сыны. З паказанняў святара Я. Мацкевіча бачна, што Л. Янчэўскі са сваімі сынамі сімпатызавалі паўстанню. Апроч таго, Янчэўскія займаліся рамесніцтвам, мелі шчыльныя кантакты з сельскім насельніцтвам, таму, на думку святара, маглі «неадукаванаму народу ўнушаць свае бязглуздыя фанатычныя думкі, супярэчныя і шкодныя нашай Веры і Айчыне» [12, арк. 2].

Для фарміравання вобраза «падбухторшчыка» ў вачах расійскіх улад немалую ролю адыграла тое, што Юльян Янчэўскі атрымаў адукацыю ў «ссылнай па палітычнай справе» (за ўдзел у паўстанні 1863–1864 гадоў) памешчыцы Ганны Свентарэцкай [13, с. 513]. Гісторыя мела працяг. У 1869 годзе Людвіг Янчэўскі падаў прашэнне, у якім пісаў, што ён, ягоныя бацька і дзед заўжды вызнавалі рыма-каталіцкую веру і належалі да Ракаўскай рыма-каталіцкай парафіі. У 1837 годзе ён узяў шлюб з Іаанай Ступкевіч, на той момант уніяцкага веравызнання. У адпаведнасці з тагачаснымі законамі іх сыны былі ахрышчаныя ў каталіцтва, а дачкі – ва ўніяцтва. Аднак у 1868 годзе святар Я. Мацкевіч загадаў Ракаўскаму валасному праўленню, каб Янчэўскі разам з сынамі дастаўляліся да яго кожную суботу і нядзелю для пераконвання ў неабходнасці пераходу ў праслаўную веру [14, арк. 1 адв.].

Епіскап мінскі і бабруйскі Аляксандр прапаноўваў выдаліць з вёскі Хатава селяніна Нікадзіма Чашко, які падбухторваў новадалучаных сялян не выконваць абрады паводле правілаў праслаўнай веры [15, арк. 1]. Пры гэтым Н. Чашко характарызаваўся як чалавек заможны, які карыстаецца ўплывам сярод іншых жыхароў вёскі. У снежні 1868 года Н. Чашко ў прысутнасці мясцовага святара, валаснога старшыні і сельскіх старастаў заявіў, што, нягледзячы на тое, што ён быў далучаны да праслаўя, ён не будзе наведваць праслаўную царкву [15, арк. 1 адв.]. У выніку было вырашана накіраваць Н. Чашко да святара для перакананняў і размоў, а ў выпадку, гэта калі не дапаможа, то будзе асуджаны «паводле закону» [15, арк. 8 адв.].

Падобны выпадак здарыўся з селянінам мястэчка Клецк Слуцкага павета Адамам Якімовічам, якога абвінавацілі ў асуджэнні праслаўнай веры і «спакушэнні ў лацінства» [16, арк. 2]. Паводле рашэння суда, А. Якімовіч быў вызвалены ад пакарання. Аднак, прыняўшы 25 лютага 1867 года праслаўе, ён працягваў ухільца ад выканання абрадаў праслаўнай веры і трэб, з-за чаго ўладамі было вырашана ўсталяваць за ім паліцэйскі нагляд [16, арк. 8].

У вёсках Вядзьма і Навасёлкі Навагрудскага павета станавым прыставам Юсіфам Рыхліцкім у 1869 годзе было выяўлена «шмат асоб польскай шляхты і ксяндзоў», якія падбухторвалі сялян не звяртацца да праваслаўнага святара па духоўныя трэбы [17, арк. 1–1 адв.]. Аднак у выніку аказалася, што ініцыятарамі непадпарадкавання былі самі сяляне Вядзьменскай і Навасельскай грамад Дараўскай воласці. Калі распаўсюдзіліся чуткі пра магчымасць вярнуцца ў рыма-каталіцтва, Ігнат Буцко, Кароль Ястрамбінскі і ўнтэр-афіцэр Адам Лойка накіраваліся ў Мінск з намерам прынесці прашэнне губернатару. Па дарозе ў мястэчку Койданава яны сустрэлі незнаёмага чалавека, які 5 ліпеня 1869 года напісаў ім прашэнне. Іх аднавяскоўцы сведчылі, што прашэнне, якое яны падалі 11 ліпеня таго ж года, напісаў таксама ім незнаёмы чалавек у мястэчку Ляхавічы Слуцкага павета. Сяляне сцвярджалі, што пісаць прашэнні іх ніхто не падбухторваў, але пры гэтым адмаўлялі напісаную ў гэтых прашэннях інфармацыю, быццам бы яны казалі пра гвалтоўнае далучэнне да праваслаўе, збіццё нагайкамі і г. д. [17, арк. 5]. У ходзе следства высветлілася, што абодва прашэнні напісаныя рукою аднаго чалавека, а менавіта няпоўнагадовага сына памешчыка Алаізія Міладоўскага. Апроч гэтага, падазраваліся памешчык Ігнат Яцкоўскі, удзельнік паўстання 1830–1831 гадоў, і ягоная сястра, якія пражывалі на хутары Кулік недалёка ад вёсак Вядзьмы і Навасёлкі і бралі ўдзел у хрышчэнні дзяцей сялян Казіміра Сянькоўскага і А. Лойкі паводле каталіцкага абраду [17, арк. 5 адв.].

Правакатарамі, на думку афіцыйных уладаў, маглі быць і людзі без актыўнай грамадзянскай пазіцыі, якія не былі заўважаны ў падбухторванні іншых да пераходу ў каталіцызм, але займалі важную пасаду і маглі мець уплыў на насельніцтва. У 1867 годзе менавіта ў сувязі з гэтым знялі з пасады старшыню Каханавіцкай воласці Дрысенскага павета Захара Гаўрылавіча Мятліцкага [18, арк. 1]. З. Г. Мятліцкі нарадзіўся ў сям’і праваслаўнага Гаўрылы Чырвонца, але ягоным сапраўдным бацькам быў каталік Феліцыян Мятліцкі, які памёр за два месяцы да яго нараджэння, а маці Захара Алена, якая таксама была каталічкай, выйшла замуж за Г. Чырвонца. Прынамсі, так прадстаўляў сваё паходжанне сам Мятліцкі. Ягонныя словы пацвярджаюцца сямейнымі спісамі, дзе ён паказаны як зводны брат Яўстафія Феліцыянавіча Мятліцкага. Сам Захар Мятліцкі лічыў сябе каталіком, з 1854 года перастаў наведваць Каханавіцкую царкву і хадзіў на споведзь да ксяндза Асвейскага касцёла. У спісах парафіянаў Асвейскага касцёла за 1853 год маецца запіс пра жыхара вёскі Вышнарава Яўстафія Мятліцкага [19, арк. 55 адв.], але пазнакі пра наведванне споведзі ў касцёле самім Захарам Мятліцкім адсутнічаюць, верагодна, таму што ксёндз прымаў яго таемна (як фармальна праваслаўнага). Нягледзячы на тое, што З. Г. Мятліцкі не быў прызнаны вінаватым у сваім пераходзе ў каталіцызм або «спакушэнні» іншых парафіян Каханавіцкай царквы, было вырашана, што ён не можа займаць пасаду старшыні сель-

скай грамады як асоба, якая будзе мець шкодныя ўплывы на «неразумныя асобы непісьменных і неразвітых сялян» [18, арк. 5].

Расійская адміністрацыя паслядоўна апісвала беларускае сялянства як няздольнае да свядомага канфесійнага выбару, пасіўную масу, якая паддаецца знешнім уплывам пры выбары на карысць каталіцызму. Вельмі яркава такі падыход пададзены ў данясенні віленскаму генерал-губернатару К. П. фон Каўфману ад 4 ліпеня 1865 года. У ім адзначаецца, што ў касцёл сяляне нібыта ішлі праз арганную музыку, прыгожы знешні выгляд і зручнасць размяшчэння: «Вабіць іх прыгажосць, якая заслання сабой убогія царквы, і гукі аргана, і яшчэ тая акалічнасць, што таргі, базары, кірмашы паводле здаўна мэтанакіравана ўведзенага каталіцкай прапагандай парадку пераважна размяшчаюцца паблізу касцёлаў» [20, арк. 1 адв.].

На практыцы мясцовыя чыноўнікі і паліцэйскія нярэдка сутыкаліся са свядомым супраціўленнем пераводу ў праваслаўе. У такіх выпадках пры разглядзе прашэнняў былых каталікоў (або ўніятаў) вялікая ўвага надавалася пошуку «падбухторшчыкаў», якія маглі агітаваць «новадлучаных» на напісанне прашэнняў аб вяртанні іх у рыма-каталіцтва. У першую чаргу «падбухторшчыкаў» шукалі ў асяроддзі ксяндзоў бліжэйшых касцёлаў або шляхты. Аднак часцей здараліся выпадкі, калі «падбухторшчыкамі» аказваліся самі мясцовыя сяляне. Пераважна гэта былі людзі заможныя, з пэўнай адукацыяй, былыя вайскоўцы ці службоўцы, якія карысталіся аўтарытэтам і павагай у сваім асяроддзі. Гэта ўказвае на тое, што сяляне не былі пасіўнай масай, а актыўна адстойвалі сваю канфесійную ідэнтычнасць.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Staliunas, D. Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863 / D. Staliunas.* – Amsterdam; New York: Rodopi B. V., 2007. – 465 p.

2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (НГАБ). – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 2184. – Ведамасці аб колькасці святароў і вернікаў у рымска-каталіцкіх парафіях па Мінскай і Ковенскай губернях. 18.06.1870 – 12.12.1872. – 158 арк.

3. НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 2795. – Справа аб супрацьзаконных дзеяннях ксяндза Ракаўскага касцёла Пласкавіцкага. 06.09.1875 – 10.09.1875. – 7 арк.

4. НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 3063. – Справа аб усталяванні нагляду паліцыі за арганістамі Хвошчам і Адамовічам, якія праводзілі агітацыю сярод сялян за вяртанне касцёла, перададзенага ў праваслаўнае ведамства. 21.06.1876 – 13.09.1876. – 7 арк.

5. НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 2801. – Справа аб дазволе сялянам вёскі Хатава Мінскага павета вызнаваць рыма-каталіцкую веру. 17.10.1875 – 27.09.1876. – 126 арк.

6. НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 2798. – Справа па прашэнні сялян вёскі Лапаравічы Мінскага павета аб дазvole ім перайсці з праваслаўнай веры ў рыма-каталіцкую. 24.06.1874 – 06.01.1875. – 15 арк.

7. *Бендин, А. Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск: БГУ, 2010. – 440 с.

8. *Извеков, Н. Д.* Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839 по 1889 г. / Н. Д. Извеков. – Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1899. – 522 с.

9. НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 2015. – Справа аб невыкананні прыхаджанами Валмянскай царквы абрадаў праваслаўнай царквы. 12.01.1869 – 05.01.1871. – 176 арк.

10. НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 2176. – Справа аб прыняцці мінскімі ксяндзамі на споведзь сялян Валмянскай воласці, якія былі далучаны да праваслаўя. 1870 г. – 5 арк.

11. *Долбилов, М. Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. – Москва: Новое Литературное Обозрение, 2010. – 999 с.

12. НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 1813. – Рапарт ваеннага начальніка Мінскага павета аб часоваабавязаным селяніне Л. Янчэўскім, ваража настроеным супраць праваслаўнай веры і палітычна нядобранадзейным. 1866 г. – 12 арк.

13. *Матвейчык, Д. Ч.* Уздзельнікі паўстання 1863–1864 гадоў: біяграфічны слоўнік (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / Д. Ч. Матвейчык. – Мінск: Беларусь, 2016. – 735 с.

14. НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 2007. – Аб прымушэнні да прыняцця праваслаўнага веравызнання мешчаніна м. Ракаў Л. Янчэўскага разам з сям’ёй. 1869 г. – 3 арк.

15. НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 2010. – Справа аб абвінавачванні селяніна Мінскага павета Чашко ў агітацыі новадалучаных сялян в. Хагава супраць выканання абрадаў праваслаўнай веры. 10.01.1869 – 30.01.1869. – 8 арк.

16. НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 1962. – Справа аб селяніне Якімовічы, які абвінавачваўся ў ганьбаванні праваслаўнай веры і пераходзе ў каталіцызм. 1868 г. – 4 арк.

17. НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 2009. – Справа аб абвінавачванні селяніна Ракліцкага ў агітацыі супраць праваслаўнай веры. 24.10.1869 – 20.04.1870. – 7 арк.

18. НГАБ. – Фонд 1430. – Воп. 1. – Спр. 33551. – Справа аб старшыні Каханавіцкай воласці Захары Гаўрылаве, які перайшоў з праваслаўя ў каталіцызм. 21.08.1867 – 19.09.1867. – 5 арк.

19. НГАБ. – Фонд 1781. – Воп. 38. – Спр. Ф.930. – Спісы парафіян Асвейскай парафіі Віцебскай губерні Дрысенскага павета. 1853 г. – 68 арк.

20. НГАБ. – Фонд 1430. – Воп. 1. – Спр. 31875. – Справа паводле распаўсюджвання вышэйшага начальніка адносна зацвярджэння ў губерні праваслаўя і абмежаванні рыма-каталіцкай прапаганды. 04.07.1865 – 11.11.1865. – 28 арк.

(Дата паступлення: 22.09.2017).

Карпечанка Ганна

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

Karpetchanko Hanna

Belarusian State University, Minsk, Belarus

УДК 94(476:330.3)«18/19»

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАЕ РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКІХ МАЁТКАЎ ТЫШКЕВІЧАЎ У XIX – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN ESTATES OF TYSZKIEWICZ IN XIX – EARLY XX CENTURIES

Артыкул прысвечаны сацыяльна-эканамічнаму развіццю маёнткаў Тышкевічаў-Каляніцкіх на тэрыторыі сучаснай Беларусі, да якіх адносіліся Лагойск, Валожын, Пяршаі, Астрашыцкі Гарадок, Косін, Свіслач, Плешчаныцы і г. д. Удакладнены факты аб рабоце фабрык і бровараў, праходзячых кірмашах, працы гімназій і г. д. Разглядаюцца рэзідэнцыі, якія сталі культурнымі асяродкамі за кошт стварэння тэатраў, збіральніцтва калекцый старажытнасцей і рэчаў мастацтва, захавання сямейных архіваў і г. д.

Ключавыя словы: маёнтак; фальварак; калекцыя мастацтва; збор старажытнасцей; архіў; прыватнаўласніцкі тэатр; бровар; кірмаш; карчма; прыватнаўласніцкая паліцэйская варта.

The article is devoted to socio-economic development of estates of Tyszkiewicz-Kalenitski on the territory of modern Belarus which belonged Logoisk, Volozhin, Piarshai, Ostroshitsky Gorodok, Kosin, Svisloch, Pleshchenitsy, etc. Clarified the facts about factories and plants, held fairs, the work of the school, etc. Discusses residence, which became the cultural centers through the creation of theaters, assembly of collections of antiquities and art objects, storing the family archives, etc.

Keywords: estate; folvarok; art collection; collection of antiquities; archive; privately owned theatre; distillery; fair; tavern; privately owned police guard.

У асноўным уладарамі з роду Тышкевічаў беларускіх маёнткаў у XIX стагоддзі былі прадстаўнікі графскай галіны – Тышкевічы-Каляніцкія, бо апошні прадстаўнік Скумінаў-Тышкевічаў па мужчынскай галіне Людвік памёр у 1808 годзе, а галіны Міхала і Габрыэля згаслі ці здрабнелі яшчэ раней. Таму ў артыкуле разглядаюцца маёнткі менавіта графскай галіны, якая, у сваю чаргу, таксама падзялялася на больш дробныя лініі.

Пра Лагойск часоў Пія, Канстанціна і Яўстафія Тышкевічаў існуе дастаткова шмат звестак, як, напрыклад, падарожжа П. Шпілеўскага [1], падчас якога ў мястэчку было 1532 жыхары. Там знаходзіліся тры вялікія заяздныя дамы, млын, заснаваная ў 1837 годзе Канстанцінам Тышкевічам фабрыка папяровых і ільняных вырабаў, ліцейная, крэдытны банк, міне-

ральныя жалезныя і серныя крыніцы, сямейны архіў Тышкевічаў і калекцыя старажытнасцяў. З 1673 года ў Лагойску па нядзелях праходзілі таргі і штогод па тры невялікія кірмашы [1, с. 173–174].

У маі 1842 года трацейскім судом быў зацверджаны падзел маёмасці Пія Тышкевіча паміж сынамі на тры часткі. Да першай належалі лагойскі маёнтак з мястэчкам і вёскай Свідна, фальварак Луцаўшчызна з вёскамі Загор’ем, Рудняй, Гасцілавічамі і Загароддзем. Усяго там было зарэгістравана 458 рэвізскіх душ мужскога полу. Гэта частка валоданняў Пія пераходзіла да яго старэйшага сына Канстанціна. Другую – фальварак Антопаль з вёскамі Антопалем, Юр’евам, Сутокамі, Баб’ім Лесам, Лядамі, Арловам, Бродняю і Філіянавым з 376 рэвізскімі душама – павінен быў атрымаць Яўстафій пасля смерці бацькі ці ў выніку асобнага рашэння апошняга, а да гэтага часу Пій павінен быў выплаціць даўгі, што ляжалі на той маёмасці, Яўстафій жа атрымліваў штогод 1000 рублёў срэбрам. Трэцюю частку – фальваркі Слаўгошча, Слабада і Ніўкі, вёскі Пархоў, Панізоўе, Ніўкі, Хоцін, Губа, Слаўгошча, Чараховічы і Млынак Баровы з 232 рэвізскімі душама – Пій Тышкевіч пакінуў сабе. Пасля яго смерці сыны атрымлівалі магчымасць падзяліць тую маёмасць пароўну, як і аплату даўгоў, што застануцца пасля бацькі [2, арк. 1–2]. Трэцяга сына Пія Тышкевіча Фларыяна ўжо не было ўжывых, аднак узгадвалася адзіная дачка Пія Цэліна, якая на той момант ужо была Шадурскай: «...по выданному ей в тысяча восемсот тридцать восьмом году, двадцатого апреля крепостному акту, уступил фольварок Сыцевичи с деревнями Сыцевичами, Заозержем, Подонками и Лужками, для того предостереч, что она до оставшагося после его имени никакой претензии иметь и ничего более требовать не может» [2, арк. 2].

Пій Тышкевіч не абмінуў і падзелу рухомай маёмасці. Частка срэбра была падзелена ім раней між сынамі. Рэшта засталася ў ягоным пажыццёвым карыстанні, як і мэбля са скацінай. Пасля смерці бацькі рухомая маёмасць таксама павінна была быць роўна падзелена між сынамі [2, арк. 27].

Прыватныя даўгі і пазыкі банкаў бацькі таксама пераходзілі на сыноў: «Графу Иосифу Тышкевичу принадлежит две тысячи червонных, помещикам Одинцам тысяча червонцев, Г. Войсяту три тысячи рублей серебром и Купчихе Мирке Шарлотовой две тысячи рублей серебром ... находится ещё банкового долга по двум займам первому: ... на Восемдесят четыре тысячи семсот пятьдесят рублей ассигнациями, или же по переложению на серебро: Двадцать четыре тысячи двести десять рублей, от которых следует платить ежегодно по тысяче четыреста пятьдесят два рубля шестьдесят копеек серебром, и второму ... на Восем тысяч семдесят рублей серебром, в счет которых платится в год проценты па четырста восемьдесят четыре рубля двадцать копеек серебром» [2, арк. 3].

Аднак у 1852 годзе частка спадчыны паміж братамі была пераразмеркавана: «По добровольному условию между нами учиненному, я Ев-

стафий Тышкевич с имения моего Антополь, Минской Губернии в Борисовском уезде состоящего, доставшегося мне по Дарственной записи Отца нашего Графа Пиуса Тышкевича нам двум братьям ... продал в вечное потомственное владение, брату моему Константину Тышкевичу фольварок Славгоще, с деревнями Славгоще, Губа, Хотин, и Боровый Млынок с 52 ревизскими мужска пола душами за 6400 руб; а жене его Паулине Тышкевичевой фольварок Слободку с деревнями Понизово и Порхово заключающими 109 ревизских мужска пола душ за 13000 руб. серебром, не нарушая условия определения Третьейского Суда, по коиму представлено отцу нашему Пиусу Тышкевичу по день его жизни пользоваться доходами с сказанных двух фольварков» [3, арк. 1].

Лагойск у час панавання сына Канстанціна Тышкевіча Аскара ўжо не мог ганарыцца сваімі багатымі зборамі. Аскар не падзяляў любоў да навуковых пошукаў сайго бацькі і прадаў частку экспанатаў. Спробы ўнука Канстанціна Юзафа аднавіць калекцыю значных поспехаў не мелі [4, с. 99; 5, с. 94].

Аскар Тышкевіч таксама меў судовыя справы з яўрэйскім насельніцтвам Лагойска. У НГАБ засталіся звесткі аб некалькіх судовых справах паміж Аскарам Тышкевічам і яўрэем Міндэлем: «При рассмотрении уездным присутствием, в заседании 23 сентября минувшего года, заявления еврея Лейбы Минделя о признании за ним права на вечно чиншевое владение земельным участком в имении Логойск, Графа Оскара Тышкевича. Последний в опровержение претензии Минделя предъявил, заключенный 27 мая 1876 года, Минделем и поверенным вотчинника контракт об отдаче Минделю в трехлетнее арендное содержание того самого участка о признании коего чиншевым ходатайствовал заявитель. Тогда Миндель заявил спор о подлоге этого контракта...» [6, арк. 17]. У выніку «Окружный Суд, выслушав в судебном заседании 14 сего октября дело по спору о подлоге, заявленному Лейбою Минделем против контракта, предъявленного Графом Оскаром Тышкевичем, определил: спор о подлоге, заявленный Лейбою Минделем устранить, подвергнув его штрафу в размере 30 руб.» [6, арк. 6]. Такім чынам, дагавор быў прызнаны сапраўдным, а заяву Лейбы Міндэля пакінулі без наступстваў.

Летам 1896 года мінскаму губернатару была адпраўлена тэлеграма, падпісаная «жыхары Лагойска»: «Вчера (Оскар) Тышкевич забрал скот жителей Логойска местный пристав требует письменные удостоверения кому принадлежит скот, что невыполнимо другая сутки скот взаперти господает действия пристава превышают власть дела, споры о пастьбе вне обязанности полиции, скот все состояние населения ожидаем милостивой телеграфной резолюции Вашего Сиятельства иначе мы погибли» [7, арк. 6]. Справа была разгледжана, і барысаўскі павятовы спраўнік неўзабаве падаў рапарт мінскаму губернатару, дзе адзначалася, што 5 ліпеня 1896 года адміністрацыя лагойскага маёнтка забрала з леса, які

належаў да таго ж маёнтка, жывёл (47 кароў і 80 коз), уласнікамі якіх былі габрэі і пасліся там самавольна. Адміністрацыя звярнулася да паліцэйскага наглядчыка за дапамогай ва ўсталяванні ўладальнікаў скаціны, бо тым гаспадарам пагражаў судовы пераслед за самавольны выпас. Уладальнікі жывёл натоўпам прыйшлі ў станавую кватэру з патрабаваннем вярнуць ім кароў і коз. Габрэі адмовіліся называць свае імёны і прозвішчы, аргументуючы гэта тым, што скаціна належыць не толькі натоўпу, а ўсім жыхарам мястэчка Лагойск. Гірш Іцкаў Гольдфарб і Берка Гіршаў Мунвез паднялі ў станавай кватэры крык, наносілі абразу паліцэйскаму наглядчыку. За гэта на іх былі складзены пратаколы. У выніку ўладальнікі жывёл былі ўсё ж устаноўлены, і скаціна была ім вярнута [7, арк. 3–5].

На працягу двух год (люты 1906 – люты 1908) у Лагойску існавала прыватнаўласніцкая паліцэйская варта. У прашэнні Юзафа Тышкевіча мінскаму губернатару пазначалася наступнае: «По причине длящихся уже около двух месяцев аграрных беспорядков в моём имении Логойск Борисовского уезда, имею честь покорнейше просить, Ваше Превосходительство, об учреждении и сформировании на мои средства полицейской стражи состоящей из одного Урядника, 15 стражников старшего и 10 младшего Окладов» [8, арк. 2]. Для іх прасілі мінскага губерната зрабіць распараджэнне выслаць 25 драгунскіх вінтовак Бердана, 26 шапак, 1 рэвальвер Сміт-Вессон.

Паступова, па хадайніцтву адміністрацыі маёнтка, колькасць стражнікаў змяншалася. У хуткім часе прыватнаўласніцкая паліцэйская варта была ўвогуле расфарміравана: «Жалование этой страже администрация названного имения должна высылать в местное Казначейство заблаговременно, между тем деньги ... вносятся ... не своевременно и стражникам приходилось прослуживать почти по два месяца без жалования ... Служащим в имении стражникам по приказанию управляющего имением Гациского часто приходилось исполнять черновые работы и работы не относящиеся к служебным обязанностям стражи» [8, арк. 71].

Другім вядомым маёнткам на Беларусі быў Валожын. Юзаф Тышкевіч у кнізе «Тышкевічыана» падаў кароткія звесткі аб ім: «Уласнасць графа Міхала Тышкевіча, старая сямейная рэзідэнцыя, набыта ў 1803 годзе ад Чаргарыйскіх графам Юзафам Тышкевічам, старастам Вялятыцкім. Змяшчае сямейныя партрэты і іншыя малюнкі і верагодна нейкі архіў, бо маёнтак ужо дастаткова даўно належыць сям’і. У Валожыне была раней вядома школа Равінаў (Жыдоўская акадэмія). Налічвала некалькі сот вучняў з розных, нават далекіх краін, Аўстрыі, Англіі і нават Сірыі і Егіпту. Равіны славіліся вялікай навукай, адтуль нават прымаўка: вучоны як равін валожынскі» [9, с. 85]. Акадэмія праіснавала да пачатку 1892 года [10, с. 67.] «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» ўдакладняе, што Адам Чаргарыйскі атрымаў за Валожын 100 тыс. злотых, і ў мястэчку на той час было 2446 жыхароў [11, с. 210–211].

У. Сыракомля ў сваіх творах апісвае Валожын наступным чынам: «Валожын – сталіца так званага тутэйшага графства або ўласнасці графа Яна Тышкевіча, які мае ў ваколіцы некалькі фальваркаў, больш за дзесяць вёсак з насельніцтвам да чатырох тысяч мужчынскіх душ. Клапатлівы дзясч, відаць, меў на ўвазе становішча сялян, калі перад наступленнем права аб распрыгоненні люду на 843 хаты, што складаюць агульную масу ўласнасці, 560 былі ўжо ачыншаваны, і, як можна бачыць з афіцыйных крыніц, колькасць рабочай сілы і памер чыншу знаходзяцца ў адпаведнасці ... Самое мястэчка мала варта таго, каб яго аглядаць; тры ці чатыры карчмы, два ці тры мураваныя дамы, некалькі драўляных крамаў, дзе прадаюць толькі тыя прадметы, якія патрэбны землеўладальніку або адпавядаюць сціплым запатрабаванням вясковай сялянскай нявесты; драўляная царква, мураваная сінагога, некалькі рамеснікаў-жыдоў, сярод якіх нават майстры гадзіннікаў, пару прыстойнейшых дамоў, як, напрыклад, дом доктара, – вось і ўсё, што трапляе на вока» [12, с. 551–552].

У другой палове XIX стагоддзя Рускае геаграфічнае таварыства збірала звесткі аб некаторых населеных пунктах Беларусі. У справядзачы аб Валожыне адзначалася і правядзенне тут кірмашоў: «Здесь бываюць еженедельные базары (каждое воскресенье) и годовые ярмарки, в следующие времена года:

1) а) в Январе; б) на масляной; в) на второй неделе на пасхе; г) на второй неделе после троицы и д) 4-го октября.

2) на еженедельные базары народа собирается до 100 человек, а на ярмарки до 2-х тысяч.

3) На базарах, проводимых для сбыта товаров не бывает, кроме хлеба – в небольшом количестве, торговля производится в мелочных лавочках местных торговцев-евреев. На ярмарках так же как и на базарах, преимущественно торговцы евреи, которые для большего удобства выставляют свои товары на середину рыночной площади, сделав предварительно к этому шалашаши. Из местных произведений на ярмарках сбываются: хлеб, лен, пенька, льняное семя, разная хозяйственная посуда, употребляющаяся в крестьянском быту и скот, преимущественно лошади. Товаров, привозимых для сбыта из отдаленных местностей или городов не бывает. Оборот каждой ярмарки приблизительно бывает до одной тысячи рублей серебром.

4) Из всех произведений, привозимых на продажу, только лён, пенька и льняное семя сбывается за границу, в Пруссию, остальные произведения идут для местного потребления...» [13, с. 1–2].

Стан валожынскіх яўрэяў залежыў ад таго, каму належала мястэчка. Так, першым уладаром Валожына ў родзе Тышкевічаў Юзафам з імі ў 1809 годзе была заключана дамова, дзе прапісваліся правы і памеры падаткаў. Згодна з ёй зямля, якой валодалі яўрэі, абвясчалася іх уласнасцю і яны маглі перадаваць яе ў спадчыну. За гэта яны павінны былі

плаціць чынш. Падатку не плацілі за зямлю, на якой знаходзіліся сінагога, іешыва, шпіталь, лазні і могілкі. Валожынскія сяляне ж павінны былі набываць і прадаваць тавары толькі ў гэтым мястэчку, што таксама было на карысць яўрэям. Аднак унук Юзафа Ян Тышкевіч у 1840 годзе забараніў яўрэям будаваць у Валожыне дамы для продажу спіртных напояў, а тыя пабудовы, што ўжо існавалі, нельга было рамантаваць. У 1842 годзе валожынскі кагал падаў скаргу на Яна Тышкевіча, якая паклала пачатак судовым разбіральніцтвам, што цягнуліся 20 год. Справа скончылася на карысць яўрэяў, але некаторыя палажэнні дамовы 1809 года былі адменены [14, с. 19].

У 1782–1806 гадах на беразе ракі Валожынкі быў пабудаваны двухпавярховы цагляны палац, вытрыманы ў стыле класіцызму [15, с. 109]. Будынак захаваўся.

Адным з улюбёных заняткаў Тышкевічаў з Валожына было паляванне. Імі быў пабудаваны паляўнічы домік і зварынец, у якім напрыканцы XIX стагоддзя змяшчалася 100 ланяў [16, с. 102].

У 1855 годзе Валожын быў ахоплены эпідэміяй халеры. За перыяд ад 11 ліпеня па 30 жніўня ў Валожыне і наваколлях ад хваробы памерлі 242 мужчыны і 221 жанчына [17, арк. 3]. У гэты час таксама загінула 523 валы і 1237 непрацоўных жывёл [18, арк. 11], што прыкладна 66 % і 70 % ад усёй колькасці адпаведна.

Побач з Валожынам знаходзіцца мястэчка Пяршаі, якія да 1795 года былі ўласнасцю віленскіх біскупаў, а праз некаторы час перайшлі да сям'і Тышкевічаў [19, с. 99] і сталі летняй рэзідэнцыяй. У ДГАЛ знаходзіцца справа «Перечень музыкальных инструментов, переданных из Воложина в Першаи» з пазначанай на ім датай – 1848 год. Згодна з ёй музычная калекцыя, якая раней знаходзілася ў Валожыне, налічвала дзве вялікія латуневыя валторны, трубу без клапана, трамбон, два фэготы, эбенавую флейту з клапанам, тры кларнеты з самшыта, самшытавага габоя, сталёвы трохкутнік і г. д. [20, арк. 1]. У пяршайскім маёнтку знаходзіліся багатыя зборы з Чырвонага Двара, але яны загінулі ў выніку пажару. Таксама ў ім знаходзіўся сямейны архіў [9, с. 82].

Напрыканцы XIX стагоддзя ў склад сяла Пяршаі акрамя маёнтка ўваходзілі 59 двароў, царква, народнае вучылішча, аптэка, хлебазапасны магазін, крама і карчма [21, с. 16]. Асноўную частку насельніцтва таго часу складалі габрэі, якія займаліся дробным гандлем [19, с. 100].

Вёска Доры, якая знаходзіцца недалёка ад Пяршай і ў той час уваходзіла ў лік пяршайскіх уладанняў, з 1795 года таксама належала Тышкевічам. Напрыканцы XIX стагоддзя яна налічвала 32 двары, царкву, капліцу, школу, бровар і млын [22, с. 269].

Як пазначана ў адной са спраў НГАБ, у 40-х гадах XIX стагоддзя маёнткі Доры і Пяршаі з фальваркамі Старжынкi, Екацярындар і Баброўшчызна належалі Бенядзікту Тышкевічу [23, арк. 3]. Па звестках

ад 21 кастрычніка 1866 года, акрамя ўзгаданых маёнткаў у Мінскім павеце яму належалі яшчэ маёнткі Радзеяўшчызна і Сівіца, а да Пяршай адносіліся фальваркі Быліцкаўшчызна, Навінкі і Палікаўшчызна. У Пяршых на той момант знаходзілася карчма з гадавым даходам у 200 руб. Такую ж суму прыносілі дзве карчмы ў Дорах, дзе таксама знаходзіўся броварны завод (50 руб. у год). У Сівіцы знаходзіліся дзве карчмы з даходам 60 руб. Сярод уладанняў узгадалася і Баравікаўшчызна з млынам, карчмой, пільнай ды валюшняй, якія прыносілі даход у 600 руб. [24, арк. 1–2].

У 1899 годзе ў Даведцы па зводзе звестак аб пазямельнай уласнасці Мінскага павета пазначалася, што ў «...1890 год в имени Першай, Доры и др. Графа Венедикта Михайловича Тышкевича числится 2266 дес. 250 саж. удобной земли, 8698 дес. 1420 саж. леса и 1301½ дес. неудобной...» [25, арк. 4].

Гісторыя Астрашыцкага Гарадка XIX стагоддзя цесна звязана з імем падарожніка і калекцыянера Міхала Тышкевіча. У 1855 годзе ён пабудаваў там двухпавярховы палац [26], аднак пажар, які адбыўся ў 1860 годзе, нанёс яму вялікую шкоду. Побач з палацам размяшчаўся велізарны рамантычны парк і звярынец [27, с. 185], які часам станавіўся месцам палявання графа. Пры палацы існавала таксама каталіцкая капліца [28, с. 818].

Міхал Тышкевіч меў збор польскіх залатых і сярэбраных манет, частку якога ў 1854 годзе ён прадаў графу Эмерыку Гуттэн-Чапскаму [29].

У Астрашыцкім Гарадку знаходзілася шмат карцін фламандскай, французскай і іншых школ, а таксама тры вялікія альбомы акварэлі 1850–1860 гадоў. Некаторыя карціны былі прададзены ў Парыжы ў 1864 годзе, частку купіў Ян Тышкевіч і перавёз у Ваку. Малюнкi з альбомаў М. Тышкевіч раздорваў паасобку [30, с. 64; 9, с. 86].

У палацы Тышкевічаў змяшчаўся збор старажытных панцыраў XVI–XVII стагоддзяў, які знік у 1863 годзе [9, с. 86]; зброя; срэбны посуд XVIII стагоддзя; некалькі дзясяткаў польскіх і нямецкіх срэбных кубкаў; вырабы з фаянсу, фарфару, шкла [29]; архіў [31, с. 124], які быў перавезены ў Біржы.

У 1874 годзе Міхал Тышкевіч перадаў у Астрашыцкі Гарадок аднаму з сваіх сыноў: «...Представлено мне право передать ныне же младшему сыну моему Карнету Лейб-Гвардии Конного Полка Графу Ивану Михайловичу Тышкевичу наследственное мое имение Грудок, под общим онаго названием Грудечизна, Минской Губернии в Минском и Борисовском Уездах расположенное, с оставлением пожизненного сим имением владения за женою моею Графинею Мариєю Николаевою Тышкевичевою» [32, арк. 3]. У маёнтак на той момант уваходзілі фальваркі Мінскага павета Астрошыцы, Мар'янава, Цюдзяневічы, Карнілаўка, Анетава, Мар'янівль, Кудрэшчызна і Ізбор'е, а ў Барысаўскім павеце – Юзэфава, Тумароўшчызна, Камень і Косін [32, арк. 8]. Сам маёнтак быў ацэне-

ны ў 80 тыс. рублёў [33, арк. 5]. Аднак разам з уласнасцю Ян Тышкевіч і Марыя Радзівіл атрымалі і запазыкі бацькі і мужа: «Граф Тышкевич состоит должным здешней Сохранной Казне по займу 5 июля 1855 года в 57 780 руб. Под залог 16 431 дес. 77 саж земли ... Долгу по займу Графа Тышкевича числится ныне 16 010 руб. 20 коп., в том числе недоимки 1029 р. 10 коп.» [32, арк. 16].

Напрыканцы XIX стагоддзя ў Астрашыцкім Гарадку былі адчынены ўстановы для падрыхтоўкі ахаладжальных напояў Д. Х. Бярнштэйна [34, с. 4] і М. Н. Рабіновіча [35, с. 5], а ў пачатку XX стагоддзя А. Я. Адліванкіным быў атрыманы дазвол на адкрыццё аптэкі [36, с. 11].

У справе НГАБ «Дело о выдаче гр. М. Тышкевичу свидетельства о законном владении, отсутствии частных и казенных долгов, взысканий, исков и запрещений на им. Косин, Камень и Мильча Борисовского у.» узгадваюцца колькасць душ і зямельныя надзелы Міхала Тышкевіча з кашталянскай галіны: «Тысяча Восемсот Пятьдесят Пятого Года Марта Двадцать Третьего дня Прошение представляю копию раздельного документа учиненного между Михаилом, Иваном и Иосифом Тышкевичами о разделении имений оставшихся после смерти отца Иосифа Михайлова Тышкевича ... Имение Косин с фольварком Иосифов Пятьсот Восемдесят одна душа, а земли Шестнадцать тысяч десятин; Камень триста восемьдесят две души земли Восем тысяч десятин, Мильча с фольварком Чисец Четыреста Шестьдесят Корнных душ, Земли девять тысяч десятин» [37, арк. 13]. Згодна ж са статыстычным апісаннем ад 3 сакавіка 1855 года ў маёнтку Косін знаходзіліся 582 душы мужскога полу і 610 – жаночага, Камень – 381 і 407 адпаведна, Мільча – 460 і 523 [37, арк. 32]. Акрамя названых маёнткаў, Тышкевічам належалі Грудак і Абчак у Мінскім павеце і Ізаблін у Вілейскім [23, арк. 6].

У Косіне ў другой палове XIX стагоддзя знаходзілася частка калекцыі малюнкаў і габеленаў Тышкевічаў велатыцкіх, якая потым была вывезена ў Парыж другім ардынатам біржанскім Міхалам Тышкевічам [16, с. 94].

У рапарце, пададзеным павятоваму паліцэйскаму ўпраўленню ў 1865 годзе, адзначалася, што «в ночь с 5-го на 6-го числа сего Апреля в имении Камин, от неизвестной причины произошел пожар и винокуренный завод, принадлежавший помещику Графу Михаилу Тышкевичу, со всею в нем находившеюся винокуренною посудою, а также и всеми припасами, и мука заготовленная заводчиками для заторов, сгорели до основания, хотя и были принимаемы все усиленные меры к оказыванию помощи крестьянами Каминской Волости, но не было никакой возможности потушить пожар, ибо пламя распространялось так быстро, что в несколько минут винокуренный завод был весь в огне» [38, арк. 1], «расстоянием сей Завод был от Скотского двора десять Аршин, от Жилаго Строения в 24 Аршина, длиною весь завод был в двадцать девять аршин и шириною в 15 ½ Аршина. Стоимость сгоревшаго здания простирается примерно

полагая до тысячи рублей серебром, а сгар. меди и прочей винокуренной посуды около пятисот рублей. В поджоге никто не подозревается» [38, арк. 2 адв.]. З таго дакумента вынікае, што бровар быў адносна невялікім будынкам і полымя толькі цудам не перакінулася на суседнія пабудовы.

Свіслач перайшла ва ўладанне Тышкевічаў у сярэдзіне XVIII стагоддзя ад апошняй прадстаўніцы роду Крышпін-Кіршэнштэйн, сваячкі Тызенгаўзаў. Яе гісторыя цесна звязана з рэферэндарам вялікім літоўскім Вінцэнтам Тышкевічам. Бацькам яго быў Антоні Казімір Тышкевіч, чый бацька Міхал быў любімым братам жмудскага біскупа Антонія Тышкевіча, а маці – Тэрэза Тызенгауз – родная сястра падскарбія надворнага літоўскага Антонія Тызенгаўза.

У 1804 годзе дырэктар вучылішчаў Гродзенскай губерні Ю. Касакоўскі прапанаваў адкрыць у Свіслачы гімназію [39, с. 262]. Вінцэнт Тышкевіч даў згоду і ахвяраваў для яе будынак і 1000 злотых на перабудову. Адкрыццё свіслацкай гімназіі было афіцыйна зацверджана імператарам Аляксандрам I 18 верасня 1804 года. Пасля смерці Вінцэнта Тышкевіча ў 1815 годзе гімназія атрымала па яго завяшчанні 30 тыс. руб. серебром. У ёй былі вучні з Брэсцкага, Пружанскага, Кобрынскага, Ваўкавыскага, Слонімскага і Гродзенскага паветаў. Іх колькасць даходзіла да 300 асоб [39, с. 262]. Пры гімназіі існаваў школьны тэатр, у пастаноўках якога прымалі ўдзел вучні. П’есы ў тэатры былі прымеркаваны да заканчэння навучальнага года ў гімназіі [40, с. 166].

Свіслацкая гімназія трапіла пад пільны нагляд расійскага ўрада з-за палітычных матываў. Так, у 1824 годзе, калі Свіслач ужо належала генералу Тадэвушу Тышкевічу, двое яе вучняў – Антон Глазер і Павел Зянковіч, а таксама некалькі настаўнікаў былі адпраўлены ў войска. На дошках у класах былі вывешаны друкаваныя малітвы, і ўзгаданыя вучні закрэслівалі ў іх падчас урока слова «Государь». Настаўнік рускай мовы Нэвіль, пры якім гэта адбылося, таксама быў пакараны. Настаўнік красамоўства Пушкаржэвіч абвінавачваўся ў прызначэнні вучням «непрыличных тем для упражненій», а настаўнік старажытнай славеснасці Мікульскі – ва ўдзеле ў патаемным таварыстве філарэтаў. Цэсарэвіч Канстанцін Паўлавіч у лісце да генерал-лейтэнанта Ф. Ф. Доўрэ, спасылаючыся на гэтыя выпадкі, адзначаў: «... усматривая из рапорта Сенатора Новосильцова, что по неимению в Местечке Свислочь полиции сделал он отзыв к тамошнему помещику графу Тышкевичу об учреждении таковой для ближайшего надзора за поведением учеников и отвращения буйственных поступков...» [41, арк. 145]. Канстанцін Паўлавіч заўважыў, што з-за знаходжання ў Свіслачы гімназіі яна вызвалена ад пастою, але неабходна размясціць там адну роту 47-га егерскага палка для нагляду за гімназіяй.

Звестак пра творы мастацтва ці сямейны архіў Тышкевічаў у Свіслачы не знойдзена, але выдатную бібліятэку, фізічны і мінералагічны кабінеты свіслацкай гімназія мела [9, с. 83].

У 1788 годзе Вінцэнт Тышкевіч заснаваў у Свіслачы аматарскі тэатр [42, с. 16]. У выступленні прымалі ўдзел вучні гімназіі, жыхары мястэчка, сяляне. Часам Вінцэнт Тышкевіч запрашаў «вольныя» драматычныя, оперныя і балетныя трупы (Яна Шыманскага, Мацея Кажынскага і інш.). Пры тэатры існавала прыгонная капэла. Яе кіраўніком у 1788–1789 гадах быў італьянскі кампазітар, дырыжор і скрыпач Карм'е Чыпрыяні [40, с. 165]. Рэпертуар быў накіраваны на заходнеўрапейскую музычную традыцыю, у асноўным французскую. На сцэне гучалі оперы А. Э. Грэтры, Б. Блеза, П. А. Мансвіні, выконваліся творы Й. Гайдна, І. С. Баха, Дж. Паізіэла і г. д. [42, с.16]. Уваход у тэатр быў бясплатны, яго маглі наведваць нават сяляне. У пачатку XIX стагоддзя ў Свіслацкім парку для тэатра было пабудавана асобнае памяшканне, якое ўяўляла сабой аднапавярховы драўляны будынак з гонтавым дахам, у якім змяшчаліся адна тэатральная і дзве танцавальныя залы, чатыры артыстычныя прыбіральні, прыхожая і кухня [42, с. 16]. Будынак тэатра праіснаваў да 1920-х гадоў [40 с. 163].

Верагодна, у легендзе пра Свіслацкае возера ўзгадваецца менавіта Вінцэнт Тышкевіч: «Дзе цяпер гэтае возера, тут уярод расла вялікая лалышына, а возера не было, толькі былі каналы абгароджаныя парканам, і там было многа рыбы, а пасярэдзіне канала была выспа, абсажаная ўкруг вольхамі, і адна альха была спілавана па палавіне. На той вольсі стаяла другая альха, і як тут кірмаш, то сюды прыязджалі багатыя купцы і прадавалі ўсялякія тавары, а Тышкевіч быў рад, што да яго мястэчка прыязджаюць купцы, і ён цёнгле даваў ім абед, і як пара была ісці на абед, то выстаўлялі белую харніўку, а купцы як убачаць, што выстаўлена была харніўка, так яны ведалі, што пара ісці на абед. Гэты звярынец, што цяпер вырубалі на дровы, таксама быў абгароджаны, і тут былі ўсякія звяры, а іх пільнаваў адзін чалавек, каторы называўся звярыннік. І ад самага палацу быў мост, цераз звярынец да таго касцёла, што на Брэсцкай вуліцы» [43, с. 262]

Другі прыгонны тэатр Тышкевічаў існаваў у Пleshчаницах з 1825 па 1835 год [44, с. 512]. У ім час ад часу выступалі тыя ж прафесійныя трупы, што і ў Свіслачы. Тэатр «меў некалькі камплектаў прывезеных з Варшавы дэкарацый, зробленых з вялікім густам, і каштоўны гардэроб...» [45, с. 211]. Гэтыя рэчы былі потым перададзены мінскаму тэатру.

Быў складзены план мястэчка Пleshчаницы, якое пацярпела ў выніку пажару 23 мая 1897 года [46]. На ім схематычна намаляваны цэнтр маэнтка Тышкевічаў з Лагойскай вуліцай у цэнтры. Рознымі кветкамі вылучаны згарэлыя часткі мястэчка і тыя, якія захаваліся пасля пажару. Агнём была закранута Кірмашовая плошча і царква на ёй. Мяркуючы па плану, натуральнай перашкодай агню ў паўднёвай частцы маэнтка стаў «безназоўны» ручай. 23 красавіка і 1 кастрычніка ў Пleshчаницах праходзілі кірмашы [47, с. 113].

Маёнтак Вялае ў Налібоцкай пушчы звязаны з імем знакамітага вандроўніка і фатографа Бенядзікта Тышкевіча. У апошній чвэрці XIX стагоддзя ён ператварыў паляўнічы домік у фотастудыю і фотаархіў. Аднымі з галоўных герояў фотаздымкаў Б. Тышкевіча з'яўляліся беларускія сяляне, іх адзенне, заняткі, жыллё. Хаця працы Б. Тышкевіча дзякуючы сваім высокім мастацкім якасцям атрымалі сусветнае прызнанне, фоталабараторыя графа, якая захавалася, уяўляе сабой вартае жалю відовішча. Захапленне Б. Тышкевіча не было выпадковым дзівацтвам, яно дапамагло перажыць адну з самых страшэнных трагедый жыцця – смерць каханай жонкі Альжбеты. [48, с. 94].

Найбольш буйнымі ўладаннямі роду Тышкевічаў на Беларусі з'яўляліся Лагойск, Валожын, Пяршаі, Астрашыцкі Гарадок, Косін, Свіслач, Плешчаніцы, Доры, Мільча, а таксама шэраг вёсак і фальваркаў. У іх працавалі фабрыкі і бровары, праходзілі кірмашы. З яўрэйскім насельніцтвам часам узніклі судовыя спрэчкі. Акрамя Лагойска, зборы старажытнасцей, рэчаў мастацтва і сямейныя архівы знаходзіліся ў Валожыне, Астрашыцкім Гарадку, Пяршых і Косіна. У Валожыне і Астрашыцкім Гарадку змяшчаліся звярынцы. Прыватныя тэатры існавалі ў Свіслачы і Плешчаніцах. У маёнтку Вялае працавала фоталабараторыя.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Шпилевский, П. М.* Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. М. Шпилевский; [предисл., текстол. подгот., прим. и коммент. С. И. Кузьяевой]. – Минск: Беларусь, 2004. – 250, [1] с.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Мінск (НГАБ). – Фонд 146. – Воп. 2. – Спр. 249.
3. НГАБ. – Фонд. 146. – Воп. 2. – Спр. 1311.
4. *Aftanazy, R.* Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej / R. Aftanazy. T.1: Wojewodztwa minskie, mscislawskie, polockie, witebskie, 1991. – 335 s.
5. *Blombergowa, M. M.* Zbiory, kolekcje, muzea tworzone przez polaków w Imperium Rosyjskim (poza Królestwem) w XIX i na początku XX wieku / M. M. Blombergowa // Kwartalnik Historii, Nauki i Techniki. – 1997. – № 2. – S. 87–104.
6. НГАБ. – Фонд 242. – Воп. 4. – Спр. 140.
7. НГАБ. – Фонд 299. – Воп. 2. – Спр. 10294.
8. НГАБ. – Фонд 299. – Воп. 2. – Спр. 13338.
9. *Tyszkiewicz, J.* Tyszkiewicziana: Milliteria. Bibliographia. Numizmatyka. Ryciny. Zbiory. Rezydenye etc. / J. Tyszkiewicz – Poznan: Druk. Sw. Wojciecha, 1903. – 93 s.
10. Воложинь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том VII (13). Волапюк – Выговские / начатый проф. И. Е. Андреевскимъ, продолжается под редакцію К. К. Арсеньева і заслуженнаго профессора Ф. Ф. Петрушевскаго и др. – СПб.: Семенов. Типолит. (И. А. Ефрона), 1892. – С. 67.

11. *Батвіннік, М. Б.* Валожын / М. Б. Батвіннік, В. У. Шаблюк // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1994. – Т. 2. Беліцк – Гімн / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. – С. 210–211.*

12. *Сыракомля, У.* Выбраныя творы / У. Сыракомля; [уклад., прадм., камент. К. Цвіркі]. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 580 с., [4] л. іл.

13. *Бібліятэка Вільнюскага ўніверсітэта. – F34-GD391.*

14. *Пучкоў, У.* Чаму Валожын быў еўрапейскім цэнтрам іўдзейскай адукацыі / У. Пучкоў // *Рэгіянальная газета. – 2016. – № 29, 30. – С. 19.*

15. *Кулагін, А. М.* Палац / А. М. Кулагін // *Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць: [у 2 кн.] / Акад. навук БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, Беларус. сав. энцыкл.; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. сав. энцыкл., 1987. – Кн. 1. – С. 109–110.*

16. *Narkowicz, L.* Muzealnicy i kolekcjonerzy: zbiory rodziny Tyszkiewiczów i ich rola w zaborze rosyjskim / L. Narkowicz. – Wrocław: Wrocławskie Towarzystwo Naukowe. Wydawnictwo, 2013. – 298, [2] s.

17. *Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы (ДГЛА).* – Фонд 716. – Воп. 3. – Спр. 1418.

18. *ДГЛА.* – Фонд 716. – Воп. 3. – Спр. 1419.

19. *Jel., Al.* Pierszaje / Al. Jel. // *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / wydany pod redakcją F. Sulimierskiego, Br. Chlebowskiego, Wł. Walewskiego. T. 8. – Warszawa: nakł. F. Sulimierskiego i Wł. Walewskiego, 1887. – С. 99–100.*

20. *ДГЛА.* – Фонд 716. – Воп. 1. – Спр. 2026.

21. *Батвіннік, М.* Пяршаі / М. Батвіннік // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 2001. – Т. 6, кн. 1: Пузыны – Усяя / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. – С. 16.*

22. *Шаблюк, В.* Доры / В. Шаблюк // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 3. Гімназіі – Кадэнцыя / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 1996. – С. 269.*

23. *НГАБ.* – Фонд 146. – Воп. 2. – Спр. 109.

24. *ДГЛА.* – Фонд 716. – Воп. 1. – Спр. 2389.

25. *НГАБ.* – Фонд 333. – Воп. 4. – Спр. 8384.

26. *Biblioteka Narodowa w Warszawie (BNW).* – Zofia z Tyszkiewiczów Potocka. Teki rodzinne: Tyszkiewiczowie-Potoccy-Lubomirscy-Zamoyscy. T. 9, Michał hr. Tyszkiewicz II ord. Birżański archeolog-zbieracz II / Zofia Potocka z Tyszkiewiczów. mf. 61354.

27. *Федорук, А. Т.* Старинные усадьбы Минского края / А. Т. Федорук; [под общ. рук. и предисл. Е. Будинаса]. – Мінск: ООО «Полифакт»: ООО «Лекция», 2000. – 415 с.

28. *Jel., Al.* Gródek / Al. Jel., Dr. M. // *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / wydany pod redakcją F. Sulimierskiego, Br. Chlebowskiego, Wł. Walewskiego. T. 2. – Warszawa: Nakł. F. Sulimierskiego i Wł. Walewskiego, 1881. – С. 817–819.*

29. *Galczyńska, C. Z.* Michał Tyszkiewicz (1828–1897): z dziejów dziewiętnastowiecznej archeologii i kolekcjonerstwa / C. Z. Galczyńska. – Warszawa: Wydawnictwo IAE PAN, 2010. – S. 193–225.

30. *Aftanazy, R.* Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej / R. Aftanazy. – Т. 1: Wojewodztwa minskie, mscislawskie, polockie, witebskie, 1991. – 335 s.

31. *Urbanski, A.* Podzwonne na zgliszczach Litwy i Rusi / A. Urbanski. – Warszawa: Nakl. aut., 1928. – 162 s.

32. НГАБ. – Фонд 147. – Воп. 3. – Спр. 9895.

33. НГАБ. – Фонд 147. – Воп. 3. – Спр. 16480.

34. НГАБ. – Фонд 299. – Воп. 3. – Спр. 1035.

35. НГАБ. – Фонд 299. – Воп. 3. – Спр. 1095.

36. НГАБ. – Фонд 299. – Воп. 5. – Спр. 1377.

37. НГАБ. – Фонд 146. – Воп. 2. – Спр. 1668.

38. НГАБ. – Фонд 155. – Воп. 1. – Спр. 873.

39. *Самусік, А.* Свіслацкая гімназія / А. Самусік // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 2003. – Т. 6. Кн. 2: Усвея – Яшын; Дадагак / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. – С. 262–263.

40. *Жылко, У. А.* Тэатр Тышкевічаў у Свіслачы як культурны асяродак канца XVIII – пачатку XIX ст. / У. А. Жылко // Рэпрэзентацыя і музефікацыя творчай спадчыны Тышкевічаў у Беларусі і Літве. – С. 162–168.

41. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна (НГАБ у г. Гродна). – Фонд 1. – Воп. 2. – Спр. 246.

42. *Чуланова, І. У.* Музычна-тэатральная культура Свіслачы канца XVIII – 1-й паловы XIX ст. / І. У. Чуланова // Ваўкавышчына. – 2009. – № 5. – С. 16–18.

43. Легенды і паданні / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; [склад.: М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі; рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.]; рэд. тома А. С. Фядосік; уступ. арт. М. Я. Грынבלата]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 542, [2] с.

44. Пleshчаніцы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 5. М – Пуд / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. – С. 512–513.

45. Гісторыя беларускага тэатра: у 3 т. (4 кн.). – Мінск: Навука і тэхніка, 1983–1987. – Т. 1. Беларускі тэатр ад вытокаў да кастрычніка 1917. – 1983. – 496 с.

46. НГАБ. – Фонд 299. – Воп. 5. – Спр. 1248.

47. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Лагойскага р-на: у 2 кн. – Мінск: БелЭн, 2003. – Кн. 1-я / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. – 560 с.: іл.

48. *Смолік, А. І.* Графы Тышкевічы: род мецэнатаў, даследчыкаў, асветнікаў: культуратворчая дзейнасць арыстакратаў-патрыётаў / А. І. Смолік // Народная асвета. – 2016. – № 6. – С. 91–95.

(Дата паступлення: 30.10.2017).

Кейко Юлия

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Гродно, Беларусь

Kejko Julia

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

УДК 94(476.6)+72(476.6)

ЦЕРКОВНЫЕ СОВЕТЫ ГРОДНЕНСКОГО УЕЗДА В 1860-Е ГОДЫ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

CHURCH COUNCILS OF THE GRODNO COUNTY IN 1860: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS

В статье анализируется деятельность церковных советов и определяется их значение в историко-культурном развитии Гродненского уезда в 1860-е годы.

Ключевые слова: церковные советы.

The given article examines the activities of the church councils and determines their role in the historical and cultural development of the Grodno county in 1860-s.

Keywords: church councils.

Во второй половине XIX века в Северо-Западном крае Российской империи активизировалось православное храмовое строительство. Причиной этому послужила политика российского правительства, проводимая виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьевым после подавления восстания 1863–1864 годов. Она была направлена на укрепление положения православной конфессии и распространение русского влияния в данном регионе. Одним из главных мероприятий в данной политике стало возведение новых храмов, ремонт старых и перестройка католических храмов в православные. В связи с этим в апреле 1864 года был создан Временный комитет по сооружению православных церквей в Гродненской губернии, который с 1867 года был переименован в Гродненское губернское церковно-строительное присутствие [1; 2]. Обязанности комитета: осмотр и выявление храмов, которые требовали ремонта; определение поселений, где необходимо было построить новые храмы [3, л. 7]. С той же целью во всех уездах Гродненской губернии были созданы Временные уездные комитеты.

Гродненский уездный комитет по сооружению православных церквей был образован 22 мая 1864 года после постановления Временного губернского комитета по сооружению и исправлению православных церквей [4, л. 1]. Согласно распоряжению М. Н. Муравьева, деятельность уездных комитетов курировали военные начальники. Председателем Гродненско-

го уездного комитета по постройке церквей был назначен полковник Таубе. На этой должности он пробыл недолго: с мая по июнь 1864 года. Он был уволен по причине «трудных и многосложных <...> занятий, как по командовании Полком, так равно и по обязанностям Гродненского с уездом Военного Начальника», т. е. полковник совмещал военные и административные функции. После увольнения на его должность был назначен член Гродненского губернского по крестьянским делам присутствия генерал-майор Георгий Афанасьевич Прасолов [3, л. 12]. В состав комитета также вошли следующие лица: благочинный – протоиерей Гродненского собора Антоний Шеметило; архитектор – статский советник Осип Осипович Михаэлис; уездный исправник – Мостовский; мировой посредник – Хотяинцев, участковый чиновник – В. Шпеер [5, л. 9; 6, л. 58].

В помощь уездным комитетам для осуществления строительного процесса формировались церковные советы на местах, т. е. в той местности, где необходимо было построить или отремонтировать церковное здание. 12 июля 1864 года М. Н. Муравьев предоставил митрополиту Иосифу (Семашко) «правила для церковных советов» в шести губерниях Северо-Западного края. Согласно им в состав церковного совета входили церковные старшины – 6–8 человек из прихожан, «отличающихся усердием к церкви» и по возможности грамотных [7, с. 227]; председатель (приходской священник); церковный староста (выбирался из числа прихожан); волостной старшина и сельский учитель (при наличии) [8, л. 46]. Избирались члены церковных советов на три года [9, с. 376]. Список утверждался гродненским губернатором [10, л. 5], а потом направлялся виленскому генерал-губернатору для ознакомления [11, л. 2].

Церковные советы тесно взаимодействовали с Гродненским уездным комитетом по сооружению православных церквей на всех этапах строительных работ. Значимость церковных советов можно проследить по объему их деятельности на протяжении всего строительства храма. Первоначальный этап включал предварительный осмотр и подготовку строительного материала, главный этап – управление строительством, которое велось хозяйственным или подрядным способами, и заключительный этап – итоговый осмотр и составление акта-осмотра.

При предварительном осмотре церковного здания и причтовых строений собирались следующие сведения:

- 1) о храмах (подробные описания, сметы, проекты), которые нужны в ремонтных работах, с указанием необходимой суммы для осуществления данных работ;
- 2) о ценах на услуги рабочих и материалы;
- 3) об иконостасе, необходимой церковной утвари и книгах для церковной службы с подробным описанием;
- 4) о численности прихода и материальном положении прихожан;
- 5) о жилых и хозяйственных строениях священников и церковного

причта. При этом определялось количество древесного материала для их строительства или ремонта [3, л. 7; 12, л. 1].

Составлял смету с указанием необходимого количества древесины для строительства или ремонта причтовых строений архитектор О. Михаэлис. Он также разрабатывал чертежи и сметы для строительства каменных храмов, например, для церкви в д. Черлёна [6, л. 77].

На основании полученных данных составлялся акт осмотра, который подписывался членами уездного комитета, присутствующими при осмотре, и членами церковного совета: председателем и (или) церковным старостой (при отсутствии приходского священника) [13, л. 1], волостным старшиной [14, л. 1]. Сведения для актов помогали собирать приходские священники, благочинные и старшины (церковные и волостные) [15, л. 5].

Составленная смета и акт осмотра передавались уездным комитетом приходскому священнику, который в соответствии с документами, начиная с зимнего времени года, занимался поиском и подготовкой строительных материалов. Основными из них были дерево, булыжный камень и кирпич. Древесина приобреталась в конфискованных или казенных имениях по установленным помещиками или государством ценам (но по возможности бесплатно). Так, священник О. Защетинский, входивший в Комотовский церковный совет, в феврале 1865 года писал в Гродненский уездный комитет: *«При всем нашем старании до сих пор не удалось нам приобрести необходимый лес <...>. Честь имеем по сему просить Комитет ходатайствовать у Начальства о дозволении купить лес в Казенных дачах или Конфискованных по казенным ценам. Особенно удобно для нас былобы приобрести лес в Конфискованной даче Закревицизны или Струины. На первоначальные работы по нашему исчислению необходимо 60 корней по 10 верш. <...>»*¹ [4, л. 5]. Из письма следует, что у церковного совета явно не хватало денежных средств на 60 стволов деревьев, и священник просил разрешения на их покупку по государственной цене.

Также были случаи, когда священники, имея достаточное количество денежных средств, не могли сразу приобрести древесный материал. В такой ситуации оказался священник Тетеровской церкви Иоанн Горачко в марте 1865 года. Ему для ремонта храма необходимо было 30 стволов сосен, а имение Массоляны, где можно было приобрести дерево, было расположено в двух верстах от деревни Тетеровки, но священник получил отказ от управляющего имения Окулича и обратился в уездный комитет: *«<...> покорно прошу Комитет исходатайствовать у Г. Окулича дозволение, за назначенную им цену, на вырубку 30 корней необходимых для починки Цецеровской Церкви <...>»* [16, л. 4]. Дело было решено в пользу священника через уездного исправника по просьбе Г. А. Прасолова: *«<...> Председатель Комитета покорно просил Его Высокоблагородие*

¹ Сохранена орфография оригинального документа.

склонить Г. Окулича к продаже, за нужную <...> цену» [16, л. 5]. Если же древесный материал правительством выделялся бесплатно, то священник должен был отправиться в Гродненское лесничество за получением билета для беспрепятственного вывоза стволов деревьев [8, л. 13].

Вопросы, связанные с приобретением строительного материала и его вывозом к месту строительных работ, контролировала палата государственных имуществ. Именно она 14 февраля 1865 года дала разрешение на вывоз булыжного камня прихожанам местечка Озёры и селения Черлёна из конфискованных имений Губинка и Азеты в присутствии чиновника по особым поручениям Мореншильда [8, л. 27], [6, л. 10]. Чиновнику Мореншильду также было поручено пригласить членов Озёрского церковного совета на завод в имение Озёры для осмотра и передачи кирпича по цене, предложенной крестьянами (5 руб. за 1000 тыс.), при этом при передаче кирпича составлялся акт [8, л. 28].

Денежные средства, выделенные государством для строительства и ремонта храмов Гродненского уезда (40 000 руб.) [17, л. 4], хранились в Гродненском уездном казначействе. Деньги выдавались священнику под расписку поэтапно и по мере необходимости. Для получения денег приходскому священнику необходимо было обратиться к председателю уездного комитета по сооружению церквей. Так, священник Мостовлянской церкви Иоанн Горачко 2 марта 1865 года писал: *«Чсть имеем покорнейше просить Ваше Превосходительство ассигновать, – из суммы 600 р. с. <...> на починку Мостовлянской Церкви, – 200 р. сер.; на заготовление нужного материала»* [18, л. 4]. После этого председатель уездного комитета выписывал на имя приходского священника ассигновку на ту сумму, которую он просил [19, л. 7]. Далее священник вместе с этим документом обращался в уездное казначейство и получал деньги под расписку. Вместе с ним в казначейство мог прибыть член церковного совета, который также должен был дать расписку [8, л. 21]. При первоначальном обращении в уездное казначейство священнику выдавалась приходо-расходная книга (шнуровая тетрадь) [19, л. 7], где фиксировалась вся поступавшая сумма в распоряжение церковного совета и уже израсходованные средства: на покупку материалов, строительные работы, оплату услуг рабочих. Заполнял книгу казначей церковного совета, получавший деньги от священника под расписку [8, л. 18]. После расходования денег церковный совет отправлял подробный отчет в уездный комитет [8, л. 21].

Закупив всё необходимое, церковный совет сообщал об этом в уездный комитет. По распоряжению комитета для проверки подготовленного материала к месту строительства направлялся архитектор О. Михаэлис. Осмотр осуществлялся в присутствии обеих сторон. По итогам составлялся и подписывался акт. Например, такой акт был составлен в селении Мостовляны: *«1865 года 16 июня в следствие постановления Гродненского Уездного по сооружению Православных Церквей Комитета, со-*

стоявшася 2 день июня месяца текущего года, Мостовлянский Церковный Совет при бытности Члена онаго Комитета Господина Статского Советника Архитектора Михаэлиса, осмотрев приобретенный материал а именно: сто пудов кровельного листового железа; 2000 черепицы, – два пуда масла, всего на сумму 427 р. 85 к.; нашел означенный материал к предполагаемой починке совершенно хорошим, – о чем заключив акт общими подписями»¹ [18, л. 10].

В случае, если строительные работы осуществлялись хозяйственным способом (собственными силами прихожан), то члены церковного совета проверяли не только подготовленный строительный материал, но и частично выполненные работы [4, л. 7].

Бывали ситуации, когда церковные советы на первоначальном этапе начинали испытывать затруднения при заготовке материалов и потому обращались в уездный комитет за разрешением прибегнуть к помощи подрядчика. Так, собственные силы не рассчитал церковный совет Гольневской церкви и обратился 23 апреля 1865 года в комитет с прошением: «<...> дозволить Мастеру Лотышеву принять по смете всю постройку <...> церкви в подряд на ассигнованную сумму <...>» [12, л. 24]. При подрядном способе строительства церковный совет заключал контракт с подрядчиком. Например, 7 августа 1866 года церковный совет в селении Черлёна подписал контракт с Иваном Орловским на строительство каменного храма и причтовых зданий [6, л. 99].

Ход строительных работ периодически контролировался членами уездного комитета, как правило, архитектором О. Михаэлисом, но были и исключения, когда, например, гродненский губернатор поручал это дело мировому посреднику и благочинному священнику с предоставлением отчетов. Так, ремонтные работы в Скидельской волости в деревянном храме Св. Георгия с середины лета 1864 года велись под управлением мирового посредника 1-го участка Хотяинцева и скидельского благочинного Антония Будиловича [15, л. 7]. Также о проделанной работе регулярно докладывал в комитет приходской священник [4, л. 11].

На заключительном этапе строительства, после завершения всех работ, священник сообщал об этом благочинному и уездному комитету [8, л. 81]. Далее комитет отправлял своих членов – архитектора О. Михаэлиса и благочинного протоиерея Антония Шеметило в населенный пункт, где велись работы, для «освидетельствования согласно смете все <...> починки и исправления» [8, л. 82], т. е. для проверки качества выполнения всех строительных работ и передачи церковного здания в духовное ведение. По итогам осмотра составлялся акт, который заверялся подписями. Акт, составленный без участия членов комитета, считался недействительным [12, л. 4].

¹ Сохранена орфография оригинального документа.

После итогового осмотра председатель церковного совета отправлял в уездный комитет все документы: смету [15, л. 40]; приходно-расходную книгу с расписками получавших деньги; акт, составленный архитектором и благочинным [8, л. 86]; приговор прихожан [13, л. 34]. Также священником в уездный комитет представлялись сведения о самых активных членах церковного совета для объявления благодарности от комитета и высшего начальства, которые отличились в данном деле. Например, священник Мостовлянского церковного совета Лукьян Романовский представил в своем донесении от 23 августа 1865 г. следующих старшин совета: Ф. С. Циунчика, М. Г. Хвойко, С. В. Хоинского, Г. П. Гапуника, церковного старосту М. П. Петельского. Он также отметил их вклад в осуществлении ремонтных работ в храме: *«Они под моим руководством деятельно и добросовестно исполняют возлагаемые на них поручения; – постоянно наблюдали за рабочими при починке Церкви, чтобы они добросовестно и хорошо исполняли свою работу, на сходах внушают прихожанам их обязанность к Храму Божию <...>»* [18, л. 14]. В церковном совете села Житомяля отличились крестьяне Л. Г. Малевич и С. А. Курилит. Они не только помогали ремонтировать храм, но и способствовали тому, чтобы крестьяне жертвовали на благо храма [8, л. 112]. С согласия благочинного и по рекомендации председателя церковного совета церковные старшины и старосты могли быть награждены серебряной медалью с надписью «За усердие» [20, лл. 11–12].

В начале 1867 года было внесено предложение о приравнении церковных советов к приходским попечительствам и соответственно их переименованию с целью оптимизации управления. Это следует из письма от 23 февраля 1867 года, поступившего в Гродненский уездный комитет по постройке церквей: *«Его Сиятельство Господин Виленский, Ковенский, Гродненский и Минский Генерал-Губернатор и Главный Начальник Витебской и Могилевской Губернии, – принимая во внимание, что пред назначенный бывшим Главным Начальником Края Графом Муравьевым, трехлетний срок, для существования открытых при церквях Гродненской Губернии церковных Советов уже истекает, – сделал ныне сношение с Высокопреосвященным Митрополитом Литовским о переименовании сих Советов <...> в Приходские Попечительства с применением к ним Высочайше утвержденных 2 августа 1864 года правил об этих Попечительствах»* [3, л. 229]. Следовательно, церковные советы действовали в Гродненском уезде с 1864 по 1867 годы.

По состоянию на 1866 год в Гродненском уезде насчитывалось 15 деревянных и 6 каменных храмов [21, л. 71]. Как видим, большая часть из них была деревянной, на что повлиял ряд факторов: во-первых, согласно правилам «О постройке Православных Церквей и причетнических строений в Северо-Западном крае» (1865) «ветхие» (деревянные) храмы, по возможности, необходимо было ремонтировать [22, л. 24]; во-вторых,

ощущалась нехватка строительного материала (кирпича); однако в марте 1865 года около местечка Скидель планировалось построить кирпичный завод для строительства храмов в уезде [15, л. 34].

Все деревянные храмы, построенные в первой половине XIX века в классическом стиле, приобретали черты ретроспективно-русского стиля. Как правило, это односрубное прямоугольное здание с четвериковой колокольней, завершенной граненым шатром и увенчанной маковкой. Над апсидой возвышается луковичеподобный купол на 8-гранном барабане. Фасады храмов расчленены разными по размеру и форме оконными проемами: прямоугольными, окнами-бифориумами, лучковыми оконными проемами в плоских дощатых лиштвах и т. д. В декоративном плане храмы украшены разнообразными подкарнизными фризами, сандриками, орнаментальной резьбой. Это храмы в Берштах, Комотово, Лаше. Примером трехсрубного здания является храм в Житомле [23].

Также отметим, что ремонтные работы были проведены в каменных храмах, как, например, бывшая униатская церковь, построенная в 1796 году и переданная православной конфессии после 1839 года, в селении Массоляны [24].

Новые каменные храмы возводились в псевдорусском стиле в трех стилевых направлениях: русско-византийском, московско-ярославском, синодальном [25]. В 1864–1867 годах в уезде строились в основном храмы синодального направления, представленные серией утвержденных типовых проектов и комплексной программой церковного строительства, разработанной Синодом и Министерством внутренних дел. Такие храмы последовательно разделены на четыре части, включающие: двухъярусную (восьмерик на четверике) или трехъярусную (восьмерик на 2-х четвериках) колокольню, прямоугольную трапезную, кубовидный по объему молитвенный зал и апсиду (прямоугольную, граненую, полукруглую). В силуэте царят шатер с маковкой на колокольне и луковичеподобный купол над центральным объемом. Арочные оконные проемы завершены килевидными лиштвами. В декоративном убранстве храмов присутствуют угловые лопатки, аркатурные фризы, профилированные карнизы, кокошники, круглые разетки. Примером могут служить храмы в местечке Озеры (1866) [23, с. 9] и селении Черлёна (строительство начато в 1866 году) [23, с. 417]. Отдельно из синодальных храмов выделяются храмы, построенные из булыжного камня, в которых живописная фактурная кладка стен сочетается с тщательно выложенными из кирпича и побеленными элементами декора [25]. Например, таковы храмы в селениях Малая Берестовица (1866) и Коптевка (1867) [26; 27].

Таким образом, в ходе деятельности церковных советов Гродненского уезда в 1864–1867 годах было отремонтировано и возведено более 20 православных храмов. Главная роль в церковном совете принадлежа-

ла приходскому священнику, который не только исполнял административные функции, но и непосредственно участвовал в процессе строительства храма. «Правой рукой» председателя совета был церковный староста. Он, как и церковные старшины, выполнял поручения священника, помогал собирать денежные средства на строительные работы. Все финансовые издержки контролировал и фиксировал казначей церковного совета.

Все деревянные храмы, построенные в первой половине XIX века в классическом стиле, приобретали черты ретроспективно-русского стиля. Новые каменные храмы возводились в псевдорусском стиле в трех стилевых направлениях: русско-византийском, московско-ярославском, синодальном. В 1864–1867 годах в Гродненском уезде в основном строились храмы синодального направления.

Список использованных источников

1. *Громыко, С.* Из истории церковного строительства / С. Громыко // Гродненские епархиальные ведомости. – 2003. – № 2.
2. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 198.
3. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 24.
4. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 9.
5. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 6.
6. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 22.
7. *Орловский, Е. Ф.* Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX ст. (1794–1900) / Е. Ф. Орловский. – Гродно, 1903. – 604 с.
8. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 7.
9. *Извеков, Н. Д.* Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г. / Н. Д. Извеков. – М., 1899. – 522 с.
10. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 1.
11. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 11.
12. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 4.
13. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 3.
14. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 5.
15. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 19.
16. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 21.
17. НИАБ в Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 7.
18. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 15.
19. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 18.
20. НИАБ в Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 101.
21. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 22. – Д. 1660.
22. НИАБ в Гродно. – Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 264.
23. *Кулагін, А. М.* Праваслаўныя храмы на Беларусі: энцыкл. давед. / А. М. Кулагін. – Мінск: БелЭн, 2007. – 656 с.
24. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 14.

25. Кулагін, А. М. Эклєктыка. Архітэктурa Беларусі другой паловы ХІХ – пачатку ХХ ст. / А. М. Кулагін. – Мінск: Ураджай, 2000. – 304 с.
26. НІАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 13.
27. НІАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 10.

(Дата поступления: 22.09.2017).

Мосейчук Людмила

Центр проблем развития образования БГУ, Минск, Беларусь

Mosejchuk Lyudmila

Education Development Center BSU, Minsk, Belarus

УДК 947.6

РАЗВИТИЕ УНИАТСКОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

DEVELOPMENT OF UNIATO SPIRITUAL EDUCATION IN BELARUS LAND IN THE XVIII – FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

В статье рассматриваются работы польских исследователей, в той или иной мере затрагивающие вопросы, связанные с развитием духовных семинарий на белорусских землях. Определяются основные тематические направления и результаты исследований. Выделяется несколько периодов в развитии польской историографической школы. На основании проведенного историографического анализа делается вывод о том, что проблематика, связанная с вопросами функционирования среднего и высшего духовного образования униатского клира, не являлась предметом детальных, систематических исследований польских историков.

Ключевые слова: историография; польская научная школа; семинария; униатское духовное образование; униатство; учебный процесс; система воспитания.

This article discusses papers of Polish researchers in matters associated with the development of seminaries in the Belarusian lands. Defines the main thematic areas and research results. Distinguishes several periods in the development of Polish historiographical schools. On the basis of historiographical analysis concludes that the problem of the functioning of secondary and higher religious education Uniate clergy was not the subject of detailed, systematic studies of Polish historians.

Keywords: historiography; Polish scientific school; Seminary; Uniate religious education; profession and practice of the Uniate Church; training process; system of education.

Традиционно исследователи польской научной школы уделяют много внимания историческим процессам, происходившим на белорусских территориях. Особый научный интерес вызывает история униатской церкви, возникшей в ходе религиозного соглашения (унии) 1596 года.

В широком спектре научных и научно-популярных работ польских ученых представлены такие темы, как биографии деятелей униатской церкви, повседневная жизнь униатского духовенства, политика властей Речи Посполитой и Российского правительства по отношению к униатам, подготовка ликвидации унии, а также униатская культура (иконопись, архитектура, книгопечатание и пр.). Не остались без внимания исследователей и вопросы, связанные с историей становления и развития униатского духовного семинарского образования в XVIII – первой четверти XIX века.

Становление польской историографии по униатской проблематике приходится на конец XIX – начало XX века. Одним из первых польских исследователей, заинтересовавшихся униатской темой, стал познанский епископ Эдвард Ликовский.

В работе «Dzieje kościoła Unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku: uwazanie główne zewzględu na przyczyny jego upadku», рассматривая деятельность униатских семинарий, Э. Ликовский говорил о том, что базилианский орден, контролировавший образовательную систему униатской церкви, «не позаботился о создании четкой образовательной структуры для белого духовенства» [1, s. 33]. Он подчеркивал, что в конце XVIII века на белорусских землях Великого Княжества Литовского действовала лишь одна униатская семинария по подготовке белого клира, открытая по инициативе и на средства князя М. К. Радзивилла [1, s. 33]. Исследователь объяснял низкий образовательный уровень приходского клира второй половины XVIII века нехваткой такого рода учреждений. Он отмечал, что с открытием Лавришевской (1799), Полоцкой (1806) и Главной виленской (1803) семинарий образовательный уровень белого униатского духовенства заметно вырос [1, s. 33]. Такой точки зрения придерживались историки И. Бартошевич, И. Белинский, В. Калинин, И. Лукшевич, В. Хотковский.

Значительный вклад в изучение темы духовного униатского образования внесла работа И. Белинского «Uniwersytet Wilenski (1579–1801)», основанная на широкой базе источников [2]. В главе «Seminarya» исследователь отмечал ведущую роль Главной виленской семинарии в подготовке преподавателей для униатских духовных семинарий [2, s. 106–107]. Автор обратил внимание на тот факт, что практически все униатские церковные деятели, «активно выступавшие за ликвидацию своей церкви», были ее выпускниками [2, s. 107].

Работы вышеназванных авторов заложили основу для дальнейшего изучения истории становления и развития униатского духовного образования в польской историографии.

Развернувшаяся в конце 20-х – начале 30-х годов XX века в научных кругах Второй Речи Посполитой дискуссия о судьбе униии в Западной Беларуси актуализировала униатскую тематику. Развитие духовного образования на землях, входивших в состав Речи Посполитой, частично затрагиваются в публикациях Я. Дукало, В. Мейстовича, Т. Длугоша [3]. В своих исследованиях авторы сходятся во мнении, что устройство как католических, так и униатских семинарий было одинаковым, а их деятельность регламентировалась папскими постановлениями и буллами.

Вопросу образования униатского клира посвящен раздел в работе «*Blaski i cienie uniji kościelnej w Polsce w XVII–XVIII w. w świetle źródeł archiwalnych*» польского историка А. Косовского [4]. Исследователь, повторяя мысль Э. Ликовского о низком образовательном уровне белого униатского духовенства, тем не менее, положительно отзывался о влиянии, которое приходское священство оказывало на свою паству.

Во второй половине 30-х годов XX века в свет вышла двухтомная монография польского исследователя В. Воротынского, посвященная истории Главной виленской семинарии [5; 6]. Историк полагал, что деятельность семинарии была направлена на усиление католического влияния и распространение польской культуры на землях бывшего Великого Княжества Литовского.

Военные события 1939–1945 годов и изменение политического курса Польши на несколько десятилетий прервали изучение униатской темы в польской историографии. Возврат к религиозной проблематике произошел во второй половине прошлого столетия. В 60–80-е годы XX века вышли работы И. Клочовского, Б. Кумора, Л. Беньковского [7], посвященные истории католической церкви. В своих исследованиях вышеперечисленные авторы лишь незначительно затрагивали деятельность римско-католических духовных семинарий в Речи Посполитой и не акцентировали внимание на униатской духовной школе.

Истории греко-католической церкви во второй половине XVIII – первой трети XIX века посвящены работы Т. Сливы [8]. Развитие орденовой структуры базилианского ордена нашло свое отражение в монографии В. Кублука «*Bazylianie w Królestwie polskim w latach 1817–1872*» и работе М. Пидличак-Маерович [9].

В конце XX – начале XXI века униатская проблематика нашла свое отражение в работах таких польских историков, как И. Дукало, Я. Левандовский, А. Миронович, И. Скабек, И. Попплатек [10]. Все исследователи сходились во мнении, что к началу XIX века униатская церковь практически закончила создание духовной образовательной структуры для подготовки белого священства. Однако вмешательство российского правительства, насаждение русского языка и устава православных училищ остановили этот процесс.

В 2001 году вышла в свет монография М. Радвана «*Carat wobec kościoła grekokatolickiego w zaborze Rosyjskim (1796–1839)*» [11]. Это

первый серьезный, основанный на источниках труд в польской историографии об отношении самодержавия и униатской церкви от последнего раздела Речи Посполитой до ликвидации унии в Российской империи.

В современной польской историографии тема униатского духовного образования лишь косвенно затрагивается в многочисленных исследованиях, посвященных унии. Так, вопросами становления и развития польской историографической школы по униатской тематике занимаются А. Бруздзинский, М. Козловский, Т. Чинжевская-Хеннель [12]. Состоянию униатской церкви в Российской империи посвящено исследование Я. Ржоньца [13]. На этом фоне выделяются работы Д. Вереды, в которых указывается на тот факт, что специфика подготовки греко-католических священников в униатской церкви требовала от преподавателей более широкого кругозора и знания не только католической теологической традиции, но и византийского богослужебного обряда [14].

Таким образом, польская историография по данной тематике развивается динамично, охватывая все больше проблем. Польские ученые, преимущественно являющиеся ксендзами, используют в своих исследованиях широкий спектр источников. Однако в польской историографии отсутствуют исследования, связанные с изучением образовательного уровня преподавательского состава, работавшего в семинариях, а также с бытом и условиями жизни семинаристов.

Тем не менее объективное, всестороннее изучение истории становления и развития униатского духовного семинарского образования невозможно без учета наработок польских историков, которые подходили к разработке названной темы, опираясь на несколько иной мировоззренческий опыт, политические и духовные установки, нежели отечественные авторы.

Список использованных источников

1. *Likowski, E.* Dzieje kościoła Unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku: uważanie główne ze na przyczyny jego upadku. – Wyd. drugie. – Warszawa: Skład główny w księgarni Gebethnera i Wolffa, 1906. – Cz. 2. – 313 s.
2. *Bieliński, J.* Uniwersytet Wileński (1579–1801) / J. Bieliński. – Krakow: Druk W. L. Anczyca i spółki, 1899–1900. – T. 1. – 537 s.
3. *Długosz, T.* Seminaria duchowne we wschodniej Polsce do 1800 roku / T. Długosz // *Collectanea Theologica*. – 1935. – R. 16. – S. 23–37.
4. *Kossowski, A.* Błaski i cienie unii kościelnej w Polsce w XVII – XVIII w. w świetle źródeł archiwalnych / A. Kossowski. – Lublin: Druk. «Narodowa», 1939. – 75 s.
5. *Worotyński, W.* Seminarium Główne w Wilnie / W. Worotyński. – Wilno: Druk «Zorza», 1935. – Cz. 1: Powstanie i pierwszy okres dziejów (1803–1816). – 232 s.
6. *Worotyński, W.* Seminarium Główne w Wilnie / W. Worotyński. – Wilno: Druk «Zorza», 1938. – Cz. 2: Drugi okres dziejów i zniesienie (1816–1833). – 294 s.

7. *Bieńkowski, L.* Brzeska unia / L. Bieńkowski // Encyklopedia katolicka. – Lublin, 1985. – Т. 2. – S. 1126–1128.
8. *Słiwa, T.* Kościół grekokatolicki w zaborze rosyjskim (1772 – 1815) / T. Słiwa // Historia Kościoła w Polsce. – Poznań, 1979. – Т. 2, cz. 1. – S. 219–235.
9. *Pidlypczak-Majerowicz, M.* Bazylianie w koronie i na Litwie / Maria Pidlypczak-Majerowicz. – Warszawa: PWN, 1986. – 272 s.
10. *Poplatek, J.* Alumnat papieski w Wilnie / J. Poplatek // Z dziejow szkolnictwa jezuickiego w Polsce : wybor artykulow. – Krakow, 1994. – 259 s.
11. *Radwan, M.* Carat wobec Kościoła grekokatolickiego w zaborze rosyjskim (1796–1839) / M. Radwan. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2004. – 504 s.
12. *Chynczewska-Hennel, T.* Uniabrzeska XVII stulecia w polskiej historiografii [Электронный ресурс] / T. Chynczewska-Hennel // Białoruskie Zeszyty Historyczne = Беларускі гістарычны зборнік. – 2009. – Режим доступа: http://kamunikat.org/usie_czasopisy.html?pubid=2148. – Дата доступа: 03.05.2012.
13. *Rzońca, J.* Kościół unicki na ziemiach polskich pod zaborem rosyjskim za Mikołaja I i jego likwidacja w 1839 r. / J. Rzońca // Wspólne dziedzictwo ziem południowo-wschodnich dawnej Rzeczypospolite. – Białystok, 2005. – Т. 4. – S. 127–142.
14. *Wereda, D.* Pochodzenie i wykształcenie duchowieństwa unickiej diecezji Brzeskiej w XVIII wieku / D. Wereda // Studia Podlaskie. – Białystok, 2003. – Т. XIII. – S. 107–127.

(Дата поступления: 12.10.2017).

Sereda Artëm

ГУО «Республиканский институт высшей школы», Минск, Беларусь

Sereda Artem

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

УДК 93/330.87

ПОРЯДОК СОСТАВЛЕНИЯ УСТАВНЫХ ГРАМОТ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В 1861–1862 ГОДАХ

THE PROCEDURE FOR DRAWING UP OF CHARTERS IN THE BELARUSIAN PROVINCES IN 1861–1862

Статья посвящена процессу составления уставных грамот – юридических документов, фиксировавших условия осуществления Аграрной реформы 1861 года на белорусских землях. Раскрыты процесс составления, особенности создания, оформления, введения в действие документов, роль мировых посредников в данном процессе. Обнаружены противоречия, заложенные законом,

в порядке составления и фиксации данных, несоответствии отведенных правительством сроков для введения документов с реальными на то возможностями. Создается ясная картина юридического процесса отмены крепостничества на белорусских землях.

Ключевые слова: крестьянская реформа; уставные грамоты; мировые посредники.

This article is devoted to the process of charters – legal documents, fixed terms of the Peasants reform of 1861 in the belarusian lands. Discloses the process of drafting, particularly the creation, registration, entry into force of the documents, the role of social mediators in this process. Revealed the contradictions inherent in the law compilation and fixation data allotted by the government for non-compliance for a period of administration documents on the real possibilities. One gets a clear picture of the legal process of the abolition of serfdom in the belarusian lands.

Keywords: Peasants reform, charters, social mediators

Проведение Аграрной реформы 1861 года требовало юридическое закрепления новых форм взаимоотношений между помещиком, крестьянством и государством. Документом, фиксировавшим весь комплекс взаимоотношений, являлась уставная грамота.

Правила составления и введения документов регулировали Высочайше утвержденные правила о порядке приведения в действие Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, Раздел (Отдел) II – «Составление, рассмотрение, введение, проверка, утверждение и введение в действие уставных грамот».

Правила гласили следующее: уставная грамота по каждому имению должна быть составлена и представлена в течение года со дня получения в губернском городе, где находится имение, Положений, регламентировавших процесс составления документов. Документ составлял владелец имения либо доверенное лицо, либо опекун [10, с. 222]. При возникновении трудностей и противоречий помещик имел право обратиться за помощью к мировому посреднику либо полностью поручить последнему составить документ. Мировой посредник – специальный чиновник, занимавшийся перепроверкой условий уже составленных уставных грамот, обязан был также составлять грамоты в случаях: 1) отсутствия от помещика или представляющего его лица документа более года, отведенного на составление, 2) прямой просьбы помещика [10, с. 223]. На составление грамот отводился один год, на окончательное составление, утверждение и введение в действие уставных грамот отводилось два года со дня утверждения Положений о крестьянах [10, с. 222].

Предусматривались варианты составления документов между землевладельцем и 1) сельским обществом, 2) отдельными домохозяевами, 3) товариществами при взаимном ручательстве в исправном исполнении платежей [10, с. 179]. При составлении документа в местностях с общин-

ным землепользованием обозначались суммы повинностей по отдельным сельским обществам, в местностях с подворным земледелием фиксировались повинности отдельных крестьянских домохозяйств.

Положения требовали, чтобы в каждой грамоте фиксировалось: 1) наименование селения, губернии, уезда, 2) имя, фамилия, чин, звание владельца, 3) число крестьян по последней ревизии (1858) и водворенных позже людей, число дворовых людей с указанием имевших право на получение надела, общее количество душ, претендующих на надел; на землях с подворным землепользованием необходимо было указывать и число дворов (домохозяйств) [10, с. 224], 4) количество всей земли, состоящей в пользовании крестьян, с указанием, по возможности, количества земли, находящейся под усадебной оседлостью (земли крестьянской усадьбы, а также некоторые иные земли, доход с которых поступал не помещику, а крестьянскому обществу [10, с. 239]) – количества земли необходимо было указывать по примерному, «домашнему» измерению [10, с. 224], хотя оговаривались случаи привлечения землемеров, 5) обозначение, на основании Местного Положения, количества земли (с указанием возможных прирезок и отрезков), оставшейся за крестьянами, 6) особых «доходных статей и угодий» (участков рыбной ловли, бортевого леса и т. д.), оставляемых за помещиком или крестьянами, 7) пределы крестьянского надела с обозначением наиболее заметных разграничительных признаков на местности, 8) точное исчисление, на основании местных положений, оброка, а в барщинных имениях – мужских и женских рабочих дней с точной фиксацией на летнюю и зимнюю пору, 9) долю крестьянских повинностей или цену, причитающихся за выкуп усадьбы, 10) при наличии – сумму мирских капиталов с указанием места их хранения [10, с. 224]. Если имение находилось на особом положении или имело особые привилегии, дававшие возможность помещику увеличивать будущие крестьянские повинности, помещик обязан был объяснить причину такого положения вещей [10, с. 224]. Отдельно включались условия и правила пользования сервитутами – общим водопоем, прогоном для скота, дровяным и строительным лесом и прочих угодий с объяснением, какие права на них сохраняет помещик и почему [10, с. 224].

На основании «Положения о выкупе», при исчислении суммы выкупа, за основу принималась не рыночная цена земли, а размер крестьянского оброка. Годовой оброк капитализировался из шести процентов, т. е. умножается на шестнадцать и 2/3. При приобретении полного надела – четыре пятых (80 копеек на рубль, при приобретении уменьшенного надела – три четверти (75 копеек на рубль)) [10, с. 183].

Необходимо отметить следующее противоречие закона – на протяжении всего текста Положений касательно всех аспектов разграничения угодий, начисления выкупных платежей и отработок помещиком, а также

работы мирового посредника постоянно присутствуют словесные обзоры, подчеркивающие важность и необходимость «взаимного, добровольного соглашения крестьян с помещиком». Статьи Положений, прямо раскрывающие суть операций, более прямолинейны и не требуют обязательного участия крестьян в обсуждении условий будущего документа: «От усмотрения владельца зависит призвать крестьян к участию в составлении уставной грамоты, или составить оную без их участия, но если владелец намеревался представить уставную грамоту как добровольную сделку..., то он должен предварительно сообщить её крестьянам на сходе [10, с. 225]», что доказывает – закон явно на стороне землевладельца. Показательным является и то, что в случае «сообщения» крестьянам условий сделки закон предусматривал последующий вариант действия «при согласии крестьян», совершенно не оговаривая возможного несогласия крестьян [10, с. 225].

После составления уставной грамоты призывался мировой посредник, обязанный на месте перепроверить правильность условий документа на основе Положений и своеобразных условий местности. При проверке существовала возможность исправления данных по инициативе обеих сторон, т. е. крестьяне, как и помещик, могли выразить свое несогласие по тем или иным пунктам, заявив протест или подав жалобу на условия уставной грамоты. Инструкции гласили, что «...мировые посредники должны действовать, по возможности, примирительно, ограждая права и пользы обеих сторон, должны постоянно избегать всего того, что могло бы возбудить споры и несогласия между помещиками и крестьянами» [10, с. 228]. При необходимости в помощь посреднику передавалась полиция, которая должна была исполнять все требования посредника «немедленно и безотговорочно» [10, с. 228]. Обнаруженные ошибки должны были немедленно исправляться, а излишне отбытые крестьянские повинности и платежи заносились в будущий счет [10, с. 230]. По окончании проверки грамота вводилась в действие – в идеале грамота торжественно зачитывалась, разъяснялась на крестьянском сходе [10, с. 228].

Далее документ утверждался сначала уездным, а затем губернским по крестьянским делам присутствиями [10, с. 190]. Получив, после этого, представление мирового посредника о выкупе, Губернское по крестьянским делам присутствие запрашивало в местной Гражданской палате сведения о наличии на имении штрафов, исков, казенных взысканий, указного ареста или запрещения – данная информация подавалась не более чем в месячный срок [10, с. 190]. Получив и проверив правильность данных сведений, губернское правление отправляло документы в главное выкупное учреждение [10, с. 191], которое, в случае наличия долгов на имении, связывалось с кредитным учреждением для проверки информации – при получении отзыва кредитора (сроки получения таковой информации не указаны), в случае отсутствия препятствий, главное выкупное учреж-

дение окончательно разрешало выкупную ссуду, возвращая документы в Губернское по крестьянским делам присутствие; в то же время главное выкупное учреждения извещало кредитора о разрешенной или отклоненной выкупной сделке, попутно уведомляя Сенат о запрещении выкупа или изменении его условий [10, с. 191]. Только получив окончательное разрешение выкупного учреждения на выкупную ссуду, Губернское присутствие объявляло об этом всем сторонам [10, с. 191]. В Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской и части Витебской губерний после введения уставных грамот планировалась повторная проверка особыми Поверочными комиссиями [10, с. 230].

Вся деятельность мировых посредников подчинялась осуществлению данной задачи – на повестку первых собраний Губернских по крестьянским делам присутствий выносился вопрос о рассмотрении, обсуждении и утверждении образцов уставных грамот [1, л. 2]. Так, после совещания с опытнейшими помещиками в Гродненском губернском по крестьянским делам присутствии было признано, что некоторые статьи, в силу специфики имений, вообще не войдут в грамоты, на каждое имение придется составлять свою, непохожую грамоту [4, л. 3]. Такого же мнения было и Минское губернское по крестьянским делам присутствие, пришедшее к выводу, что каждая грамота будет отличаться друг от друга по доставляемым сведениям [5, л. 23]. Своеобразие хозяйственного уклада белорусской деревни – вот фактор, создававший многочисленные сложности при составлении и введении уставных грамот.

Однако важно отметить, что выполнение ряда отдельных положений уставной грамоты, в силу естественных обстоятельств, могло произойти лишь после завершения отведенного правительством двухлетнего срока. К примеру, в целях ликвидации чересполосицы, дальнеземелья или по требованию помещика крестьянин, с помощью помещика, часто был обязан перенести на новое место дом и хозяйственные постройки [10, с. 225]. Трудоемкий процесс требовал немало времени, так как дословное исполнение закона предполагало, что формальное составление и введение в силу уставной грамоты может произойти лишь по факту разверстания угодий и переноса крестьянской усадьбы на новое место, и маловероятно, чтобы такое произошло в двухлетний срок. Это говорит о том, что выполнение ряда условий, требовавшееся Положениями, не могло быть осуществлено в отведенные два года.

Крестьяне, как и помещик, имели право обжаловать решения мирового посредника, а также положения уставной грамоты для полного исправления или изменения и отмены некоторых положений. Вертикаль власти в системе института мировых посредников имела следующий вид: на нижней ступени находился мировой участок во главе с мировым посредником; далее – уездный съезд мировых посредников, во главе с уездным предводителем дворянства; на высшем, губернском, уровне

действовало Губернское по крестьянским делам присутствие во главе с коллегией должностных лиц высокого ранга [10, с. 216]. Высшей судебной инстанцией по таким вопросам выступал Правительствующий сенат. Разбор жалоб на действия мировых посредников и условия уставных грамот, затрагивавший всю вертикаль пирамиды, занимал бы очень продолжительный промежуток времени, опять же несовместимый с отведенных двухлетним сроком.

Мировой же посредник, ответственный за составление, перепроверку, введение в действие и пересмотр условий грамот, обязанный отвечать за жалобы на свою деятельность, был занят и другими многочисленными вопросами: «Если положить на каждую деревню по одному дню в году, то вот уже у посредников и есть 250 рабочих дней. А мировые уездные съезды? А разбор тяжб, жалоб, ссор, проверка уставных грамот и т. п.? – работы вдоволь» [8, с. 64]. Данные обстоятельства предполагали сильную загруженность мирового посредника, что, естественно, сказывалось на темпах составления, проверки и введения в действие документа.

Важно отметить, что отмена крепостного права в России осуществлялась, во многом, таким же образом, как и ранее в соседней Пруссии. Однако прусский опыт показал, что детальный учёт и нормирование важнейших сервитутов (право крестьян на получение дров из помещичьего леса, право выпаса скота на помещичьих полях под паром), а также таких «трудноуловимых», «ускользающих» от наблюдения, но необходимых для хозяйства форм отношений, как право выпалывать сорняки на помещичьих землях для своего скота или собирать в помещичьем лесу жёлуди на корм свиньям, способен затянуть ее на долгое время – это и привело к поэтапной отмене крепостного права (а равно к составлению и корректировке документов, фиксировавших отношения помещиков и бывших крепостных), растянувшейся чуть ли не на полстолетия (с 1810 по 1850-е годы) [7, с. 86–91, 136–140, 151–154, 214–216 и др.]. Исходя из этого легко представить, какие трудности испытывали помещики, крестьянство и мировые посредники, поставленные правительством в двухлетние рамки для упорядочивания всего многообразия форм собственности и отношений традиционного, неформального, неписаного уклада деревни на пространствах Российской империи. Поэтому перестройку многовековых форм правоотношений было очень нелегко реализовать в двухлетний срок.

Сочетание данных обстоятельств предопределяло закономерный итог – на полную реализацию уставных грамот не хватит отведенного времени. В сентябре 1861 года министр внутренних дел П. А. Валуев сообщал Александру II, что мировые посредники по настоящее время действуют усердно, успешно и вообще соответствуют своему назначению [11, с. 57], однако реальность подтвердила, что ввести уставные грамоты в отведенное время полностью не получится. Так, на 1 января 1863 года

в Гродненской губернии были введены 283 уставные грамоты, а представлено к рассмотрению – 1004, в Минской – 418 и 1138, Могилёвской – 820 и 1262, Витебской – 1310 и 399, Виленской – 1154 и 401 соответственно [9, с. 286]. Необходимо отметить, что в отведенные сроки не укладывались посредники на большей части империи. Так, общий процент введенных в действие уставных грамот по всей империи на 1 января 1863 года составлял 68,6 % (по отношению к общему числу душ), но в отдельных губерниях он был весьма различен: в Симбирской губернии – 95,52 %, в Саратовской – 70,50 %, в Таврической – 30,54 % [6, с. 198]. Понадобится еще более трех лет, чтобы приблизиться к окончательному введению в действие уставных грамот: к 1 сентября 1866 года процент введенных грамот составит в империи 95,4 % [6, с. 269].

Таким образом, можно говорить о следующем: уставные грамоты – специальный юридический документ, фиксирующий отношение помещика с временнообязанными крестьянами в Российской империи по Положениям 19 февраля 1861 года. Данный документ, устанавливавший размеры земельных наделов помещиков и крестьян, размер крестьянских повинностей и налогов в счет государства и помещиков, должен был привести в определенный порядок все многообразие хозяйственных взаимоотношений в бывшей помещичьей деревне. Изначально предполагая в себе содержание и строгое упорядочивание большого количества данных, документ создавался при прямом (реже – посредством) участии владельца имения, которому давались привилегии в этом деле. Проверка и введение грамоты в действие осуществлялись специальным правительственным чиновником – мировым посредником. Предусматривался процесс изменения условий грамоты по требованиям одной или обеих сторон. На составление и введение в действие уставных грамот отводилось два года. Однако объем работы, который должен был быть проведен при правильном составлении уставных грамот, был настолько велик, что не позволил осуществить задумку правительства в отведенные сроки – это предопределило медленные темпы в осуществлении крестьянской реформы как в губерниях, земли которых составляют территорию нынешней Беларуси, так и в других регионах Российской империи.

Список использованных источников

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). – Фонд 390. – Оп. 3. – Д. 2. Ведомость о поступлении оброка, выкупных платежей и других государственных сборов с крестьян Брестского уезда.
2. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі: у 2 т. / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі; пад рэд. Н. М. Нікольскага, Д. А. Дудкова, І. Ф. Лочмеля. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1936–1940. – Т. 2: 1772–1903 гг. / пад рэд. Н. М. Нікольскага [і інш.]. – 1940. – 938 с.

3. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 997. – Оп. 1. – Д. 5. Дело о составлении и введении в действие уставных грамот.

4. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 997. – Оп. 1. – Д. 4. Дело о составлении и введении в действие уставных грамот в Сокольском уезде Пружанской волости.

5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минск (НИАБ в Минске). – Фонд 242. – Оп. 1. – Д. 1. Журнал заседаний Минского губернского по крестьянским делам присутствия, 1861 год.

6. *Зайончковский, П. А.* Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – М.: Просвещение, 1968. – 367 с.

7. *Костюшко, И. И.* Прусская аграрная реформа: к проблеме буржуазной аграрной эволюции прусского типа / И. И. Костюшко. – М.: Наука, 1989. – 261 с.

8. Никулин, В. Н. Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века / В. Н. Никулин. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – 340с.

9. Отмена крепостного права / Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории Акад. наук СССР. Центр. гос. ист. архив в Ленинграде. – Ленинград; Москва: Изд. И 1-я тип. Изд-ва Акад. Наук СССР в Лгр., 1950. – 312 с.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. – СПб.: Тип. II Отд. Собствен. Е. И. В. Канцелярии, 1863. – Т. XVI. – Отд. 1: 1861. – № 36490–7190.

11. *Рыбков, А. Г.* Мировые посредники в крестьянской реформе 1861 года (на материалах Саратовской губернии) / А. Г. Рыбков, М. М. Зинина. – Балаково: Балак. ин-т экономики и бизнеса, 2010. – 171 с.

(Дата поступления: 02.10.2017).

Адреса электронной почты авторов

ФИО автора	Адрес электронной почты
1. Андруцкая Татьяна Викторовна	mokash@mail.ru
2. Арпентьева Мариям Равильевна	mariam_rav@mail.ru
3. Бруханчик Екатерина Анатольевна	drozdik-23@rambler.ru
4. Воронович Виталий Валерьевич	voronvitebsk@mail.ru
5. Гвардиан Сергей Александрович	sedan105@rambler.ru
6. Гущинский Игорь Геннадьевич	hushchynski@gmail.com
7. Ерошевич Александр Владимирович	erash06@rambler.ru
8. Загорнов Александр Александрович	zagornov@tut.by
9. Карпеченко Анна Александровна	majanna@rambler.ru
10. Кейко Юлия Владимировна	jv.kejko@gmail.com
11. Киселёв Александр Александрович	kiselev_aa@list.ru
12. Король Маргарита Михайловна	paparatom@gmail.com
13. Мастяница-Станкевич Ольга	mastianica@gmail.com
14. Матюш Павел Аркадьевич	GreatPaulius@yandex.ru
15. Меньчена Сергей Викторович	men_sv@tut.by
16. Мигун Дмитрий Адамович	ditmar-2006@tut.by
17. Мосейчук Людмила Ивановна	mosejchuk@tut.by
18. Панов Сергей Вениаминович	swpanow@gmail.com
19. Серeda Артём Сергеевич	MarcellinuS@tut.by
20. Сороковик Иван Александрович	i.sorokovik@mail.ru
21. Сытько Кирилл Валерьевич	kirylawolny@gmail.com
22. Хадасевич Анна Сергеевна	annahadasevich@gmail.com
23. Цуба Михаил Викторович	cubanm05@rambler.ru
24. Шевкун Павел Викторович	p.shevkun@mail.ru
25. Шимукович Сергей Фадеевич	28.05.74@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шимукович Сергей.</i> БЕЛОРУССКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ ПЕРИОДА «ДОЛГОГО XIX ВЕКА» КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ	3
<i>Загорнов Александр.</i> ВОЛОСТНОЕ ПРАВОСУДИЕ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	12
<i>Сыцько Кірыл.</i> КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ЖЫЦЦЯ КАТАЛІЦКІХ ПАРАФІЙ БЕЛАРУСІ НАПРЫКАНЦЫ XVIII – ПЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ	17
<i>Киселёв Александр.</i> СТАТУС ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ В СОСТАВЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)	26
<i>Мацюш Павел.</i> МАДЭРНИЗАЦЫЙНЫЯ ПРАЦЭСЫ Ў ПРАМЫСЛОВАСЦІ БЕЛАРУСІ Ў XIX – ПЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ І ІХ УПЛЫЎ НА ФАРМАВАННЕ ІНДУСТРЫЯЛЬНАГА ГРАМАДСТВА	31
<i>Мяньчэня Сяргей.</i> ПШЧЕЙНЫ ГАНДАЛЬ І СПАЖЫВАННЕ АЛКАГОЛЮ Ў МІНСКАЙ ГУБЕРНІ Ў ГАДЫ «ВІННАЙ МАНАПОЛІ» (1897–1914 ГАДЫ)	36
<i>Шевкун Павел.</i> ОТ ТРАДИЦИИ К МОДЕРНУ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)	44
<i>Мастяница-Станкевич Ольга.</i> ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»: НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИТВЕ	53
<i>Арпентьева Мариям.</i> БЕЛОРУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА	59
<i>Бруханчик Екатерина.</i> РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВ НА СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	66
<i>Воронович Виталий.</i> ПРОБЛЕМА БЕЛОРУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ФОРМАЛИЗМ, ФОРМАЛИЗАЦИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ	75
<i>Гушчынскі Ігар.</i> ПРАВЯДЗЕННЕ РАСІЙСКОЙ СУДОВАЙ РЭФОРМЫ 1864 ГОДА НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (У КАНТЭКСЦЕ ПАЛІТЫКІ	

ІМПЕРСКІХ УЛАД ПА ЎНІФІКАЦЫІ КРАЮ З УНУТРАНЫМІ ГУБЕРНЯМІ).....	81
<i>Ерашэвіч Аляксандр.</i> БЕЛАРУСКІЯ ГУБЕРНІ Ў СІСТЭМЕ АГУЛЬНАДЗЯРЖАЎНАГА БЮДЖЭТУ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў 1770–1790-Я ГАДЫ.....	88
<i>Мизун Дмитрий.</i> НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 ГОДА В ГЕРМАНИИ И БЕЛАРУСЬ.....	101
<i>Паноў Сяргей.</i> СУЧАСНЫ ПАДРУЧНІК ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ ХІХ СТАГОДДЗЯ ЯК САЦЫЯКУЛЬТУРНЫ ФЕНОМЕН: ДЫДАКТЫЧНАЯ КАНЦЭПЦЫЯ.....	110
<i>Саракавік Іван.</i> І. М. ДАЊІЛОВІЧ – АДЗІН З АКТЫЎНЕЙШЫХ ПАЧЫНАЛЬНІКАЎ АЙЧЫННАЙ НАВУКОВАЙ ЮРЫСПРУДЭНЦЫІ.....	118
<i>Хадасевіч Анна.</i> К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1920–1930-Е ГОДЫ.....	127
<i>Цуба Міхаіл.</i> СТАЎЛЕННЕ САМАДЗЯРЖАЎЯ І ПРАВЫХ ШАВІНІСТЫЧНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ ДА БЕЛАРУСКАГА АДРАДЖЭННЯ Ў 1907–1914 ГАДЫ.....	138
<i>Андруцкая Татьяна.</i> ИЗУЧЕНИЕ ПРАКТИКИ ДВОРЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	148
<i>Гвардыян Сергей.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ХІХ – НАЧАЛА ХХ ВЕКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	156
<i>Кароль Маргарыта.</i> СУПРАЦЎЛЕННЕ ПЕРАВОДУ Ў ПРАВАСЛАЎЕ КАТАЛІЦКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ ПАСЛЯ ПАЎСТАННЯ 1863–1864 ГАДОЎ: ВОБРАЗ «ПАДБУХТОРШЧЫКАЎ» У РАСІЙСКІМ АФІЦЫЙНЫМ ДЫСКУРСЕ.....	165
<i>Карпечанка Ганна.</i> САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАЕ РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКІХ МАЁНТКАЎ ТЫШКЕВІЧАЎ У ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТАГОДДЗЯ.....	174
<i>Кейко Юлия.</i> ЦЕРКОВНЫЕ СОВЕТЫ ГРОДНЕНСКОГО УЕЗДА В 1860-Е ГОДЫ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ.....	187
<i>Мосейчук Людмила.</i> РАЗВИТИЕ УНИАТСКОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ХVІІІ – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ХІХ ВЕКА В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	195
<i>Середа Артём.</i> ПОРЯДОК СОСТАВЛЕНИЯ УСТАВНЫХ ГРАМОТ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В 1861–1862 ГОДАХ.....	199

Научное издание

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Ответственный за выпуск *С. Ф. Шимукович*

Редактор *Н. В. Боярова*

Компьютерная верстка *А. А. Пархомчик*

Подписано в печать 20.12.2017. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 12,2. Уч-изд. л. 15,2. Тираж 100 экз. Заказ 97.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.